

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ I.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Великоруссы.	}	3. Вѣлоруссы.
2. Малороссы.		4. Поляки.

Четыре хромоолитографіи и 12 гравюръ.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, Д. № 39.
1878.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Полеза»,
Большая Подъячская, № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го декабря 1877 года

Народы, населяющіе Россію, столь разнообразны по своимъ типамъ, костюмамъ, нравамъ и обычаямъ, что описаніе ихъ и наглядное изображеніе всегда возбуждало интересъ, и въ началѣ настоящаго вѣка было нѣсколько заграничныхъ изданій, которыя, по тогдашнему состоянію художественной техники, были весьма несовершенны, а кромѣ того во многихъ случаяхъ и фантастичны. Къ тысячелѣтію Россіи было въ первый разъ сдѣлано великолѣпнѣйшее изданіе «Les Peuples de la Russie» Паули съ роскошными хромолитографіями, и при томъ сдѣланными на основаніи болѣе вѣрныхъ этнографическихъ данныхъ. Но изданіе это, даже и въ первое время его появленія, по цѣнѣ своей и роскоши, было недоступно для публики; нынѣ же, когда цѣна нѣсколькихъ экземпляровъ, оставшихся въ продажѣ, дошла едва не до 200 руб. за экземпляръ, можно сказать, что оно совершенно недоступно. Дѣлать вновь подобное изданіе въ Россіи невозможно; но составить альбомъ въ меньшихъ размѣрахъ, исполненный однако хорошо, и издать его не такъ роскошно съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтеніе его сдѣлать вполне доступнымъ для публики, приняло на себя Картографическое Заведеніе Ильина.

Въ альбомѣ «НАРОДЫ РОССИИ» будутъ хромолитографированы слѣдующіе типы русскихъ народовъ:

- 1) Великоруссы. 2) Малоруссы. 3) Бѣлоруссы. 4) Поляки.
- 5) Латыши. 6) Литовцы. 7) Вотяки. 8) Зыряне. 9) Финны.
- 10) Мордва. 11) Черемиссы. 12) Евреи. 13) Цыгане. 14) Молдаване (Румыны).
- 15) Крымскіе татары. 16) Казанскіе, симбирскіе и сибирскіе татары. 17) Башкиры. 18) Киргизы. 19) Осетины.
- 20) Армяне. 21) Грузины. 22) Имеретинцы. 23) Мингрельцы.
- 24) Гурийцы. 25) Чеченцы. 26) Лезгинны. 27) Кабардинцы.

- 28) Курды. 29) Якуты. 30) Тунгузы. 31) Гиляки. 32) Айно.
- 33) Бурята. 34) Калмыки. 35) Самоѣды. 36) Юраки. 37) Остяки.
- 38) Чукчи. 39) Каряки. 40) Камчадалы. 41) Бухарцы. 42) Хивинцы.
- 43) Туркмены. 44) Сарты и 45) Узбеки.

Къ этимъ хромолитографіямъ приложенъ и текстъ съ описаніемъ нравовъ, образа жизни и обычаевъ поименованныхъ народностей. Въ текстѣ кромѣ того гравюры, изображающія типы, сцены, замѣчательные города Россіи и другія заслуживающія вниманія мѣста.

Приступая къ изданію, Картографическое Заведеніе считаетъ долгомъ заявить, что оно слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было притязаній на научный характеръ «Живописнаго Альбома». Уже самое названіе показываетъ, что главная цѣль состоитъ въ живописномъ воспроизведеніи народныхъ типовъ Россіи; текстъ же не болѣе какъ дополненіе къ рисункамъ и написанъ въ самой популярной формѣ съ цѣлью ознакомить съ наиболѣе характерными этнографическими чертами различныхъ племенъ. Объемъ описаній и степень интереса ихъ должны быть, конечно, весьма различны и зависѣть отъ тѣхъ этнографическихъ особенностей, которыя присущи каждому племени. Чѣмъ племя наиболѣе отличается отъ славянскаго, тѣмъ описаніе его можетъ показаться интереснѣе; для племенъ же славянскихъ, этнографическій бытъ которыхъ болѣе или менѣе извѣстенъ каждому изъ русскихъ, для заинтересованія читателя потребовался бы цѣлый научный трактатъ, который не подошелъ бы уже подъ предпринятый трудъ. Этимъ объясняются тѣ рамки, въ которыя включенъ текстъ «Живописнаго Альбома».

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Государство русское, начавшее свою жизнь въ 862 году соединеніемъ нѣсколькихъ славянскихъ племенъ подъ управленіемъ князей, превратилось нынѣ, чрезъ тысячу лѣтъ, въ огромную русскую имперію. Россія занимаетъ теперь одну шестую часть всей суши и $\frac{1}{25}$ часть всей поверхности земнаго шара. Русская земля раскинулась въ двухъ частяхъ свѣта: въ Европѣ и въ Азіи; въ одной только Европѣ русской земли болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Все пространство Россіи доходитъ до 390,000 квадратныхъ миль и распределяется такимъ образомъ:

Въ Европѣ	98,481 кв. миль.
На Кавказѣ	7,897 » миль.
Въ Сибири	227,339 » »
Въ Средней Азіи	49,741 » миль.
Каспійское и Азовское моря . .	8,680 » миль.
Всего	390,138 кв. миль.

Но одно пространство само по себѣ еще ничего не значить. Земля имѣетъ значеніе только тогда, когда она богата и когда ее населяетъ умный, образованный и трудолюбивый народъ, и при томъ въ такомъ числѣ, что не остается большихъ пространствъ необработанныхъ совершенно. Въ Россіи есть очень много мѣстъ, которыя вовсе не могутъ быть обрабатываемы, ибо лежатъ далеко на сѣверѣ, имѣютъ продолжительную зиму и значительную часть года покрыты снѣгомъ. Другія земли не воздѣлываются потому, что земли слишкомъ

много, а рабочихъ рукъ мало, ибо населеніе Россіи, хотя и велико само по себѣ, но мало для того огромнаго пространства, на которомъ раскинулась Россія.

И дѣйствительно, на всемъ протяженіи Россіи живетъ болѣе 81 $\frac{1}{2}$ милліона человекъ; эти жители распределяются такимъ образомъ:

Въ Европейской Россіи	71.207,790 ч.
На Кавказѣ	4.583,640 »
Въ Сибири	3.327,620 »
Въ Средней Азіи	2.626,240 »
Всего	81.745,290 ч.

Это населеніе разбросано весьма неравномерно, такъ что есть губерніи весьма густо населенныя, какъ напримѣръ Калужская, а другія почти совершенно пустынные, какъ напримѣръ Архангельская.

Всѣ жители русскаго царства принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, изъ которыхъ славянское племя какъ по всему нравственному вліянію, такъ и по числу, есть главное. Оно состоитъ изъ русскихъ и поляковъ; русскіе же подраздѣляются на три группы: бѣлоруссовъ, малоруссовъ и, наконецъ, великоруссовъ, а всѣ три группы вмѣстѣ составляютъ около 54 милліоновъ. Изъ этого числа бѣлоруссы, въ числѣ около 3-хъ милліоновъ, живутъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Волынской, Подольской, Черниговской, Смоленской и Орловской, и въ весьма небольшомъ числѣ въ Херсонской и Пензенской.

Малоруссы, въ числѣ около 11-ти милліоновъ, занимаютъ губерніи Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую, а также частью живутъ въ Воронежской, Орловской, Курской, Могилевской, Бессарабской и въ Донской области.

Великоруссы, въ числѣ около 40 милліоновъ, занимаютъ всѣ губерніи средней Россіи, и кромѣ того живутъ во всѣхъ другихъ губерніяхъ какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Другая отрасль славянскаго племени—польская народность, населяетъ главнымъ образомъ Царство Польское и разныя другія мѣста имперіи. Всѣхъ поляковъ считается въ Россіи 4.500,000.

За славянскимъ племенемъ, по многочисленности своей, слѣдуетъ финское, въ которомъ считается болѣе 4.500,000.

Далѣе, уже въ значительно меньшемъ числѣ, слѣдуютъ: литовцы, евреи, татары, башкиры и киргизы.

Вообще названныя племена и народности распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Русскихъ	около 54.000,000
Финновъ	4.500,000
Поляковъ	4.400,000
Литовцевъ	2.620,000
Евреевъ	2.330,000
Татаръ	1,472,000
Киргизовъ	1.245,000
Башкировъ	1.037,000

Остальныя принадлежатъ къ разнымъ европейскимъ и азіатскимъ народностямъ и даже къ бродячимъ инородцамъ, живущимъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи и въ Азіи. Обо всѣхъ ихъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь опишемъ жизнь главнаго племени, славянскаго, начиная съ русской вѣтви.

СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.

I. ВЕЛИКОРУССЫ.

Характеръ, жилища, одежда и пища.

Красивыя черты лица, средній ростъ и хорошее сложеніе, удалы и сметливость, находчивость и беззаботность, покорность судьбѣ и привязанность къ родному углу составляютъ характеристику великорусскаго крестьянина. Уживчивость съ людьми, способность примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни, откровенность, доходящая до болтливости, радушіе, а гдѣ нужно то и хитрость, также свойственны великорусскому крестьянину. Въ мѣстахъ, обильныхъ землею, онъ земледѣлецъ; гдѣ земля даетъ скудные урожаи, великоруссы отходятъ на сторону для разныхъ промысловъ и, если только не забудетъ, то съ одинаковымъ умѣньемъ и удобствомъ пристроится къ чему угодно. Понятливость великорусса даетъ ему возможность легко изучить всякое мастерство, а сметливость и находчивость, при счастьѣ, дѣлаютъ изъ него толковаго торговца или промышленника. Однимъ словомъ, добрый великорусскій парень, какъ говорится, «молодецъ на всѣ руки».

Такъ какъ великоруссы разбросаны по всѣмъ губерніямъ средней Россіи, гдѣ почва и разныя другія условія жизни не одинаковы, то естественно, что и характеръ великорусса не вездѣ бываетъ одинаковъ. Въ мѣстахъ небогатыхъ и глухихъ, обремененный иногда

нуждою вслѣдствіе скудости почвы и отсутствія другихъ заработковъ, онъ кажется диковатымъ, неповоротливымъ и безтолковымъ; но тотъ же великорусскій въ бойкихъ мѣстахъ, на плодородной почвѣ, вблизи хорошихъ путей, связывающихъ деревню съ городскимъ населеніемъ, является сметливымъ, удалымъ и даже разбитнымъ.

Но если близость къ городамъ способствуетъ развитію крестьянина, то въ то же время эта близость нерѣдко портитъ великорусса, который легко поддается всякому соблазну и искушенію. Отправляясь вслѣдствіе близости города на промыселъ, крестьянинъ приходитъ въ столкновеніе со всякимъ народомъ и заимствуетъ новыя привычки, наклонности и пороки, которые въ глуши ему были неизвѣстны. Находясь въ разлукѣ съ своимъ семействомъ, котораго не видитъ иногда по цѣлымъ годамъ, онъ отвыкаетъ отъ него, а часто и вовсе не помогаетъ своей семьѣ. Равнодушный къ своему семейству, онъ становится равнодушнымъ и ко всему остальному, беззаботность укореняется въ немъ до высшей степени, удалъ обращается въ буйный разгулъ, а сметливость, ловкость и смѣлость принимаютъ часто безнравственное направленіе.

Если нельзя по правдѣ сказать, чтобы русскій крестьянинъ вполнѣ хорошо и сознательно понималъ всѣ религіозныя догматы, то все-таки страхъ Божій, сильный и постоянный, сопровождаетъ его вездѣ и въ большей части случаевъ удерживаетъ его отъ дурныхъ намѣреній, а надежда на Божій Промыслъ служить часто большимъ утѣшеніемъ въ жизненныхъ невзгодахъ.

Къ старинѣ, къ обычаямъ своихъ предковъ, къ обрядамъ и вѣрованіямъ крестьянинъ весьма приверженъ и питаетъ къ нимъ большое уваженіе.

Если между коренными качествами великорусса можно встрѣтить множество недостатковъ и пороковъ, то причины этого заключаются въ маломъ образованіи нашего народа вообще и въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя держали русскаго крестьянина въ крѣп-

стной зависимости, отъ которой онъ нынѣ избавленъ Императоромъ Александромъ II.

Опишемъ теперь жизнь великорусскаго крестьянина въ его деревнѣ.

Нельзя сказать, чтобы русская деревня имѣла привлекательный видъ. Если, подъѣзжая къ ней, издали она кажется живописною, то при ближайшемъ осмотрѣ она тотчасъ же теряетъ всю свою прелесть. Разумѣется, мы говоримъ не о тѣхъ немногихъ деревняхъ, гдѣ бываютъ двухъ-этажные деревянные, а иногда и каменные дома, а о большинствѣ, которое встрѣчается на каждомъ шагу. Чаше всего русская деревня представляетъ множество всякаго рода деревянныхъ построекъ, расположенныхъ въ безобразной кучѣ, съ разными закоулками. Избы нерѣдко бываютъ крыты соломою, покрывившіяся на бокъ, а улицы полны непроходимой грязи.

Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба обыкновенно теплая, назначается для жилья, а другая есть клѣтъ, въ которой хранится посуда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней и живутъ. Но чаще встрѣчаются дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣтки. Главная принадлежность избы—русская печь; однако есть не мало мѣстностей, гдѣ донныя еще сохранились курныя избы, въ которыхъ, за неимѣніемъ трубы, дымъ идетъ по избѣ и выходитъ черезъ дверь. Нерѣдко въ одной избѣ съ крестьянскою семьею живетъ и крестьянская скотина. Описывать внутренность избы мы считаемъ совершенно излишнимъ, ибо это бесполезно для тѣхъ, кто видѣлъ и недостаточно для не видавшихъ избы.

Въ особенности дурны бываютъ крестьянскія помѣщенія для скота: конюшни и сараи для лошадей, клѣва для коровъ, овецъ и свиней часто бываютъ открытыя, съ дырявыми стѣнами въ видѣ навѣсовъ, забранныхъ съ одной только стороны плетнемъ. Зимой подоб-

ный хлѣвъ не защищаетъ скотину отъ холода, весною же въ немъ вѣчно стоятъ лужи навозной жидкости и дождевой воды.

Не смотря на то, что русскій крестьянинъ очень любитъ баню, тѣмъ не менѣе она однако въ русскихъ деревняхъ представляетъ большое безобразіе; чаще всего она представляетъ какое-то закопѣ-лое логовище и скорѣе пачкаетъ, нежели моетъ тѣло. Крестьяне, у которыхъ нѣтъ бани, парятся въ печахъ, и случается иногда, что въ такой банѣ человѣкъ задыхается до смерти.

Причина, почему крестьянскія постройки представляютъ такой безобразный видъ, заключается отчасти въ бѣдности, а отчасти также и въ томъ, что крестьяне не чувствуютъ потребности улучшить свое жилище и пользоваться всякаго рода удобствами. Въ мѣстностяхъ бойкихъ и у крестьянъ зажиточныхъ деревень встрѣчаются, какъ уже было сказано, и двухъ-этажные дома.

Зимняя одежда крестьянина состоитъ изъ армяка, сшитаго изъ толстаго сукна, обыкновенно сѣраго цвѣта, овчинной длинной нагольной шубы, теплой шапки и кожаныхъ рукавицъ. Рѣдко, да и то развѣ въ сильный морозъ, обвязываетъ онъ свою шею платкомъ. Лѣтняя одежда состоитъ изъ понитковаго армяка (теанъ изъ шерсти и льняной или посковной пряжи пополамъ), полукафтана и шляпы, которая въ разныхъ губерніяхъ бываетъ разной формы. Обыкновенно же лѣтомъ ходятъ въ рубахахъ и портахъ.

Для обуви, по большей части, служатъ лапти, плетенные изъ лыкъ, и только болѣе зажиточные крестьяне промышленныхъ великорусскихъ селъ носятъ кожаные сапоги.

Крестьянки особой теплой одежды не имѣютъ; ихъ одежда состоитъ изъ синей понитковой юбки (понева) и верхней, довольно широкой, но недлинной одежды съ широкими короткими рукавами, которую въ разныхъ мѣстахъ называютъ различно: сарафанъ, шуппанъ, сермяга, армякъ и пр.

Головной уборъ въ прежнез время отличался большимъ разно-

образіемъ. Во многихъ великороссійскихъ губееніяхъ онъ былъ очень красивъ и богато убранъ разными украшеніями. Теперь онъ встрѣчается все рѣже и рѣже и во многихъ мѣстахъ уже вовсе вышель изъ употребленія и замѣненъ простымъ платкомъ яркаго цвѣта.

Сохранившіеся донныя разные женскіе головные уборы, извѣстные подъ названіемъ кичекъ, повойниковъ и пр., лишенные нынѣ своихъ прежнихъ украшеній, въ разныхъ мѣстностяхъ бываютъ весьма разнообразны и нерѣдко не только не составляютъ красы, но даже безобразятъ. Обувь та же, что у мужчинъ: лапти и онучи, а зимою валенки. Вообще же женская одежда весьма недостаточна и много отзывается на здоровьѣ женщинъ.

Одежда дѣтей еще недостаточнѣе женской. Ребенка, кромѣ грубой рубашки, окутываютъ въ пеленку изъ какой нибудь старой одежды; когда же онъ начнетъ ходить, то одѣваютъ также, какъ и взрослому, и то не всегда; часто даже въ зимнее время онъ довольствуется одною рубашкою, и потому, чтобы укрыться отъ холода, дѣти почти все холодное время проводятъ на печкѣ. Множество дѣтей умираетъ отъ такого небрежнаго къ нимъ отношенія.

Какъ въ образѣ жизни, такъ и въ одеждѣ замѣчается большая разница между глухими деревнями и деревнями, лежащими на большихъ путяхъ и вблизи городовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть выгодные промыслы, всякій, сколько нибудь исправный паренъ тянется изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть себѣ порядочное праздничное платье; иной, находясь на заработкахъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ, заводитъ себѣ щеголеватый костюмъ: суконный казакинъ, зипунъ, плисовые штаны, красную рубаху, высокіе сапоги, и тащитъ все это къ себѣ въ деревню. Тогда и женщины такихъ деревень также начинаютъ одѣваться чище, опрятнѣе и съ большимъ вкусомъ.

Обыкновенная пища крестьянъ очень проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ повседневный обѣденный и

ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что каши весьма часто и вовсе не бываетъ; что же касается мясной пищи, то это большая рѣдкость для крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Ржаной хлѣбъ въ великорусскихъ деревняхъ по большей части бываетъ хорошъ; въ праздники къ ржаной мукѣ подмѣшиваютъ пшеничной и пекутъ изъ этой смѣси такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни, варятъ изъ квашенной капусты безъ всего, съ тѣмъ только различіемъ, что въ скоромные дни прибавляютъ иногда сала или сметаны, или просто молока. О заправѣ щей мукою, масломъ и крупкою не многіе имѣютъ понятіе, почему щи бываютъ жидки и невкусны. Рыба вдали отъ рѣкъ употребляется также очень рѣдко и всегда соленая; овощи, по причинѣ отсутствія хорошихъ огородовъ, употребляются также мало; картофель, который могъ бы служить хорошею и питательною пищею, далеко еще не въ общемъ употребленіи: его не вездѣ разводять и при томъ не въ достаточномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне даже вовсе не употребляютъ картофель въ пищу, и ѣсть его считаютъ за величайшій грѣхъ, потому что растеніе это, будучи не природнымъ русскимъ, а вывезеннымъ изъ земли бурсманской, шло чрезъ невѣрныя руки. Есть мѣстности, гдѣ предполагаютъ, что картофель имѣетъ голову, руки и ноги и что по вынуги его изъ земли остается одно туловище, прочія же части его не видны для православныхъ. Кромѣ того, утверждаютъ, что въ этомъ растеніи есть кровь, принимая за кровь красноту разрѣзаннаго краснаго картофеля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужской губерніи было еще недавно, а можетъ быть есть и теперь, убѣжденіе, что покойника, ѣвшаго при жизни картофель, слѣдуетъ выносить на кладбище не въ ворота, а чрезъ разобранное звено избы. Еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька, въ особенности въ постные дни. Грибы также въ большомъ употребленіи.

Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана болѣе служатъ для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который, также какъ и яичница, подается въ столу чаще по праздникамъ. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной количество съѣдаемой пищи удваивается, отчего являются заболѣванія. Но есть время въ году, когда, напротивъ, даже исправный по хозяйству крестьянинъ голодаетъ, и самое голодное для народа время есть Петровъ постъ. Въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ проѣзъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ это время года бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они посрѣли. Ко всему этому надо еще прибавить, что въ это же время недостаетъ даже хлѣба, и крестьянинъ прибѣгаетъ или въ займамъ для пропитанія себя и семьи, или молотить рожь еще незрѣлую.

Вообще, пища крестьянина мало питательна, ибо состоитъ главнымъ образомъ изъ продуктовъ растительнаго царства, что служитъ причиною сильнаго развитія золотушныхъ болѣзней. Крупную и мелкую скотину и птицу, если все это находится у крестьянина даже въ избыткѣ, онъ не употребитъ для пищи, ибо она нужна ему или для хозяйства, или для продажи.

Употребленіе въ большомъ количествѣ мясной пищи болѣе бы соотвѣтствовало сѣверному климату, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ и для человѣка не въ полнѣ еще сложившагося, но дѣтскій возрастъ, вслѣдствіе недостаточности родителей, не принимается во вниманіе относительно пищи, и какъ только дитя отнимутъ отъ груди, его начинаютъ кормить тѣмъ же, что ѣдятъ и взрослые, а во время поста не даютъ ребенку и молочной пищи.

Квасъ не всегда бываетъ хорошаго качества, а въ праздничные дни варятъ изъ густаго отвара солода, ржаной муки и хмѣля—брагу—напитокъ питательный, пріятный на вкусъ и полезный для здоровья. Но по дороговизнѣ это бываетъ очень рѣдко. Водка, не смо-

тря на дороговизну, всегда въ употребленіи, особенно во время базарныхъ дней, когда всякая продажа и покупка сопровождаются угощеніемъ. Пристрастіе къ водкѣ и распространеніе употребленія ея даже между женщинами составляетъ одну изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заботиться объ уничтоженіи которой есть обязанность всякаго, желающаго добра русскому крестьянину.

Предразсудки и повѣрья.

Одна изъ причинъ недостатковъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ личномъ характерѣ русскаго человѣка—это малое образованіе и соединенное съ нимъ множество предразсудковъ и повѣрій. Необразованность часто доходитъ до крайняго невѣжества. Много примѣтъ и вѣрованій удерживается еще до сихъ поръ между простымъ народомъ и останавливаетъ успѣхи сельскаго хозяйства и отчасти улучшеніе крестьянскаго быта. Напримѣръ, дни счастливые и дни, въ которые работать считается грѣхомъ, строго соблюдаются народомъ и бывають очень часто причиною, что удобнѣйшее время для полевыхъ работъ упускается. Время начала полевыхъ работъ, посѣвъ и уборка хлѣба, время сѣнокоса — все распредѣлено по извѣстнымъ днямъ календаря или, лучше сказать, по святцамъ; кошеніе луговъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ начинается съ троицна дня, но такъ какъ день этотъ бываетъ и 10 мая, и 15 іюня, то уборка сѣна часто бываетъ несвоевременна.

Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя изъ заблужденій русскаго народа.

Почти повсюду между простымъ народомъ держится вѣра въ знахарей и колдуновъ. Колдунамъ приписываютъ возможность портить людей, конечно, при содѣйствіи нечистой силы; эти же колдуны, по мнѣнію народа, могутъ и снять съ человѣка порчу. Въ служители не-

чистаго попадаетъ обыкновенно, по народному убѣжденію, какойнибудь умный, но и хитрый старикъ или, чаще, злая, хитрая и молчаливая старуха. Такихъ людей по наружности уважають, но тайно боятся и ненавидятъ; ихъ недоброе вліяніе на сосѣдей и знакомыхъ проявляется въ семейныхъ раздорахъ, разныхъ несчастіяхъ и въ особенности въ болѣзняхъ, припадки которыхъ непонятны для крестьянъ. Всѣ эти страшныя проявленія могущества колдуновъ слывуть у крестьянъ подъ общимъ названіемъ порчи.

Есть еще другой разрядъ людей, которыхъ считаютъ посвященными въ разныя знанія, посредствомъ которыхъ они могутъ предотвратить разныя бѣды — это знахари. Къ нимъ въ особенности любають обращаться въ несчастіяхъ, болѣзняхъ и другихъ бѣлахъ бабы. Знахарь—это обыкновенно ловкій и находчивый плуть, который никогда за словомъ въ карманъ не полѣзаетъ. Онъ успокоиваетъ глупую бабу разными двусмысленными или, еще чаще, совершенно бессмысленными рѣчами, утверждая вѣру въ ней разными таинственными обрядами, нашептываніемъ на воду и проч. Вредныя послѣдствія отъ вѣры въ искусство знахарей обнаруживаются болѣе всего въ болѣзняхъ. Крестьянинъ обыкновенно не считаетъ себя больнымъ до тѣхъ поръ, пока можетъ ходить; пренебрегая болѣзнью въ самомъ началѣ, когда бы можетъ быть при нѣкоторомъ воздержаніи и покоѣ болѣзнь могла бы и пройти, онъ продолжаетъ прежній трудъ, разстраивается еще болѣе и обращается къ знахарю или знахаркѣ, которые пользуются простотою мужика, берутъ съ него больше и лечатъ иногда такими средствами, отъ которыхъ, если не слѣдуетъ смерть, то дѣлается крестьянину еще хуже.

Историческіе припадки и падучую болѣзнь обыкновенно приписываютъ дѣйствію нечистой силы. Сами страдающіе этими болѣзнями утверждаютъ, что они испорчены колдуномъ или, какъ называютъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, порчельниками. Эти припадки сопровождаются криками и воплями въ особенности во время обѣдни

при чтеніи Евангелія и при пѣніи херувимской пѣсни. Эти кликуши до сихъ поръ встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ, хотя и значительно рѣже, чѣмъ это было прежде. Простой народъ увѣряетъ, что кликуши одержимы бѣсомъ, котораго напустилъ порчельникъ.

Къ колдуну обращаются не рѣдко и вслѣдствіе семейныхъ дѣлъ. Такъ, для прекращенія несогласія между мужемъ и женой, проклятаго вслѣдствіе порчи, даетъ колдунъ одному изъ супруговъ наговоренную воду, съ которою тотъ долженъ обойти противъ солнечнаго движенія три раза домъ свой и, входя въ ворота, сдѣлать на нихъ крестъ заблаговременно приготовленнымъ вѣникомъ изъ трехъ сучковъ березы, потомъ начертить кресты на всѣхъ окнахъ дома, на всѣхъ дверяхъ, столахъ, скамейкахъ, палатахъ, печахъ и проч. Оставшуюся же воду долженъ выпить. При леченіи такою водою не должно подавать милостыни и даже давать кому бы то ни было что нибудь изъ съѣтнаго; въ противномъ случаѣ леченіе будетъ недѣйствительно.

Въ числѣ золь, которыя можетъ сдѣлать порчельникъ, считается заломъ. Когда нѣсколько колосьевъ, иногда цѣлый снопокъ, сведены такимъ образомъ, что всѣ они какъ будто переплетены между собою, на подобіе того, какъ переплетаются верхушки деревьевъ, чтобы устроить бесѣдку, то это назывался заломъ. Если женщины встрѣтятъ во время работы такой заломъ, то ни за что не будутъ продолжать жатвы до тѣхъ поръ, пока человѣкъ, знающій заговоръ отъ заломъ, не уничтожитъ его силы и не разведетъ колосьевъ. По мнѣнію народа, колдунъ, желая сдѣлать зло, заламываетъ съ извѣстными ему заклятіями растеніе, отчего оно хотя и приносить плодъ, но вредный для здоровья хозяина и для его семейства или для скота. Суевѣрные старики рассказываютъ молодежи, что заламывающій колосья колдунъ вынимаетъ спорину изъ хлѣба, и увѣряютъ, что сами видѣли колдуновъ, заламывающихъ рожь, которая во время

заломъ колыхается какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Поймать такого колдуна нѣтъ возможности, потому что его охраняетъ злой духъ.

Противъ заломъ крестьяне употребляютъ такое средство. Три раза обходитъ заломъ съ востока и на четырехъ сторонахъ, ставъ спиною къ солнечному пути, распускаютъ ладонь, произнося слѣдующія слова: «если ты проста, и я проста, если ты съ хитрости, и я съ хитрости». Сдѣлавъ это, вырываютъ каждый снопокъ и сжигаютъ его на мѣстѣ. Хлѣбъ же, собранный съ десятины, на которой находился заломъ, сами хозяева не употребляютъ въ пищу ни для себя, ни для скота, а продаютъ его.

Колдунъ, по мнѣнію народа, силою злаго духа можетъ превращать враговъ своихъ въ разныхъ животныхъ. Такихъ обращенныхъ людей называютъ оборотнями. Этого превращенія и вообще всѣхъ золь колдуна крестьяне боятся до такой степени, что оказываютъ имъ всякое почтеніе, приглашаютъ ихъ на пиры и свадьбы, гдѣ даютъ имъ самыя почетныя мѣста.

По мнѣнію крестьянъ, ни одинъ колдунъ и колдунья не могутъ умереть до тѣхъ поръ, пока не передадутъ своего чародѣйства другому; смерть же ихъ всегда бываетъ страшна и люта, и они въ теченіи нѣсколькихъ часовъ претерпѣваютъ страшныя адскія мученія. Злой духъ, съ которымъ они при жизни были въ стачкѣ, дѣлается при смерти ихъ тираномъ и мучителемъ; онъ раздираетъ тѣло колдуна и помѣщается въ его внутренности. При смерти колдуна вынимаютъ одну доску изъ потолка для того, чтобы душа его могла скорѣе улетѣть.

Народъ думаетъ, что послѣ смерти своей колдунъ ежедневно въ полночь посѣщаетъ свой домъ, и родственники, ожидая его прихода, оставляютъ на столѣ одинъ приборъ. Пришедши домой, колдунъ отыскиваетъ въ печи приготовленное для него кушанье, а поѣвши, идетъ осматривать дворъ, лошадей, коровъ и прочихъ животныхъ. Но лишь только прокричитъ пѣтухъ, онъ опрометью бросается въ

свою могилу и лежит тамъ ничкомъ до слѣдующей ночи. Чтобы избавиться отъ ночнаго посѣщенія колдуна, вбиваютъ въ могилу его осиновый колъ или оставляютъ въ печи жареную кашу, при видѣ которой мертвецъ навсегда оставитъ свое бывшее жилище.

Въ числѣ разныхъ повѣрій есть еще одно — это опахиваніе. Когда свирѣпствуетъ какая нибудь болѣзнь или падежь скота, то поздно ночью, когда всѣ спятъ, непорочныя вдовы и дѣвицы, заранѣе согласясь, собираются гдѣ-нибудь въ деревнѣ, одѣтыя всѣ въ бѣлыя рубашки, съ распущенными волосами, ничѣмъ неподпоясанныя и съ сохою. Собравшись, онѣ идутъ слѣдующею процессіею вокругъ деревни. Впереди идетъ одна изъ дѣвушекъ съ небольшою иконою, съ прикрѣпленною къ ней восковою свѣчю; за нею другая впрягается въ оглобли и тащитъ соху, при чемъ всѣ другія, подхватя эту соху съ боковъ, помогаютъ ей тащить ее. Возлѣ сохи, съ противоположной стороны отъ деревни, идетъ третья дѣвушка съ кнутомъ и, безпрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ нечистаго духа, противъ котораго и всѣ другія вооружены кто кочергой, кто ухватомъ, хворостиной или кнутомъ. Всѣ въ полголоса на распѣвъ читаютъ разныя молитвы, и, проходя близъ жилья, молятся шепотомъ, чтобы не быть открытыми. Случайный свидѣтель этого обряда или какой-нибудь любопытный долженъ быть очень остороженъ, ибо если его замѣтятъ, то изобьютъ не на животь, а на смерть. При встрѣчѣ какого-нибудь препятствія, преграждающаго путь процессіи, какъ-то канавы и проч., всѣ начинаютъ колотить по немъ своимъ оружіемъ и въ изступленіи кричатъ: «что это за урядъ, кровью смерти не унять». За тѣмъ преграду уничтожаютъ и идутъ далѣе. Случаи опахиванія предупредить почти невозможно, потому что затѣвающіе опахиваніе деревни хранятъ затѣю свою въ глубокой тайнѣ.

Всѣ эти грубые и нелѣпыя предрасудки, оставшіеся еще съ того времени, когда русскіе были язычниками, держатся вслѣдствіе невѣжества народа и весьма часто приносятъ большой вредъ. Надо, впро-

чемъ, сказать, что нѣкоторые изъ нихъ при распространеніи образованія, улучшенія нравственности и самаго быта крестьянъ, наконецъ, при содѣйствіи религіи уже теряютъ свою силу, а современемъ вѣроятно и вовсе уничтожатся. Уже и теперь вѣра въ колдуновъ и въ нѣкоторые суевѣрные обряды болѣе въ ходу между женщинами; мужчины же меньше придаютъ значенія всѣмъ этимъ бреднямъ и нерѣдко подсмѣиваются надъ простотою бабъ, которыя позволяютъ знахарямъ морочить себя самымъ глупымъ образомъ.

Кромѣ вѣры въ колдуновъ, наши крестьяне вѣрятъ еще въ злаго духа, который носитъ различныя названія, смотря потому, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ: такъ бываютъ: домовый, водяной, лѣшій или лѣсовикъ. Кромѣ этихъ духовъ, обитающихъ на земной поверхности, по мнѣнію народа, существуютъ еще духи, летающіе по воздуху, которые извѣстны подъ общимъ названіемъ летающихъ змѣй. Всѣ эти породы злыхъ духовъ называются нечистой силой и вражьей. Въ послѣднимъ принадлежатъ вѣдьмы и русалки.

Первое мѣсто между злыми духами занимаетъ домовый, который очень прихотливъ, и всякій крестьянинъ старается исполнять всѣ его прихоти, чтобы не навлечь на себя его гнѣва. Такъ, покупая корову или какую другую скотину, крестьянинъ принимаетъ въ расчетъ какая шерсть ему *но двору*, то есть какой шерсти скотъ любить домовой; а шерсть эта всегда бываетъ та же, что и у домового. Подбравъ такимъ образомъ животныхъ, крестьянинъ можетъ быть спокоенъ насчетъ отношеній въ нимъ домового, который въ такомъ случаѣ будетъ холить скотину, беречь ее, чистить, и скотина будетъ всегда здорова. Животныя же не ко двору обьяковенно будутъ тощи и хилы, ибо домовой гоняетъ ихъ, бьетъ, воруетъ у нихъ кормъ и отдаетъ его своимъ любимымъ животнымъ.

Если кто хочетъ пріобрѣсти себѣ расположеніе домового, тотъ долженъ въ полночь выйти на дворъ и, ставъ лицомъ къ лунѣ, сказать: «стань передо мной, какъ листъ передъ травой, не черенъ, не

ГАЛИЧСКАЯ КРЕСТЬЯНКА.

ГАЛИЧСКАЯ КУПЧИХА.

зелень, но такимъ, каковъ и я; я принесъ тебѣ яичко». Услышавъ такой зовъ, домовой является въ человѣческомъ видѣ и, получивъ яйцо, соглашается на желаніе крестьянина и становится покойнымъ.

Крестьяне имѣютъ обыкновеніе вѣшать въ курятникахъ, подъ застрѣхою, подъ самой насѣстью, горло отъ кувшина для того, чтобы домовой не дѣлалъ курамъ никакого вреда. Есть повѣрье, что если этого не дѣлать, то ежедневно будетъ недочетъ въ курахъ.

Разсказываютъ въ Калужской губерніи, что женщина можетъ перехитрить домового. Такъ, одна дѣвушка-невѣста гадала о своемъ суженомъ въ банѣ, для чего, поставивъ тамъ два прибора, сѣла и стала звать его. Въ полночь является женихъ; поужинавъ съ невѣстой, онъ приглашаетъ ее ѣхать къ вѣнцу. Это былъ злой духъ. Дѣвушка, понявъ съ кѣмъ имѣла дѣло, сказала, что у нея нѣтъ подвѣчнаго платья. Женихъ въ одну секунду принесъ его. Тогда невѣста находитъ другія препятствія и безпрестанно посылала жениха то за тѣмъ, то за другимъ, пока не настала часъ, въ который заплѣлъ пѣтухъ, заранѣе уже принесенный невѣстою въ баню. Женихъ исчезъ, а платья и другія принесенныя имъ вещи остались у невѣсты. На другой день она разсказала все это своей пріятельницѣ, которая также захотѣла выманить у нечистаго подарка; однако заплатилась за это жизнью.

Прочіе злые духи: водяные и лѣшіе или лѣсовики также часто дѣлаютъ неприятности человѣку, а иногда и шутятъ. Лѣшіе, по народному сказанію, ходятъ по лѣсу наравнѣ съ деревьями или съ травою, по ночамъ же свивцуютъ и кричатъ. Если лѣшій встрѣтится съ человѣкомъ, то сперва схватитъ его руками, потомъ шутитъ надъ нимъ, щекочетъ его и, наконецъ, замучиваетъ до смерти. Кто заблудится въ лѣсу, то говоритъ, что его обошелъ лѣшій, и въ такомъ случаѣ надо надѣть все платье на изнанку.

Самыя естественныя вещи, которыя разумный человѣкъ легко можетъ объяснить, толкуются простымъ народомъ какъ продѣлки лѣ-

шаго. Такъ, лѣтъ тридцать съ небольшимъ назадъ, въ лѣсахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Костромской губерніи вдругъ появилось огромное количество бѣлокъ, которыя, какъ всякому извѣстно, всегда перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое большими стадами. Ясно, что животныя изъ голоднаго мѣста перебѣгали въ другое, гдѣ было больше корму. Однако это простое явленіе народъ объяснилъ тѣмъ, что бѣлокъ гналъ лѣшій изъ Вятской губерніи въ Вологодскую; другіе прибавляли еще къ этому, что одинъ лѣшій проигралъ своихъ бѣлокъ другому лѣшему въ карты, а потому и перегоняетъ ихъ изъ своихъ владѣній въ чужое.

Водяные живутъ въ водѣ, часто выходятъ на берегъ съ растрепанными волосами и чешутъ голову гребнемъ; иногда схватываютъ купающихся и утаскиваютъ ихъ въ свое жилище, гдѣ замучиваютъ до смерти. Кромѣ того, они разрушаютъ часто на мельницахъ плотины и мосты, а въ водополюе уносятъ и строенія. Во многихъ великорусскихъ губерніяхъ существуетъ убѣжденіе, что водяной никогда не можетъ утащить къ себѣ солдата или служащаго человѣка, потому что люди эти принадлежатъ казнѣ. Вообще говорятъ, что водяной не любитъ «ни военныхъ забіякъ, ни приказныхъ строкъ, ни ученыхъ изувѣровъ».

Къ водянымъ же относятъ и русалокъ, въ которыя попадаютъ, по крестьянскому убѣжденію, всѣ женщины, наложившія на себя рубли. Получивъ въ свое владѣніе такую грѣшную душу, злой духъ варитъ ее въ котлѣ съ разными снадобьями и зельями, отчего женщина дѣлается необыкновенною красавицею и вѣчно молодою. По вѣрованію народа, русалки живутъ обыкновенно въ рѣкахъ, а съ Троицына дня до Петрова странствуютъ по землѣ, летаютъ въ лѣсахъ, избирая себѣ пріютомъ старья деревья, особенно дубы; качаются на древесныхъ сучьяхъ или разматываютъ пряжу, похищая ее у тѣхъ крестьянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. Русалки ненавидятъ женщинъ и мучаютъ мужчинъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ

шестая недѣля послѣ Пасхи, то есть недѣля передъ Троицынымъ днемъ, извѣстна подъ именемъ русальской. По преданію, она получила это названіе потому, что русалки посвящаютъ ее своимъ забавамъ и увеселеніямъ, празднуютъ свои свадьбы, качаются на деревьяхъ, плаваютъ, кружатся и поютъ пѣсни. Только въ продолженіи этой недѣли русалки бываютъ видимы для человѣка.

Кромѣ этихъ суевѣрій, есть еще въ каждой почти губерніи особые примѣты для всякаго дѣла и начинанія. Такъ крестьянинъ видитъ дурное предзнаменованіе, когда прокричитъ воронъ или филинъ, завоетъ собака, уйдетъ изъ горшка каша, вѣригъ въ дурную встрѣчу и въ дурной глазъ.

Особенное значеніе имѣютъ конечно тѣ повѣрья и примѣты, которыя прямо касаются матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ случаѣ крестьянинъ, безъ соблюденія извѣстныхъ принятыхъ обычаевъ, не предпринимаетъ ни одного важнаго дѣла. Нѣкоторые изъ этихъ примѣтъ имѣютъ, впрочемъ, и религіозное значеніе. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отправляясь на посѣвъ яроваго, крестьянинъ, помолвившись Богу, сѣдаетъ ржаную просфору, которая освящается въ день Благовѣщенія и до времени посѣва сохраняется въ закромѣ съ овсомъ. Во многихъ селеніяхъ во всякомъ домѣ можно найти такую просфору. Многіе сберегаютъ для посѣва тотъ овесъ, на которомъ во время Пасхи, когда священникъ былъ въ селѣ съ иконами, стоялъ образъ Божіей Матери.

Когда наступаетъ время жатвы, тогда одна изъ деревенскихъ старухъ, вдова или замужня, извѣстная крестьянамъ по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле и жнетъ одинъ снопокъ, который, связавъ, ставитъ на землю до трехъ разъ, молясь Прасковѣ Пятницѣ, чтобы она помогла рабамъ Божьимъ (при чемъ произносить почти всѣ женскія имена цѣлой деревни), безъ скорби и болѣзни окончить жатву и чтобы была имъ заступницей отъ злонамѣренныхъ людей. По произнесеніи молитвы, старуха, взявши снопокъ, старается пройти

до дому никѣмъ незамѣченною, почитая всякую встрѣчу недобримъ предзнаменованіемъ.

Для того, чтобы узнать—хорошъ ли будетъ урожай или дуренъ—бросаютъ на застрѣху (нижняя часть крыши) полотенце, на которомъ хозяйка дома подносила пирогъ священнику, бывшему въ праздникъ Пасхи съ образами. Если брошенное полотенце не скатится на землю, то надо ожидать хорошаго урожая.

Желая оградить скотъ свой отъ моровой язвы, пригоняютъ 18 августа (въ день святыхъ Флора и Лавра) лошадей къ церкви, гдѣ, по окончаніи обѣдни и молебна, окропляютъ лошадей святою водою. Лошади въ этотъ день не употребляются ни въ какую работу. Точно также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне не работаютъ и 18 апрѣля, чтобы предохранить свой скотъ отъ падежа. Въ день св. Никиты въ другихъ мѣстахъ служатъ молебны о домашнихъ птицахъ и преимущественно о гусяхъ.

Есть примѣты для узнанія впередъ погоды. Такъ, если синичка съ утра начнетъ пищать, то ожидаютъ въ ночи морозу; когда ворона начнетъ каркать, то на другой день будетъ дождь. Свинья, бѣгущая изъ стада съ визгомъ, предвѣщаетъ грозу.

Крестьянинъ пчеловодъ замѣчаетъ перемѣну погоды по движенію пчелъ. Если пчелы начинаютъ съ утра играть, то есть быстро летать взадъ и впередъ, то въ тотъ же день будетъ дождь; если съ вечера опѣвчуживаются сидятъ около отверстія въ улей, то на утро предвѣщаютъ ненастье, а если прячутся на ночлегъ въ улей, то ожидаютъ ясной погоды.

Таковы разныя примѣты и суевѣрія нашего великорусскаго крестьянина. Конечно, мы не могли и сотой доли рассказать того, что существуетъ еще по разнымъ губерніямъ, гдѣ живутъ великоруссы. Но и этого достаточно, чтобы видѣть какъ много есть еще такихъ вещей, которыя скорѣе ухудшаютъ домашній бытъ крестьянина, нежели улучшаютъ его положеніе. Обвинять во всемъ простолюдина

нельзя, ибо многое изъ того, что онъ наследовалъ еще со временъ язычества на Руси, укоренилось въ немъ вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, которыя измѣнились къ лучшему только въ нынѣшнее царствованіе. Невѣжество же и дурныя привычки исчезаютъ не скоро; для крестьянина же все это тѣмъ простительнѣе, что живущіе въ городахъ мѣщане и купцы, имѣющіе несравненно больше достатка и средствъ для образованія, мало чѣмъ отличаются отъ деревенскаго жителя и почти также невѣжественны, какъ и крестьяне.

Свадебные обряды.

Самые замѣчательныя и интересныя обряды сопровождаютъ въ крестьянскомъ быту три важнѣйшія событія жизни, а именно: свадьбу, крестины и похороны.

Когда молодой человѣкъ достигаетъ узаконенныхъ лѣтъ, то его стараются какъ можно скорѣе женить. Женихъ съ невѣстою рѣдко сочтается по собственному желанію, но почти всегда по волѣ родителей, которые устриваютъ дѣло помимо молодыхъ. Родители хорошаго жениха бываютъ весьма разборчивы, и когда прослышатъ на сторонѣ о дѣвушкѣ, которая подъ пару ихъ сыну, то или сами ѣдутъ, или посылаютъ сваху осмотрѣть невѣсту. При этомъ осмотрѣ не только оглядываютъ дѣвушку съ ногъ до головы, но велятъ ей даже пройтись; смотреть: твердо ли держится она. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, чистота и свѣжесть лица, а главное здоровье, цѣнятся болѣе всего. Всякое семейство желаетъ имѣть бабу, способную нести хозяйственные труды въ домѣ и въ полѣ, и здоровье которой ручалось бы за будущее поколѣніе.

Свадебные обряды хотя и имѣютъ нѣкоторый общій характеръ, но въ разныхъ мелкихъ подробностяхъ различаются не только въ

разныхъ губерніяхъ Великороссіи, но даже въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Поэтому, при описаніи свадебныхъ обрядовъ, мы возьмемъ уѣздъ Калужской губерніи и уѣздъ Костромской. Въ Мещовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ Калужской губерніи, свадьба играется слѣдующимъ образомъ.

Отецъ, желающій женить сына, засылаетъ въ извѣстный ему домъ, гдѣ есть невѣста, сваху. Сваха, пришедши въ этотъ домъ и помолвившись у порога избы, заводитъ съ матерью невѣсты рѣчь издалека и мало по малу переходитъ наконецъ къ цѣли своего посѣщенія. Тогда мать невѣсты, если женихъ ей по душѣ, объявляетъ свахѣ, что она посоветуется съ своими родственниками и знакомыми и не замедлитъ увѣдомить ее о послѣдствіяхъ. Но если матери невѣсты женихъ не нравится, то она говоритъ свахѣ, что дочь ея еще молода и пр.

Если женихъ нравится, то мать невѣсты, отпустивъ сваху, устраиваетъ домашнее совѣщаніе, на которомъ и рѣшается участь невѣсты.

Въ назначенный для помолвки день, въ домъ невѣсты съѣзжаются гости обѣихъ сторонъ, а со стороны жениха родители его, сваха и одинъ холостой парень. Посадивъ гостей, родители невѣсты просятъ у жениха выговоръ, то есть женихъ долженъ дать на приданое денегъ; такое приданое бываетъ отъ 35 до 70 рублей, смотря по состоянію жениха. Сверхъ того, женихъ обязанъ купить невѣстѣ сапоги или коты. По заключеніи этого договора и по полученіи родителями невѣсты условленной суммы сполна, или задатка, выводятъ невѣсту, благословляютъ обонхъ и, по пожеланіи имъ счастья въ предстоящемъ супружествѣ, начинается пиръ. Женихъ и невѣста угощаются отдѣльно отъ прочихъ, а иногда и въ особой горницѣ. Парень, пріѣхавшій съ женихомъ, распоряжается при угощеніи и подноситъ вино. Такъ оканчивается помолвка, извѣстная здѣсь подъ названіемъ ладовъ.

Послѣ помолвки женихъ ежедневно посѣщаетъ свою невѣсту и приводитъ съ собою товарищей. Такимъ образомъ каждый день со-

ставляются вечерники, на которыхъ затѣваются разныя игры, поются величаныя жениху и невѣстѣ, а иногда водятся хороводы. За похвалы, которыя поются въ пѣсняхъ, женихъ обязанъ не только отъ себя, но и за невѣсту благодарить дѣвушекъ, давая имъ мелкія монеты; въ противномъ случаѣ дѣвушки начнутъ его порицать въ пѣсняхъ. Жениха порицаютъ и тогда еще, когда онъ даритъ менѣе, нежели сколько можетъ. По требованію родныхъ своихъ, женихъ и невѣста съ разными церемоніями подносятъ гостямъ вина, при чемъ гости заставляютъ жениха и невѣсту цѣловаться.

Наканунѣ свадьбы бываетъ вурникъ — круглый разрисованный разными узорами пирогъ, приготовленный матерью жениха. Женихъ, съ своей стороны, присылаетъ въ домъ невѣсты съ свахой также пирогъ, водку и мясо, а иногда и живаго цѣтуха; невѣста же для жениха завертываетъ въ ручникъ пару пряниковъ. Въ день передъ свадьбой не бываетъ никакихъ увеселеній и женихъ не посѣщаетъ невѣсты. Съ наступленіемъ же слѣдующаго дня онъ извѣщаетъ невѣсту, чтобы она готовилась къ вѣнцу. Получивъ это извѣщеніе, родители невѣсты раскладываютъ на скамьѣ вывороченную нагольную шубу, на которую сажаютъ невѣсту и начинаютъ одѣвать ее къ вѣнцу. При одѣваніи соблюдаются нѣкоторыя примѣты; такъ, въ сапоги или башмаки кладутъ подъ пятку серебряныя или мѣдныя деньги, для того чтобы невѣста не знала нужды и бѣдности замужемъ. Обувь на правую ногу невѣсты надѣваетъ шапочникъ, то есть шаферъ — въ знакъ взаимной любви будущихъ супруговъ. Для пожеланія счастья своей дочери, родители невѣсты приглашаютъ какую-нибудь женщину, любимую и уважаемую своимъ мужемъ, и просятъ вложить серьги въ уши невѣсты; по примѣтѣ, невѣста будетъ въ такомъ случаѣ наслаждаться такою же тихою и пріятною семейною жизнью, какъ и женщина, надѣвающая ей серьги. Та же женщина снабжаетъ невѣсту и своимъ подвѣчнымъ платьемъ — также въ

знакъ будущаго благополучія невѣсты. Во все время одѣванія невѣста должна оплакивать свою дѣвическую жизнь.

Когда невѣста одѣта, шапочникъ ѣдетъ извѣстить о томъ жениха, который, помолившись Богу и получивъ родительское благословеніе, отправляется къ невѣстѣ звать ее въ церковь. Его сопровождаетъ цѣлый поѣздъ, въ которомъ участвуютъ дружка, дядька, то есть посаженный отецъ, два поддружка и сваха. Послѣднія, съ повязаннымъ на головѣ полотенцемъ и съ чернымъ платкомъ на шеѣ, сидятъ на особой лошади съ семилѣтнимъ мальчикомъ, называемымъ блюдникомъ. Поѣздъ на двухъ или трехъ саняхъ или телѣгахъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Дружка стучитъ въ ворота и вызываетъ хозяина слѣдующими словами:

— Хозяинъ, а хозяинъ! у тебя, слышь, фатера наймаются; пусть, слышь, накормитъ лошадей.

— Что ты стучишь тамъ, какъ угорѣлый, отвѣчаетъ хозяинъ; у меня харчевня что ль, или постоялый дворъ? Говорятъ тебѣ, что фатера здѣсь не нанимаются; отваливай скорѣе отъ двора, а то худо тебѣ будетъ.

Послѣ такого отказа, поѣздъ катается по деревнѣ и, сдѣлавъ два оборота, снова подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, но и на этотъ разъ отецъ ея непремѣнно откажетъ пріѣхавшимъ. По пріѣздѣ въ третій разъ, дружка, стуча въ ворота, говоритъ:

— Свать, а свать! пусть охотниковъ на задворокъ, заяць, слышь, слѣдъ оставилъ около твоихъ воротъ и махнулъ къ тебѣ въ сарай;пустишь что ли поймать его, аль нѣтъ?

— Ну, ступай, говоритъ отецъ невѣсты, какой тамъ тебѣ заяць нуженъ.

Подъ зайцемъ разувѣтся невѣста, которую женихъ долженъ найти, потому что въ это время она бываетъ спрятана.

По заплетеніи косы накладываютъ на невѣсту полотенце, съ которымъ она и должна вѣнчаться; потомъ родители благословляютъ

ВИДЪ МОСКОВСКАГО КРЕМЛЯ.

свою дочь, при чемъ послѣдняя говоритъ: «родимый батюшка и родимая матушка, не прощу у васъ ни злата, ни серебра, но прощу Божія и вашего благословенія на вѣки нерушимаго. Послѣ благословенія сажаютъ невѣсту въ сани или телѣгу свахи и поѣздъ отправляется въ церковь. Если невѣста прежде жениха взялась за скобку двери на пацертѣ, а потомъ первая стала на подножье, то это считается вѣрнымъ знакомъ, что мужъ будетъ у нея въ повиновеніи. Послѣ вѣчанія молодые отправляются каждый въ домъ своихъ родителей.

Въ домѣ молодого сваха, послѣ нѣкоторыхъ припѣваній, говоритъ: «миръ вамъ, добрые люди, благословите насъ ѣхать, по суженую ѣхать, суженую домой брать». Тогда отправляются за молодой; въ поѣздѣ участвуютъ тѣ же лица, которыя были со стороны жениха въ церкви при бракосочетаніи. По приѣздѣ новобрачнаго и всѣхъ сопровождавшихъ его лицъ въ домъ молодой, дѣвушки начинаютъ пѣть величанія сперва новобрачнымъ, а потомъ и прочимъ гостямъ, начиная со свахъ.

Послѣ величанья связываютъ молодыхъ подпояской въ знакъ того, что они должны любить другъ друга и жить дружно. Теща, положивъ грошъ передъ своимъ зятемъ, говоритъ: вотъ тебѣ, дитя, рубль: поставь клѣть, купи плетъ и учи свою жену не для людей, а для себя». Затѣмъ, накрывъ кружку полотенцемъ, подають ему хлѣбъ, который онъ разрѣзываетъ пополамъ.

Потомъ сваха выходитъ на улицу и, возвратившись, развязываетъ молодыхъ и сама перевязывается подпояской съ праваго плеча на лѣвое. Между тѣмъ новобрачный подноситъ дружкѣ рюмку вина, а новобрачная даритъ ему полотенце; дружка завертываетъ въ полотенце разрѣзанный молодымъ хлѣбъ, въ замѣнъ котораго оставляетъ привезенный съ собою. Затѣмъ онъ выводитъ молодыхъ и, остановясь на крыльцѣ, поетъ, попеременно со свахою, одну изъ свадебныхъ пѣсенъ, пока все усядутся въ сани или въ телѣгу. Съ этою

пѣсней поѣздъ катается по деревнѣ, а когда подъѣзжаетъ къ дому, то сваха встрѣчаетъ молодыхъ пѣсней.

Въ избѣ встрѣчаетъ молодыхъ отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ-солью. Молодые клянутся въ ноги родителямъ, которые ихъ благословляютъ, а потомъ садятся за столъ, чтобы дожидаться раннихъ. Такъ называются родственники молодой, приѣхавшіе на свадьбу. Пока молодые ждутъ раннихъ, дѣвушки, заблаговременно приглашенныя, поютъ пѣсни.

По приѣздѣ раннихъ начинается пиръ, во время котораго чаша съ виномъ безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки.

На другой день послѣ свадьбы приѣзжаютъ провѣдать молодыхъ родственники и знакомые, при чемъ молодой раздаетъ подарки приѣзжающимъ. Опять начинается пиръ. Молодые должны исполнить послѣдній свадебный обычай, а именно: они отправляются доставать изъ колодезя на улицу воду. Въ это время къ колодезю сбѣгаются холостые и женатые, дѣвушки и женщины и выливаютъ изъ бадьи воду до тѣхъ поръ, пока не угостятъ ихъ виномъ.

Въ Костромскомъ уѣздѣ свадьба празднуется нѣсколько иначе.

Сватовство совершается, какъ и вездѣ, или между самими родителями или посредствомъ свахи. Когда между родителями состоится согласіе, то они распиваютъ между собою водку.

Этотъ обычай называется пропиваніемъ невѣсты. Во время этого пира между родителями идутъ разнаго рода условія и назначается день брака, наканунѣ котораго бываетъ дѣвичникъ.

На дѣвичникъ, который считается торжественнымъ днемъ крестьянской дѣвушки, собираются подружки невѣсты, даже подростки, и до прихода жениха вмѣстѣ проводятъ время въ бесѣдѣ, пѣсняхъ и играхъ. Къ концу же дня начинаютъ одѣвать и убирать невѣсту.

Къ тому времени, когда нужно приѣхать жениху съ гостями, дѣвушки все вмѣстѣ одѣваютъ большую куклу, прячутъ въ нее подарки и, до приѣзда гостей, кладутъ ее на палаты или на другое мѣсто.

Когда же гости съѣдутся, дѣвушки выбираютъ самую меньшую, даютъ ей въ руки поднось, бережно усаживаютъ на него сдѣланную кублу съ подаркомъ и велѣтъ ей поднести это свату жениха въ подарокъ отъ невѣсты, а сами въ это время поютъ слѣдующія пѣсни:

Ужъ какъ свату-то бы ворогу,
Сломать бы ему голову;
Онъ самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами
Рожа пряслицею,
Глаза пуговицей,
Носъ какъ луковица;
На запяткахъ-то грибы растутъ,
На горбу-то сухари толкутъ,
Въ головѣ-то мыши гнѣзда вьютъ.

Сватъ долженъ выслушать эту пѣсню съ улыбкою и благодарить. Отдѣлавши такимъ образомъ свата, дѣвушки поютъ пѣсню другаго содержанія тысяцкому, то есть крестному отцу жениха. Во время этой пѣсни женихъ начинаетъ угощать гостей съ невѣстиной стороны виномъ и пивомъ, привезеннымъ имъ изъ своего дома. Окончивъ пѣть, дѣвушки начинаютъ собирать на столъ къ ужину, а одна изъ нихъ беретъ блюдо и, подойдя къ жениху, говоритъ: «у насъ на потолкѣ-то земля, а вы намъ пожалуйста серебра». Женихъ даетъ серебряную монету, послѣ чего дѣвушка обходитъ другихъ гостей, которые и владутъ ей мѣдныя монеты.

Когда сядутъ за столъ и надо подавать горячее, то раздаются голоса гостей: «печка не отворяется». Это значитъ, что нужно подарить стряпуху, которая съ оловяннымъ блюдомъ обходитъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый владеть сколько можетъ. Послѣ ужина

дѣвушки дарятъ жениха; подарокъ заключается въ платкѣ, въ который насыпаютъ гороху; за женихомъ сваха съ невѣстиной стороны даритъ отца и мать жениха бумажнымъ платкомъ, а послѣ родителей жениха дарятъ всѣхъ поѣзжанъ съ его стороны. Послѣ подарковъ невѣста беретъ поднось съ рюмками и, наливъ вина, подноситъ его гостямъ. Кто выпьетъ, тотъ долженъ положить на поднось скольконибудь денегъ, которыя отдаются невѣстѣ.

Затѣмъ гости поднимаются, прощаются съ хозяиномъ и расходятся. Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ гостей, возвращается женихъ, который, уходя изъ избы, нарочно оставляетъ въ ней рукавицы и шапку; эти вещи прячутся дѣвушками.

— Гдѣ же моя шапочка съ рукавицами? спрашиваетъ женихъ невѣсту.

— Рукавички на спичкѣ, а шапочка на налочкѣ, отвѣчаетъ невѣста.

Рукавички дѣйствительно находятся, но шапочку найти не можеть, и ищетъ ее среди смѣха. Наконецъ, онъ находитъ шапку гдѣнибудь въ углу, на какой-нибудь дальней полкѣ.

— А что ты посылаешь изъ дому въ домъ? спрашиваетъ женихъ свою невѣсту.

— Посылаю я изъ дому въ домъ низкій поклонъ, а твоей матушкѣ пшеничный пирожекъ, отвѣчаетъ невѣста.

Тогда женихъ три раза цѣлуется съ своею невѣстою и прощается съ нею. Дѣвушки же остаются въ домѣ невѣсты, которую раздѣваютъ, готовятъ для нея постель и вмѣстѣ съ нею ложатся спать.

Такъ оканчивается дѣвичникъ.

Въ день свадьбы родные жениха собираются въ домъ его отца, а оттуда уже веселымъ поѣздомъ отправляются къ дому невѣсты. Немного не доѣзжая до дому, поѣздъ останавливается, и только одинъ дружка подѣзжаетъ къ воротамъ дома и говоритъ, между прочимъ, что нельзя ли ему поднести рюмочку винца, да стаганчикъ

пивца. Выпивъ рюмку, дружка подходитъ къ невѣстѣ и дарить ее отъ имени жениха какимъ-нибудь подаркомъ. Его также отдариваютъ. Дружка дарить также родителямъ невѣсты бѣлила, румяна, платокъ, зеркало и шубу, говоря:

Вотъ вамъ, сватушка и свахонька,
Бѣлила ростовскія,
Румяна московскія,
Покровъ (шаль) да зеркальце.
Вотъ вамъ, сватушка и свахонька,
Шубу овечью,
А вы намъ пожалуйте
Душу человѣчью.

Затѣмъ спрашивается у родителей невѣсты, желаютъ ли они у себя видѣть новобрачнаго князя. Тѣ отвѣчаютъ: желаемъ. Тогда дружка возвращается къ поѣзду и передаетъ жениху желаніе родителей невѣсты. Невѣста же, какъ только дружка выйдетъ изъ дому, сейчасъ же надѣваетъ подаренную ей шаль. Затѣмъ, ее, совершенно готовую уже къ вѣнцу, выводятъ и сажаютъ за столъ. Узнавъ о пріѣздѣ жениха съ поѣздомъ, невѣста начинаетъ плакать и причитывать. Женихъ входитъ въ избу вмѣстѣ съ священникомъ, а вслѣдъ за ними и гости. Въ это же время свахи начинаютъ расплетать у невѣсты косу. Какъ только пріѣхалъ женихъ, дружка начинаетъ подчивать всѣхъ находящихся въ избѣ орѣхами, а гдѣ ихъ нѣтъ — баранками. Сперва потчуютъ стариковъ и старухъ, потомъ молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и наконецъ ребятъ. Поднося орѣхи или баранки старикамъ, приговаривается: «старые старички, подпалатные жители, бабы служители — извольте принять, поздравствовать новобрачнаго князя съ княгинею». Поднося старухамъ, говорится: старыя старушки, совьи брови, медвѣжьи взгляды — извольте принять и проч. Ког-

да же подносятъ молодымъ женщинамъ, то приговариваютъ: «молодыя молодки, широкія лопасти, ворота браные, запястья шитыя — извольте и пр. Дѣвицамъ говорятъ: «красныя дѣвицы, крыночныя блудницы, горшечныя пагубницы, ваше дѣло лобъ лошить, да домъ тащить; извольте и пр. Наконецъ, ребятишкамъ говорятъ такъ: «малыя ребятишки, толстыя запятки, косыя заплатки, гороховые пушки, рѣпные желудки, ваше дѣло переломи коврига, извольте и проч.»

Когда послѣ угощенія настаетъ время благословить невѣсту, то всѣ встаютъ; отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ солью становятся посреди избы. Невѣста, вся въ слѣзахъ, дѣлаетъ три земные поклона передъ иконою, потомъ съ отчаяннымъ видомъ падаетъ передъ родителями на колѣни, прося ихъ благословенія. Послѣ того дружки подходятъ къ невѣстѣ и уводятъ ее за руки; она же проситъ ихъ дать ей послѣдній разъ взглянуть на своихъ родителей. Дружки напоминаютъ ей, что уже пора уходить изъ родительскаго дома, чтобы не возвращаться въ него по прежнему веселою и беззаботною дѣвушкою. Наконецъ она выходитъ и садится въ сани или телѣгу. Поѣздъ трогается, но сейчасъ же останавливается опять. Дружки съ образомъ три раза обходятъ весь поѣздъ для того, чтобы надъ поѣзжанами была недѣйствительна злоба недобрыхъ, колдовство лиходѣя и разныя другія воображаемыя дѣйствія колдуновъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, дружки идутъ къ родителямъ невѣсты, просятъ ихъ кушать хлѣба-соли къ новобрачному князю, при чемъ приговаривается: «пожалуйте, сватушка и свахонька, къ новобрачному князю хлѣба кушать; у насъ дворъ подъ окошкомъ, а изба-то у воротъ; у насъ рогатныя-то скотины — тараканъ да жужилица, а мѣдныя-то посуды — крестъ да цуговица, а хлѣба-то у насъ про васъ три сусѣка: въ первомъ сусѣкѣ мажъ, въ другомъ точно такъ, а въ третьемъ растянись, да и лягъ. А пива-то у насъ про васъ наварено три пива: пиво киснетъ, а другое на ерюкѣ виснетъ, третье пьемъ, ковшикъ поднесемъ, да за волосы потрясемъ, объ полъ грянемъ, да топкомъ

придавимъ, да объ лавку лбомъ. Только, свать, съ этого пива у насъ по трое сутки съ похмѣлья лежать».

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ родителя жениха. Священникъ съ крестомъ въ рукахъ входитъ въ домъ первымъ; затѣмъ на разстояніи двухъ шаговъ сзади идутъ рука объ руку новобрачные. Сваха, взявъ заранѣе приготовленный вѣнчикъ, даетъ пройти священнику и бросаетъ вѣнчикъ подъ ноги молодымъ. Это дѣлается для того, чтобы отвести отъ молодыхъ порчу. Когда всѣ войдутъ въ избу, то начинается поздравленіе молодыхъ съ питьемъ вина за ихъ здоровье. Всѣ присутствующіе берутъ подносимую имъ рюмку вина и, отвѣдавъ его, говорятъ: «горько». Молодые при этомъ пѣлуются.

По окончаніи поздравленія молодыхъ, сваха подходитъ къ новобрачной и говоритъ ей:

— Посмотри-ка на таракановъ-то, сколько набилось на полати.

Лишь только молодая, сидящая въ углу подъ иконою съ понуряною головою, посмотритъ кверху, какъ сваха, обратясь къ холостымъ парнямъ и ребятамъ, заранѣе уже влѣзшимъ на полати, спрашиваетъ ихъ: хороша-ли? Всѣ въ голосъ кричатъ, что есть мочи: хороша! Если хозяева мало угощали виномъ и пивомъ, то парни во всю глотку кричатъ: не хороша! Это однако случается рѣдко. Выпивъ водки, посторонніе уходятъ и остаются только молодые да гости.

Для гостей накрываютъ столъ, но молодые за столомъ не присутствуютъ, а уходятъ къ себѣ, гдѣ и остаются до слѣдующаго утра; гости же пируютъ всю ночь.

Въ другихъ мѣстахъ той же Костромской губерніи послѣ ужина молодой садится на постель, а передъ нимъ съ покорностью стоитъ его жена въ ожиданіи отъ него приказаній. Мужъ протягиваетъ ноги, а жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго сапога выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка. Этимъ намекается, что отъ мужа жена должна ожидать награды и наказанія, смотря по тому, какъ будетъ

себя вести. Вообще это одинъ изъ тѣхъ многихъ обычаевъ, которые остались въ народѣ отъ того времени, когда на женщину смотрѣли не какъ на подругу мужа, а какъ на рабыню.

Кромѣ семейныхъ праздниковъ, какъ-то свадебъ, крестинъ и т. п. и общихъ всѣхъ большихъ годовыхъ праздниковъ, въ каждомъ приходѣ сельскомъ большую роль играютъ праздники храмовые. Они обыкновенно почти всегда сопровождаются базарами, то есть торгомъ, на который съѣзжается множество торговцевъ изъ окрестныхъ селъ и деревень съ разными товарами и деревенскими лакомствами. Самое же празднество заключается обыкновенно въ изобильной пищѣ, неумѣренномъ питьѣ, въ нѣкоторыхъ бояхъ и вообще всякаго рода увеселеніяхъ.

Къ числу праздниковъ, кромѣ обыкновенныхъ: масляницы, святокъ и пасхи, въ великорусскихъ деревняхъ съ большою торжественностью празднуется четвергъ передъ Троицынымъ днемъ. Это такъ называемый семикъ. Въ этотъ день женщины, надѣвъ свои лучшія платья, вмѣстѣ съ разодѣтыми парнями, украшаютъ лентами срубленную березку и съ пѣснями несутъ ее на лугъ. Затѣмъ, разсыпавшись въ разныя стороны, изъ наломанныхъ вѣтовъ плетутъ вѣнки, въ средину его вѣшаютъ крестъ и два челоуѣка въ одинъ и тотъ же иигъ цѣлуютъ этотъ крестъ съ двухъ сторонъ, каждый съ своей. Поцѣловавшіе такимъ образомъ крестъ, разбѣниваются между собою крестами и дружатся на вѣки. Всякая ссора между ними считается послѣ этого великимъ грѣхомъ.

Послѣ завивки вѣнковъ, садятся кругомъ березы, ѣдятъ яичницу, и потомъ поютъ пѣсни и водятъ хороводы. Съ закатомъ солнца березу съ пѣснями несутъ въ деревню, а участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ отправляются къ озеру, рѣкѣ или пруду, гдѣ, снявъ съ себя вѣнки, опускаютъ ихъ въ воду около берега и, почерпнувъ сквозь вѣнокъ воды, умываются. По совершеніи этого обряда, снова бросаютъ вѣнокъ далеко въ воду и наблюдаютъ за нимъ. Если вѣ-

ТРОИЦКО-СЕРГИЕВСКАЯ ЛАВРА ВЛИЗЬ МОСКВЫ

нокъ поплыветъ, то бросившій будетъ жить долго; если же потонетъ то скоро умретъ.

Такова въ главныхъ чертахъ жизнь великорусскаго крестьянина. Мы видѣли, что великоруссы надѣлены и хорошимъ характеромъ, и достаточнымъ умомъ для того, чтобы улучшать свой бытъ и устраивать наилучшимъ образомъ свою жизнь. Однако многое еще остается нашему крестьянину для того, чтобы онъ могъ выйти изъ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится въ настоящее время. Описавъ выше хорошия качества и недостатки великорусскаго характера, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, что еще нужно ему.

Въ семейной жизни русскаго крестьянина есть много такого, что напоминаетъ еще времена отдаленныя и что постепенно выводится у народовъ болѣе образованныхъ. Такъ, самый важный шагъ въ каждомъ семейномъ домѣ—бракъ, рѣдко совершается между женихомъ и невѣстою полюбовно. Обыкновенно это дѣло берутъ на себя родители, часто вовсе не обращая вниманія на то— нравятся ли другъ другу женихъ и невѣста. Естественнымъ слѣдствіемъ такого брака весьма часто бываютъ семейные раздоры между мужемъ и женою, ненависть другъ къ другу, побои, а нерѣдко и преступленія, влекущія за собою смерть жены или мужа.

Излишнее употребленіе водки влечетъ за собою также домашнія несогласія, обѣдненіе цѣлыхъ семей и множество преступленій, которыя безъ водки уменьшились бы по числу своему вдвое противъ нынѣшняго.

Множество вредныхъ повѣрій и предрассудковъ, мѣшающихъ отчасти и сельскому хозяйству, опутываютъ нашего крестьянина, препятствуютъ его образованію и вредятъ здоровью.

Всѣ эти недостатки, надо правду сказать, не составляютъ принад-

лежности исключительно только нашего крестьянина. Они встрѣчаются среди всякаго простаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, но нельзя не сказать, что у русскаго народа эти качества встрѣчаются чаще, чѣмъ у другихъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, многое начинаетъ измѣняться въ жизни русскаго человѣка. Теперь уже во многихъ мѣстахъ созналъ народъ вредъ отъ пьянства и невѣжества, и нерѣдко приходится слышать о закрытіи въ деревняхъ, по приговору самихъ крестьянскихъ обществъ, кабаковъ и объ открытіи взаимно ихъ сельскихъ школъ для обученія крестьянскихъ дѣтей.

Главное средоточіе всего великорусскаго народа есть городъ Москва—древняя столица русскихъ царей и сердце Россіи. Она основана семьсотъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ, принадлежавшемъ боярину Кучей, почему долгое время называлась въ народѣ Кучковымъ. Сначала это былъ небольшой городокъ, потому туда стали стекаться торговые люди, а черезъ 200 лѣтъ послѣ своего основанія Москва образовала уже цѣлое княжество. До Петра русскіе князья и цари украшали Москву, и только Петръ Великій перенесъ свою столицу въ новый городъ, построенный имъ на берегу Невы и Финскаго залива—въ Петербургъ.

Вся Москва, за исключеніемъ ея предмѣстій, занимаетъ площадь въ 64 квадратныя версты. Населеніе Москвы доходитъ до 400,000 человѣкъ, которые живутъ въ 15,600 домахъ.

Православныхъ церквей въ Москвѣ болѣе 300, въ томъ числѣ 7 соборовъ и 18 монастырей.

II. МАЛОРОССЫ.

Характеръ, жилища, одежда и пища.

Малороссы, въ числѣ около 11.000,000 душъ, составляютъ главную массу населенія въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Кромѣ того, они живутъ въ значительномъ числѣ въ губерніяхъ: Воронежской, Орловской, Курской, Могилевской, въ Бессарабской и въ Донской области и попадаютъ въ губерніяхъ: Саратовской и Самарской.

При словахъ малороссъ и Малороссія, воображенію рисуются веселыя картины щедрой природы и тихой, привольной земледѣльческой жизни. Рисуются раздольныя степи, обширныя пашни, волю, медленно волочащіе плугъ, бѣлыя, уютныя хаты, красиво обрамленныя зеленью, бакчи, на которыхъ зрѣютъ арбузы и другіе плоды; рисуется чудно-синее небо, веселыя, довольныя своею судьбою лица молодежи и звучитъ серебристая мелодія пѣсень, которыя лѣтомъ раздаются здѣсь во всѣхъ селеніяхъ отъ зари и почти до зари.

Какъ всѣ земледѣльческіе народы, малороссъ права добраго и

тихаго. Онъ сильно привязанъ къ своей прекрасной родинѣ, любитъ осѣдлую жизнь, свою благодатную землю, своихъ воловъ, свой домашній очагъ, свой благодарный трудъ и гордится положеніемъ земледѣльца.

Вообще, народъ этотъ стоитъ на высокомъ нравственномъ уровнѣ. Между малороссами мало встрѣчается пороковъ. Честность ихъ напоминаетъ патриархальныя времена, а бражи случаются весьма рѣдко, и на малороссійскомъ языкѣ нѣтъ даже слова воръ, которое замѣняется словомъ *злодій*.

Вмѣстѣ съ обезпеченною жизнью, малороссъ наследовалъ отъ своихъ предковъ равнодушіе къ наживѣ: коренной малороссъ не понимаетъ стремленія къ обогащенію. Для него не существуетъ промышленности. Онъ смотритъ на промыслы съ высока, почти съ презрѣніемъ. Единственный его старинный и излюбленный промыселъ—чумачество, о которомъ мы поговоримъ ниже. Малороссъ непрактиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, и за эту непрактичность о малороссахъ часто отзываются какъ о простакахъ, но такіе отзывы несправедливы. Напротивъ, народъ этотъ одаренъ умомъ проникательнымъ, тонкимъ, часто глубокимъ и способнымъ къ продолжительному и упорному труду. Если умъ малоросса не всегда способенъ дѣйствовать быстро, за то онъ отчетливо и ясно понимаетъ усвоенный предметъ. Правда, что при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, малороссъ не засыплетъ его словами, не поторопится выставить на показъ весь свой умственный запасъ, а будетъ вести себя сдержанно. Но иногда два, три меткія слова, докажутъ меткій юморъ или блестящее остроуміе. Вообще насмѣшливость свойственна этому племени; она замѣтна даже въ дѣтяхъ, особенно во время ихъ игры.

Малороссовъ сильно упрекаютъ въ лѣни. О ней рассказываютъ много анекдотовъ, такъ что она приобрѣла даже своего рода знаменитость.

Не въ оправданіе, но въ поясненіе этой лѣни, слѣдуетъ замѣ-

тять, что малороссъ обрабатываетъ свои поля подъ сильнымъ зно-
емъ, почти съ апрѣля и до половины сентября, а такъ какъ посѣ-
вовъ много и все здѣсь зрѣетъ и поспѣваетъ быстро, — то полевая
работы слѣдуютъ одна за другою, безъ пережки. Крестьянину не-
когда отдохнуть въ рабочее время; онъ встаетъ съ зарею и трудится
безъ усталы цѣлый день. Понятно, послѣ того, что онъ любитъ на-
сладиться удовольствіемъ бездѣйствія.

Малороссъ вообще добръ и гостепріименъ. Но гостепріимство это
происходитъ отчасти и отъ того, что онъ самъ любитъ попировать.
Осенью и зимою, въ великорусскихъ губерніяхъ, крестьяне часто
отправляются на заработки, но украинцу нѣтъ этой необходимости.
Слѣдовательно, времени у него свободнаго много, и пирушки случа-
ются часто. Онъ считаетъ святою обязанностью справлять всѣ имя-
нины, крестины, поминки и пр. и обыкновенно при такихъ случаяхъ
слишкомъ много пьетъ горѣлки. Вообще, какъ ни грустно, но спра-
ведливость требуетъ сказать, что пьянство сильно распространено
въ Малороссіи; ему подвержены не только мужчины, но даже жен-
щины и дѣвушки. Не смотря на то, къ пьянымъ относятся съ пре-
зрѣніемъ.

Малороссы очень набожны. Они свято чтятъ всѣ предписанія
религіи и въ особенности строго соблюдаютъ посты. Даже дѣтямъ,
отнятымъ отъ груди, не даютъ молока по средамъ и пятницамъ; но
вмѣстѣ съ тѣмъ малороссы чрезвычайно суевѣрны. Нигдѣ слѣды древ-
нихъ языческихъ обычаевъ не уцѣлѣли такъ, какъ между малороссами,
тѣмъ болѣе, что близкія отношенія къ природѣ щедро одарили это
племя фантазіею и поэтическимъ чувствомъ. Последнее выражается
также въ музыкальности малороссовъ. Между ними очень много хо-
рошихъ голосовъ и они чрезвычайно любятъ пѣнье, что доказываетъ
и богатый запасъ ихъ пѣсень, равнаго которому нѣтъ ни у одного
изъ славянскихъ племенъ.

Одну изъ отличительныхъ чертъ малороссійскаго характера со-

ставляетъ также привязанность къ старинѣ, доходящая до закоснѣ-
лости. Малороссъ не любитъ никакихъ нововведеній, а вмѣстѣ съ
ними и грамотности. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что пле-
мя это, при своемъ проникательномъ, часто глубокомъ умѣ, было бы
очень способно къ развитію, если бы ничто не мѣшало ему сознать
его пользу.

Наружность малоросса больше подходитъ къ азіатскому типу.
Онъ худощавъ, окладъ лица продолговатый, волосы и глаза темные,
цвѣтъ тѣла смуглый. Въ движеніяхъ своихъ онъ медленъ и непово-
ротливъ, что происходитъ отчасти отъ дѣйствія климата, отчасти
отъ занятій хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, которые неспособ-
ны расшевелить человѣка. Онъ немногорѣчивъ, особенно съ чужими
людьми, часто даже угрюмъ и смотритъ изъ подлобья. Старики дер-
жать себя иногда съ какою-то свойственною имъ важною и дос-
тоинствомъ. Совѣтъ не таковъ малороссъ въ дружескомъ кругу,
особенно на пирушкахъ; здѣсь онъ развѣртывается, и шутки его ис-
полнены юмора и остроумія.

Исторія Малороссіи, представляющая упорную борьбу съ поляка-
ми и другими сосѣдами, выработала въ характерѣ племени духъ
независимости и глубокое сознаніе человѣческаго достоинства. Ма-
лороссъ гордъ: онъ не любитъ льстить и низкопоклонничать, не
выносить несправедливости, нахальства, грубости, и съ упрямствомъ
готовъ отстаивать свои права даже и тогда, когда знаетъ, что отъ
этого не будетъ никакой пользы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ глу-
боко вкоренено чувство законности, которому онъ обязанъ казачест-
ву, распространившемуся по всему краю.

Казакъ рѣшалъ всегда свои дѣла приговоромъ *вромады*, т. е.
мірскаго суда, и не подчиниться этому суду или закону немислимо
для малоросса.

Тревожныя времена заронили также въ душу украинца, вѣчно
принужденнаго опасаться и часто молча глотать обиды, — духъ не-

довѣрчивости и мстительности. Спросите малоросса о самой простой вещи — онъ всегда отвѣтитъ вамъ уклончиво и вмѣсто *да*, скажетъ только *можетъ быть*.

Къ людямъ не одного съ нимъ племени онъ относится не только еще недовѣрчивѣе, чѣмъ къ соплеменникамъ, но даже непріязненно. Евреевъ и нѣмцевъ — колонистовъ малороссы не терпятъ. Въ отношеніи евреевъ это объясняется тѣмъ, что евреи забрали въ свои руки всю торговлю страны — и такимъ образомъ держатъ часто жителей въ угнетеніи. Нѣмцевъ же они не любятъ вѣроятно за то, что тѣ живутъ замкнутою жизнью и не сообщаются съ ними; въ отношеніи русскихъ, называемыхъ здѣсь москалями, и особенно въ солдатамъ, малороссы крайне недовѣрчивы, что доказывается поговорками:

«Мутить, язь у сели москаль» *).

«Колы москаль каже: сухо, то піднимаєсь по ухо; бо вінъ бреше» **). «Зъ москалями знайся, а камень у пазухи держи». «Видь москаля поли врижъ, та втибай».

Также недовѣрчиво малороссы относятся и къ чиновникамъ.

«Ангельскій голосокъ, да чертова думка», говорятъ они про нихъ.

Если же какая нибудь слышанная новость сильно заинтересуетъ ихъ, то они обращаются за объясненіями и совѣтами къ дьячку, а тотъ къ священнику.

Что же касается до мстительности малороссовъ — то эта черта во все не похожа у нихъ на мстительность, напр. кавказскихъ горцевъ. Она не ведетъ къ озлобленному, продолжительному мщенію, а ограничивается тѣмъ, что малороссъ, какъ всѣ люди, одаренные умомъ и самолюбіемъ, не скоро забываетъ оскорбле-

*) Багамутить, какъ москаль въ селѣ.

***) Если москаль скажетъ: сухо, то поднимай одежду повыше, потому что онъ лжетъ.

нія. Его глубокое и сильное чувство разгорается медленно, но за то переходитъ въ пламенную страсть и часто остается на всю жизнь.

Отчасти врожденная независимость характера, а отчасти смутныя, историческія времена, когда, вслѣдствіе войнъ, семьи часто дробились и переселялись въ другія мѣстности, развили въ здѣшнемъ народѣ особенность быта, которою онъ рѣзко отличается отъ великороссовъ. Въ великорусскихъ деревняхъ женатые сыновья всегда живутъ вмѣстѣ съ отцомъ и ведутъ хозяйство сообща. Въ Малороссіи же, напротивъ, какъ скоро сынъ женится — сейчасъ заводится своимъ домомъ и отдѣльнымъ хозяйствомъ. Обычай этотъ хорошъ въ частной жизни, такъ какъ избавляетъ отъ пустыхъ ссоръ и домашнихъ дразгъ, но въ общемъ отъ него страдаетъ хозяйство. У отдѣлившагося сына нѣтъ иногда всего необходимаго для отдѣльнаго хозяйства, а отецъ между тѣмъ лишается работника; такимъ образомъ у обоихъ пропадаетъ безъ пользы много времени. Молодой хозяинъ привыкаетъ къ праздности, и когда обзаведется полнымъ хозяйствомъ не увеличиваетъ уже размѣровъ пахень.

Впрочемъ, встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ женатые сыновья живутъ вмѣстѣ подъ надзоромъ отца и работаютъ сообща, хотя такіе примѣры чрезвычайно рѣдки и не въ духѣ народа.

Малороссійскія села и деревни не похожи на великорусскія. Мѣстоположеніе ихъ большею частью живописно. Обыкновенно онѣ расположены на возвышенностяхъ, на холмистыхъ берегахъ рѣкъ или на склонахъ балокъ *). Селеніе не образуетъ прямой улицы, обстроенной съ обѣихъ сторонъ домами, а разбросано безо всякой симметріи. Хаты расплзаются во всѣхъ направленіяхъ, и въ длину, и въ ширину. Между ними находятся огороды, конопляники, сады

*) Балки — отлогіе овраги, составляющіе характеристическую, географическую особенность Малороссіи и Новороссіи.

и выгоны, такъ что все селеніе какъ будто купается въ зелени. Если оно лѣпится по селону балки, то среди нея вырытъ прудъ.

Въ срединѣ села или гдѣ нибудь на бугрѣ, возвышается церковь, а близь нея обыкновенно волостное правленіе или сельская расправа. Вокругъ села на холмахъ идетъ рядъ вѣтряныхъ мельницъ. Почти передъ каждою хатою есть палисадникъ, огороженный плетнемъ. Въ немъ пестрѣютъ гвоздика, барвеннокъ, зоря, штокъ - роза, роза обыкновенная и другіе цвѣты, а иногда растутъ сирень.

Дворъ обнесенъ также плетнемъ; ворота сѣвозныя, сколоченныя изъ жердей. Хозяйственныя постройки то идутъ рядомъ съ хатою, то разбросаны по двору, часто между группами деревьевъ. При этомъ выказывается иногда вполне любовь малоросса къ природѣ. Если, напр., ему надо построить сарай или навѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ какое нибудь дерево, — онъ ни за что не срубить его, а обнесетъ стѣнами и пропуститъ чрезъ крышу, такъ что оно очутится внутри сарая. Точно также поступаютъ фллахи *) съ финиковыми пальмами. Но плодъ финиковой пальмы для феллаха то же, что хлѣбъ для европейца, тогда какъ малороссъ щадитъ какой нибудь тополь, липу или какое нибудь неплодовое дерево — слѣдовательно, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно.

На дворѣ стоитъ обыкновенно владовая, сарай для телѣгъ, сарай для овецъ, открытый сарай для скота и лошадей, нѣсколько хлѣвовъ и птичникъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ также крытое гумно.

Хата имѣетъ обыкновенно отъ 9-ти до 12 аршинъ въ длину и отъ 7-ми до 8-ми въ ширину. Полъ въ комнатѣ дѣлаютъ изъ битой глины. Такая хата состоитъ изъ избы, сѣней и владовой. Только зажиточные хозяева имѣютъ по двѣ комнаты. Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, называемая *дымарь*, которая идетъ до верха крыши. Въ степныхъ хуторахъ, гдѣ часто бываютъ такія силь-

*) Египетскіе крестьяне, живущіе по берегамъ Нила.

ныя вьюги, что свѣжныя сугробы заваливаютъ хаты въ уровень съ крышею — эти трубы служатъ тогда единственнымъ отверстіемъ для выхода. Подъ трубою устраивается родъ широкой полки, на которой лѣтомъ готовятъ пищу.

Внутренность хатъ содержится всегда очень опрятно, такъ какъ малороссіянки, въ противоположность своимъ мужьямъ, очень дѣятельны. Чистота составляетъ щегольство здѣшнихъ хозяевъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что постройка жилищъ въ Малороссіи вообще очень разнообразна, смотря по тому, богатъ ли край строительными матерьялами и по степени зажиточности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить просторные каменные дома, похожіе на дома тамошнихъ колонистовъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ страна богата лѣсомъ, строятъ деревянныя хаты и уже не обмазываютъ снаружи глиною. Въ безлѣсныхъ же, но богатыхъ хорошею глиною мѣстностяхъ, строятъ мазанки, стѣны которыхъ выбѣливаютъ какъ снаружи, такъ и внутри. Тамъ же, наконецъ, гдѣ нѣтъ даже годной для строенія глины, какъ напр. въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, крестьяне живутъ въ опрятныхъ, но тѣсныхъ и сырыхъ нездоровыхъ землянкахъ. *Хуторомъ* называется выселокъ, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ.

Одежда малороссовъ, какъ мужская, такъ и женская, нисколько не похожа на великорусскую. Даже обувь иного повороя. Малороссъ не любитъ стѣсненія въ одеждѣ, что понятно при малороссійскомъ климатѣ, а потому она вообще отличается широкими, обширными размѣрами. Онъ носитъ бѣлую рубашку изъ грубаго холста, съ прѣшкой на груди, а не съ бочу, съ узенькимъ, стоячимъ воротникомъ, часто вышитымъ, который завязывается шнуркомъ или лентой. Рубашку надѣваютъ подъ шаровары. Шаровары дѣлаютъ чрезвычайно широкіе и непремѣнно съ карманами. У болѣе зажиточныхъ они бываютъ пестрядиные, а у иныхъ выбойчатые, а по зимамъ носятъ суконные. Они стягиваются *очкуромъ*, надѣваемымъ изнутри и всегда

запущены въ голенища. Вообще ширина шароваровъ считается щегольствомъ и иногда доходить до безобразія. Верхнихъ одеждъ нѣсколько. Самая легкая называется *юбка* родъ пальто изъ сѣраго или бѣлаго сукна, съ цвѣтными выпушками, которая застегивается кожаными пуговицами. Парубки (парни) и молодые женатые малороссы носятъ суконные полувафтаны, а зимою козухъ, т. е. коротенькій полупшубокъ. У бѣдныхъ одинъ козухъ служитъ для всего семейства. Сверхъ *юбки*, *кафтана* или *козуха* надѣвается *свита*, родъ армяка, стянутого въ тальѣ кожаными поясомъ. Носятъ также *кирею*, т. е. длинную свиту съ капюшономъ, защищающимъ отъ непогоды голову и шею. Вотъ эти различные роды одеждъ въ употребленіи у малороссовъ; все различіе между ними состоитъ единственно въ украшеніяхъ. Только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской губерніи крестьяне одѣваются по бѣлорусски. Зажиточные носятъ иногда очень дорогіе по ихъ состоянію козухи, сдѣланные изъ сѣрыхъ ягнячьихъ мерлушекъ. Во все время года, малороссы носятъ шапку изъ черныхъ, сѣрыхъ и даже бѣлыхъ мерлушекъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шапки эти дѣлаютъ очень высокія. Впрочемъ, есть селенія, особенно степныя, гдѣ лѣтомъ носятъ круглую шляпу съ широкими полями, называемую *бриль*. Встрѣчаются иногда соломенные брили туземнаго мастерства, сплетенныя довольно искусно. Обувь состоитъ изъ чоботовъ (сапоговъ). У богатыхъ они бываютъ сафьянные или изъ хорошей юфти, а у менѣе зажиточныхъ изъ воловьей и даже лошадиной кожи. Лаптей такихъ, какъ въ Великороссіи, здѣсь не носятъ, кромѣ тѣхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, гдѣ народъ одѣвается по бѣлорусски. Эту обувь замѣняютъ въ Малороссіи *постолы*, состоящіе изъ четырехугольнаго куска кожи, загнутаго и сѣрбиленнаго напередѣ, который привязывается къ ногѣ ременными или веревочными завязками.

Одежда молодежи, какъ покроємъ, такъ и украшеніями, щеголеватѣе,

чѣмъ у стариковъ. Мужчины, кромѣ стариковъ, стригутъ волосы и брѣютъ бороду.

Малороссійскій женскій нарядъ совершенно своеобразенъ.

Рубашки обыкновенно носятъ холстинныя. Дѣвушки и молодіицы (молодыя замужнія женщины) красиво вышиваютъ ихъ на рукавахъ и на подолѣ красною бумагою. Вышитый подолъ называется *ляговка*.

Вышивка рубашекъ составляетъ большое щегольство, и надѣв одну рубашкою дѣвушка просидитъ полгода. Въмѣсто великорусскаго сарафана, малороссіянки носятъ плахту и запаску. Одежды эти состоятъ изъ двухъ кусковъ матеріи, которые просто обертываютъ вокругъ талии; сверху надѣваютъ поясъ. Плахты и запаски дѣлаютъ изъ шерстяной одноцвѣтной матеріи, изъ шерстяной клѣтчатой или съ разводами, а иногда парчевыя. Пояса носятъ шерстяные, особенно красные шелковые и очень дорогіе парчевые. Этотъ костюмъ малороссіянка носить лѣтомъ и въ особенности дома; въ другія же времена года и на выходѣ, у нея есть другія наряды. Лѣтомъ, дѣвушки и молодыя женщины носятъ *гирсетъ*, коротенькое пальто безъ рукавовъ; зимою свитку, только гораздо короче мужской и сшитую со сборками. Богатыя носятъ байковыя свитки, зеленныя съ красными мушвами и суконныя. Кромѣ того, носятъ и длинныя свиты, расшитыя по краямъ полъ синими или красными шнурами, и шубы съ круглымъ, откиднымъ воротникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился еще старинный нарядъ, *кунтуши*, который надѣваютъ при торжественныхъ случаяхъ или въ большіе праздники. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу или въ нѣсколько мелкихъ косъ, которыя связываютъ по срединѣ. Вокругъ головы повязываютъ ленты, концы которыхъ падаютъ назадъ вмѣстѣ съ косою. Исключительную особенность малороссійскаго женскаго наряда доказывающую врожденный вкусъ малороссіянокъ къ изящному, составляютъ цвѣты. Въ великорусскихъ губерніяхъ никогда не увидишь цвѣтовъ на головѣ крестьянки, тогда какъ въ Малороссіи дѣвушки не только лѣтомъ

убираютъ голову цвѣтами, но даже и въ другія времена года носить искусственные. Цвѣты или просто втыкаются за ленту, или надѣваются на голову вѣнки. На шеѣ дѣвушки носятъ множество монисто *) и образковъ.

Женская обувь состоитъ изъ черевиковъ и сапоговъ, которые у богатыхъ бывають сафьянные. Впрочемъ, малороссіянки вообще любятъ ходить босня, и часто даже, идя въ церковь, несутъ сапоги въ рукахъ. Ходить босою по снѣгу считается здѣсь чѣмъ-то въ родѣ достоинства, и про такую женщину обыкновенно говорятъ: какая чепуриха, т. е. щеголиха.

Дѣти въ Малороссіи всегда одѣты точно въ чужое платье, потому что дѣтскую одежду обыкновенно припускають на ростъ и въ длину, и въ ширину.

Въ отношеніи пищи, малороссъ гораздо прихотливѣе великорусскаго крестьянина. Обиліе и разнообразіе припасовъ развили въ немъ вкусъ и онъ не удовлетворяется количествомъ, но обращаетъ вниманіе и на качество пищи. Свѣжую пищу готовятъ не только на обѣдъ, но и на ужинъ. Вообще малороссы любятъ все жирное. Извѣстное малороссійское сало составляетъ для нихъ такую же насущную потребность, какъ и хлѣбъ. Національныя малороссійскія кушанья: борщъ, галушки, пампушки, вареники, сырники и пр. Кушанья эти приготовляются изъ творогу и пшеничной муки и приправляются масломъ и сметаною. Говядину ѣдятъ рѣдко; больше употребляютъ баранину, поросятъ и иногда птиць; также творогъ, молоко и простоквашу. Для питья употребляютъ иногда татарскій напитокъ бузу, приготовляемый изъ просяной муки. Обыкновенно же пьютъ яблочный квасъ или воду.

*) Бусы съ монетами и медальонами, востянными, стеклянными, мѣдными, а иногда серебряными и золотыми.

Въ хозяйствѣ малоросса не достаетъ только косъ и важной насущной потребности — соли.

Косы покупають у пріѣзжихъ торговцевъ, а соль привозятъ изъ Брыма и Бессарабіи малороссійскіе извозчики, называемые чумаками.

Суевѣрія предрасудки и повѣрья.

Малороссы, какъ мы уже сказали, крайне суевѣрны. Причина этого кроется какъ въ недостаткѣ образованія, такъ и въ склонности къ фантастическому. Преданья языческой старины, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, достигли до нынѣшняго малоросса въ видѣ смутныхъ повѣрій о какихъ-то грозныхъ существахъ, таинственность которыхъ нравится его поэтически настроенному воображенію. Оттого — то остатки языческихъ вѣрованій нигдѣ не сохранились въ такой силѣ, какъ именно въ этой странѣ, бывшей колыбелью христіанства въ Россіи. Въ понятіяхъ малоросса весь міръ населенъ таинственными существами, имѣющими роковое вліяніе на участь всего живущаго, и онъ старается всѣми силами ладить съ ними, чтобы избѣжать ихъ мстительности.

Для малоросса ничто не дѣлается просто, въ силу естественнаго порядка вещей; въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни видитъ онъ участіе какой-то сверхъестественной силы.

Начнемъ съ собственной его хаты, гдѣ, какъ и въ домѣ великорусскаго крестьянина, хозяйничаетъ дѣдушка-домовой, называемый малороссами *дидкою*. Вѣрованіе въ этого духа слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и мы не станемъ входить въ подробности о немъ, тѣмъ болѣе, что дидкѣ приписывается все то, что въ Великороссіи — домовому. Живетъ дидко обыкновенно за печкой; отъ этого вѣрованья происходятъ отчасти заботливость малороссійскихъ хозяевъ о печ-

вахъ, которыя онѣ стараются держать какъ можно опрятнѣе и часто бѣлять. Невѣста во время сватанья непременно обязана колупать печку, т. е. отламывать отъ нея маленькіе кусочки глины, какъ бы испрашивая себѣ этимъ счастья въ супружествѣ. Обороны Боже, дать комунибудь огня изъ печи, потому что въ такомъ случаѣ собственноручно отдаешь всякую благостыню и благодать изъ дома.

Въ каждомъ полѣ есть также свой хозяинъ, *полевикъ*, который живетъ въ растущемъ хлѣбѣ, и чтобы пріобрѣсти покровительство этого духа, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, передъ началомъ посѣва, поютъ въ честь его хвалебныя пѣсни. Когда-же снимутъ жатву, то изъ благодарности къ полевику, а отчасти также для того, чтобы и впредь не оставлялъ своими милостями, въ какомънибудь мѣстѣ нивы оставляютъ для него «бороду». Борода эта состоитъ изъ нѣсколькихъ несжатыхъ колосьевъ, вокругъ которыхъ выжигаютъ траву. Колосья перевязываютъ красною ниткою и украшаютъ цвѣтами, а въ середину ихъ вкладутъ краюшку хлѣба съ солью, при чемъ поютъ: «Оце тобі борода, хлѣбъ, соль и вода».

Въ лѣсу живетъ *лисунъ* или *полисунъ*. Онъ также бываетъ различнаго роста, смотря по вышинѣ деревьевъ въ его владѣніяхъ. Въ языческія времена онъ считался также богомъ торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ волковъ, покровителемъ стадъ.

Полисунъ еще и донныѣ сохранилъ отчасти свое значеніе, какъ покровитель торговли, и разгуливаетъ по ярмаркамъ въ видѣ обыкновеннаго человѣка. Если малороссъ, желающій выгодно сбыть или пріобрѣсти какойнибудь товаръ, встрѣтитъ на ярмаркѣ, или на какомъ бы то ни было торгу, человѣка, который запахиваетъ свитку не правою полою, а лѣвою, онъ очень радъ этой встрѣчѣ. Онъ знаетъ, что всѣ крещенные запахиваютъ свитку правою полою и только одинъ полисунъ имѣетъ привычку запахивать ее лѣвою. Если же полисунъ появился на ярмаркѣ, то торгъ пойдетъ отлично, къ обоюдной выгодѣ какъ продавцевъ, такъ и покупателей.

Такъ какъ мы уже заговорили о полисунѣ и о волкахъ, то разскажемъ кстати какую важную роль играютъ волки въ малороссійскихъ преданіяхъ и повѣртіяхъ. Они дѣлятся по уѣздамъ, и волкъ одного уѣзда не смѣетъ перебраться въ другой, потому что этого не позволяетъ имъ св. Юрій, который со временъ христіанства считается пастыремъ волковъ. «Св. Юръ звѣря пасе», говоритъ малороссійское изреченіе. Онъ даетъ имъ и пропитаніе.

Слѣды языческаго вѣрованья въ роковое предопредѣленіе замѣтны и въ этомъ случаѣ. Малороссъ твердо убѣжденъ, что отъ волчьихъ зубовъ невозможно спастись никому—ни звѣрю, ни человѣку. «Что у волковъ въ зубахъ, говоритъ малороссійская поговорка, то Егорій далъ»; или ловить волкъ «роковую овечку». Волки, однако же, чтобы получить себѣ пропитаніе, должны вымалывать его у св. Юрія, въ теченіе двѣнадцати дней. Когда волки воютъ, это значитъ, что они просятъ у св. Юрія пищу для себя.

Животное, обреченное святымъ на съѣденіе волку, ни подъ какимъ видомъ не укроется отъ него. Отъ этого произошли молитвы къ этому святому, въ которыхъ малороссы просятъ его покровительства, какъ для себя, такъ и для стадъ своихъ.

Когда родится ягненокъ, хозяинъ произноситъ надъ нимъ слѣдующее заклинаніе:

«Здорова знеси, відъ вовка втечи, рунце принеси». (Будь здоровъ, убѣги отъ волка и принеси руно).

Когда скотъ выгоняютъ въ первый разъ на пастбище, то для предохраненія его отъ всего дурнаго, произносятъ надъ нимъ такъ называемое *замовлянье*. Такихъ замовляній множество.

На улицѣ, въ дорогѣ ли, на веселой ли пирушкѣ, малороссъ всегда долженъ опасаться таинственныхъ духовъ. Почудится ли ему ночью, что его ктонибудь называетъ по имени подъ ономъ — бѣда, если онъ откликнется. Непременно захвораетъ, потому что его выкликаетъ *Мара*, фантастическое существо, неопредѣленнаго свойства. Извѣ-

Б Ъ Л О Р У С С Ы .

В Е Л И К О Р У С С Ы .

стно только, что Мара одѣвается въ сѣрую свитку и носить голову подъ мышкою. А попробуй какойнибудь парубокъ дурно отозваться о *Ховалт!* Плохо ему придется. *Ховала* бросится на него и закроетъ его своимъ тѣломъ, такъ что парубокъ станетъ невидимъ. Духъ же, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, безнаказанно отколотитъ его такъ, что у того на долго останутся синяки на тѣлѣ. У *Ховалы* двѣнадцать глазъ, и когда онъ идетъ гдѣнибудь, то освѣщаетъ ими всю окрестность, какъ заревою пожара.

Существуетъ еще въ воображеніи малоросса упыри. *Упырь*— злое существо съ родни вѣдьмъ и нечистому. Тѣло у него длинное, худощавое, лицо испитое, характера онъ несообщительнаго. Днемъ онъ сидитъ на печи, предсказываетъ будущее и помогаетъ отыскивать пропажи, а по ночамъ ходитъ на кладбище и сосетъ изъ труповъ кровь. Когда онъ умираетъ, то не гниетъ въ гробу, а выходитъ изъ него по ночамъ затѣмъ, чтобы сосать кровь уже у живыхъ спящихъ людей. Иногда онъ засасываетъ ихъ до смерти.

Выдаетъ ли малороссъ зумужъ дочь или женитъ сына, и тутъ смотри, чтобы угодить чародѣйскимъ силамъ, а то если обидится на него или на жену его, какойнибудь знахаръ или *отдюкз*, то обратитъ дружбу или подружку въ волка. Иногда же и весь свадебный поѣздъ обращается въ волковъ, которые разбѣгаются по лѣсамъ. Такихъ оборотней называютъ *вовкулаками*. Малороссы говорятъ, что охотникамъ случалось даже, застрѣливъ волка, найти въ тѣлѣ его свадебные ручники. *Вовкулаки* всегда живутъ по близости селеній, они не беспокоятъ людей, а напротивъ приносятъ ту пользу, что охраняютъ стада отъ настоящихъ волковъ, которые ихъ очень боятся.

Вѣдьмы знакомы и великороссамъ, но нигдѣ вѣрованіе въ нихъ не распространено такъ сильно, какъ въ Малороссіи. Главное мѣстопробываніе ихъ на *Лисой горѣ*, близъ Кіева. Здѣсь засѣдаетъ ихъ старшая, и сюда, наканунѣ *Иванова дня*, собираются на шабашъ всѣ под-

властныя ей вѣдьмы. Отправляясь въ такое путешествіе, вѣдьма мажетъ себѣ подъ мышками волшебною жидкостью и отлетаетъ въ трубу, верхомъ на помелѣ или въ ступѣ.

Вѣдьмы раздѣляются на природныхъ и ученыхъ. Ученными считаютъ злыхъ бабъ, большею частью безобразныхъ старухъ, которыя, будто бы изъ желанія вредить людямъ, познакомились съ нечистымъ. Отличительный признакъ вѣдьмъ—хвостъ. Ученныя вѣдьмы гораздо злѣе природныхъ и дѣлаютъ надъ людьми разныя недобрныя проказы.

Вѣдьма любитъ прохаживаться по чужимъ хлѣбамъ, обыкновенно въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами. Когда вѣдьма зла на какогонибудь сосѣда или односельчанина, то дѣлаетъ на его нивѣ *закрутку*: захвативъ въ горсть, стоящія на корню колосья ржи или пшеницы, надломаетъ и закрутитъ во всѣ стороны съ заговоромъ; иногда еще и красною ниткою перевяжетъ.

Встрѣтивъ такую *закрутку* во время жнитвы, жницы приходятъ въ ужасъ, потому что хозяину нивы грозитъ болѣзнь или смерть. Никто, ни за что на свѣтѣ, не согласится дотронуться до заколдованныхъ колосѣевъ.

Чтобы сбыть бѣду, огораживаютъ *закрутку* осиновыми кольями и выжигаютъ осиновыми дровами. Никакое другое дерево не поможетъ кромѣ осинового, такъ какъ это считается по народному повѣрью проклятымъ, потому что на немъ повѣсилса *Иуда*. Когда начнетъ горѣть *закрутка*, злую колдунью также начнетъ жечь внутренній огонь, и чѣмъ ярче пылаютъ дрова, тѣмъ больше она мучится. Послѣ этого призываютъ священника и онъ читаетъ на нивѣ молитву, чтобы уничтожить силу чародѣйства. Иногда же вмѣсто священника зовутъ знахаря затѣмъ, чтобы онъ разрушилъ чары своими чародѣйскими же средствами.

Иногда двѣ вѣдьмы состязаются между собою, защищая другъ у друга когонибудь изъ людей. Такихъ вѣдьмъ народъ называетъ

за личина. Малороссы говорятъ, что нынче вѣдьмы значительно уже перевелись, но все таки ихъ уцѣлѣло еще на столько, что почти въ каждой деревнѣ есть какая нибудь несчастная старуха слышущая за вѣдму.

Вѣдьма тоже, что вѣдьма, только мужескаго пола. Онъ также золь и безобразенъ и имѣеть ту же способность превращаться въ различныхъ животныхъ. По ночамъ любитъ пугать прохожихъ, выдаясь имъ подъ ноги.

Малороссы также вѣрятъ въ русалокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространено вѣрованье въ русалокъ двухъ видовъ. Однѣ — молодыя, красивыя дѣвушки, другія же безобразныя старухи. Послѣднія не терпятъ дѣтей и подростковъ, которые безъ спроса родителей бѣгаютъ по пашнямъ, лугамъ, зарослямъ, купаются въ глубокихъ рѣкахъ и т. п. Когда они попадаютъ русалкамъ, тѣ тотчасъ убиваютъ ихъ. Поэтому рѣдко случается, чтобы дѣти выходили изъ дома безъ позволенія родителей, и въ хлѣбъ ни за что не пойдутъ.

Троицынъ день считается «русальчинымъ праздникомъ». Въ этотъ день для безопасности отъ русалокъ и вѣдьмъ ставятъ у дверей каждой хаты срубленныя деревца клена или ослны, а на окна крапиву. Въ этотъ же день дѣвушки вьютъ вѣнки и приносятъ въ церковь къ обѣднѣ цвѣты и душистыя травы, которыя священникъ, во время крестнаго хода вокругъ церкви, окропляетъ святою водою.

Есть еще у малороссянъ такія духи, которые подбрасываютъ людямъ какія нибудь вещи, какъ напр. ленты, монеты, поясъ и т. п., и горе тому, кто подниметь подкинутую вещь. На него непременно нападетъ сухотка или какая другая болѣзнь. Такъ, одна дѣвушка рассказывала, что увидѣла одинъ разъ на землѣ великолѣпное монисто съ массивною застѣжкой. Она хотѣла было поднять, но, вспомнивъ, что это были штуки нечистаго, три раза произнесла извѣстныя слова — и монисто, звеня цѣпью, ушло въ землю.

Малороссы даже самыя болѣзни представляютъ себѣ въ видѣ живыхъ, таинственныхъ существъ.

Впрочемъ, фантастическій миръ малоросса не ограничивается одними безобразными, злыми чудищами, искаженными вырожденными мстительныхъ языческихъ божествъ. Въ его таинственныхъ повѣрьяхъ замѣтны также слѣды кроткаго вліянія христіанской религіи. Такъ, въ Волынской губерніи существуютъ исполненныя поэзіи вѣрованья въ добрыхъ духовъ покровителей, которые принимаютъ на себя видъ коноплянки, ласточки или какой другой нѣжной птички и поютъ на деревьяхъ подлѣ дома. Малороссы говорятъ, что это души маленькихъ дѣтей, которыя слетаютъ съ неба затѣмъ, чтобы утѣшить скучающихъ о нихъ родителей. Здѣсь есть цѣлый невидимый, поднебесный миръ, который любитъ теплые, солнечные лучи, чистое небо, зелень деревьевъ, цвѣты и добрыхъ людей. До злыхъ же людей этимъ духамъ нѣтъ никакого дѣла.

Въ случаѣ болѣзни, малороссъ обращается къ помощи знахаря, называемаго также шептуромъ, или знахарки, роли которыхъ тѣ же, что и у великороссовъ.

У малороссовъ въ ходу множество примѣтъ и предразсудковъ; нѣкоторые изъ нихъ очень оригинальны. Такъ малороссъ вѣритъ, что нельзя оставлять ступу не закрытою, потому что передъ смертью не закроешь рта. — Нельзя утираться скатертью, чтобы люди не судачили. — Если будешь власть ключи на столъ — не будетъ памяти. Когда идешь въ гости, то посиди передъ тѣмъ нѣсколько минутъ какъ гость, затѣмъ чтобы въ гостяхъ хорошо принимали. — Если спускается паукъ или котъ облизывается — значитъ будутъ гости. — Когда надѣваешь въ первый разъ новую сорочку, то надо три раза черезъ нее ножикъ пропустить. — Если идутъ на встрѣчу тебѣ два человѣка, то хоть бы они и нарочно разступились для тебя — никогда не проходи между ними, а всегда обойди съ боку котораго нибудь. — Не подавай воды черезъ порогъ, потому что иначе не женишься или не выйдешь замужъ.

На свѣтлое Христово Воскресенье, называемое въ Малороссіи *великденъ*, слѣдуетъ прежде пасхи съѣсть хрѣну, затѣмъ чтобы быть крѣпкимъ и здоровымъ.

Малороссы очень недружелюбно относятся къ новѣйшему дешевому способу освѣщенія—керосину и уже успѣли составить о немъ повѣрье. Они говорятъ, что это начинаетъ выступать изъ ада чертова огненная вода. Прежде, когда люди были благочестивѣе, то вода эта не смѣла наступать на поверхность земли, теперь же она, по грѣхности міра, все болѣе и болѣе распространяется. Придетъ время, когда она покроетъ всю землю и тогда настанетъ страшный судъ.

Въ Малороссіи, также какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, безпрестанно приводится слышать рассказы и преданія о владахъ. Обыкновенно говорятъ, будто клады показываются ночью на свѣтлое Христово Воскресенье. Идущіе къ заутрени въ эту ночь, видятъ какъ подъ землею горятъ деньги.

Свадебные обряды.

Въ Малороссіи браки заключаются не по выбору родителей, но по обоюдной склонности жениха и невесты, согласіе же родителей только подтверждаетъ выборъ. Впрочемъ и здѣсь, какъ въ Вѣликороссіи, родительское благословленіе имѣетъ очень важное значеніе, и если почему либо родители не одобряютъ выбора сына или дочери, для послѣднихъ немислимо вступить въ бракъ помимо ихъ воли и безъ ихъ благословенія.

Женится малороссъ обыкновенно восемнадцати или девятнадцати лѣтъ. Свадьбы справляются осенью и весною, но чаще весною, такъ какъ всякому хозяину нужнѣе работниковъ на весну, чѣмъ на осень.

Мать жениха, узнавъ отъ сына, на комъ онъ задумалъ жениться, отправляется съ нимъ въ домъ невесты, захвативъ съ собою хлѣбъ.

Вообще хлѣбъ, какъ символъ благодати Божіей, играетъ важную роль почти при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ.

Если родители невесты согласны на предложеніе жениха, то начинается официальное сватовство. Отецъ жениха выбираетъ двухъ сватовъ, обыкновенно изъ самыхъ почетныхъ крестьянъ, хорошо знающихъ трудную обязанность свата и умѣющихъ выражаться краснорѣчиво. Имъ даютъ названье старостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выбираютъ трехъ или четырехъ сватовъ. Затѣмъ, родители благословляютъ жениха образомъ и хлѣбомъ. Старосты берутъ этотъ хлѣбъ и отправляются вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невесты.

Тамъ давно уже знаютъ, когда должны придти женихъ и сваты, и съ раняго утра все уже готово для ихъ пріема. Дѣвушка выглядываетъ украдкой изъ окна. Вдругъ раздается возгласъ: «идутъ, идутъ!» Въ хатѣ поднимается суматоха. Отецъ съ матерью усаживаются подъ образа, невеста охорашивается передъ зеркаломъ.

На улицѣ показывается женихъ посреди сватовъ, выступающихъ важною, торжественною поступью, опираясь на палку. Вскорѣ затѣмъ раздается стукъ въ дверь хаты. Родители невесты спрашиваютъ, что за люди, зачѣмъ пришли? Сваты отвѣчаютъ заученными фразами. Войдя въ хату и помолясь передъ образами, сваты кланяются хозяйну съ хозяйкой и, положивъ хлѣбъ - соль, говорятъ:

— Добрій вечеръ, пане хозяину, или добрій день.

— Здоровы булы, панове громадяне, отвѣчаетъ хозяйнъ, а что вы намъ добре скажете?

— Просимъ покорно хлѣбъ - соль принимать и насъ за сватовъ почитать.

— Просимъ милости, отвѣчаетъ хозяйнъ и усаживаетъ гостей въ передній уголь.

— У насъ е живнихъ, а у васъ нивиста, продолжаетъ одинъ изъ сватовъ, откашлявшись. Мы пришли отъ такого-то, отдай свою дочку за його сына.

Иногда же старосты на вопрос хозяина, что скажут доброго, отвѣчают каламбуромъ, въ родѣ слѣдующаго:

— А що ми вамъ скажемъ? Ми до вашего двора слидъ нашли. Слидили лисицу, да не выслидыли лисици, а выслидыли куницу, а съ тѣй куници да зробылась красная дѣвица. А теперь хотъ іе отдайте, хотъ насъ вымайте, т. е. угостите.

Чѣмъ краснорѣчивѣе и замысловатѣе выражаются старосты, тѣмъ болѣе имъ чести. Затѣмъ старосты закуриваютъ трубки и наступаютъ торжественное молчаніе.

Если родители согласны на предложеніе, то первымъ дѣломъ ставятъ фляжку горѣлки, а на закуску сметаны или пряженнаго сала. Если же дѣвушка не хочетъ выйти за предлагаемаго жениха, подаютъ на закуску, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, соленаго сыра, въ другихъ же гарбузъ (тыкву); хлѣбъ же возвращается старостамъ, лица которыхъ, конечно, вытягиваются. Родители дѣвушки начинаютъ упрашивать ее, она все отказывается. Затѣмъ выходитъ въ сѣни, женихъ идетъ за нею и случается иногда, что когда они переговариваютъ наединѣ, дѣло принимаетъ другой оборотъ, и невѣста принимаетъ хлѣбъ-соль, отъ котораго прежде отказывалась.

Въ случаѣ если дѣло идетъ хорошо, родители невѣсты при прощаньѣ также даютъ сватамъ хлѣбъ, который тѣ, возвратясь въ домъ женихова отца, передаютъ ему, говоря:

— Дило иде на ладъ, вони согласились.

На радости снова выпивается горѣлки.

На слѣдующій день вся женихова родня собирается въ домъ его отца и, снова взявъ хлѣбъ, отправляется всѣмъ обществомъ въ сопровожденіи музыкантовъ въ домъ родителей невѣсты. Здѣсь хата уже полна гостей, также родныхъ. Хозяева выходятъ навстрѣчу къ новоприбывшимъ, вланяются имъ и усаживаютъ ихъ на почетныя мѣста. Женихъ же, на просьбу садиться, обыкновенно отвѣчаетъ:

— Спасиби, я постою, щобъ більшому vyrости.

Послѣ угощенія горѣлкой, отецъ жениха говоритъ:

— Ну, мы жениха привели, покажите же намъ дѣвку: чи поправляются одинъ другому?

Является невѣста и, поклонившись гостямъ, останавливается у порога.

— Що, дочка, чи нравится женихъ, чи ни? вони прышли тебе сватать, спрашиваетъ отецъ у дочери безъ дальнѣйшихъ околичностей.

— Мнѣ нравится, тихо отвѣчаетъ дѣвушка, потупивъ глаза и будто въ замѣшательствѣ усердно колупая глину съ печки; якъ вамъ тату? Я желаю за іого.

— Добре, дочку, отвѣчаетъ отецъ. Нехаѣ, Богъ помога. Съ Божою помощю за весіля *).

Затѣмъ, подведя дочь къ жениху, ставитъ ихъ рядомъ на разостланнй рушникъ, беретъ въ руки икопу и благословляетъ ея помолвленныхъ. Мать благословляетъ дочь и жениха ея хлѣбомъ. Послѣ того еще разъ угощаютъ общество водкой. Затѣмъ невѣста беретъ заранѣе приготовленные рушники, распитые по концамъ красною бумагою и перевязываетъ ими старость черезъ плечо, женщинѣ же также черезъ плечо кусками митяля, а жениху, въ знакъ особаго рода почета, перевязываетъ правую руку по выше локтя, хусткою (платкомъ).

Обрядъ этотъ называется *братъ рушники*. По совершеніи его, гости и хозяева садятся обѣдать, при чемъ, конечно, женихъ садится рядомъ съ невѣстою. Послѣ обѣда молодежь заводятъ пѣсни и пляску. Подъ вечеръ всѣ отправляются съ музыкою и пѣснями въ домъ жениха смотрѣть его хозяйство и тамъ продолжается угощеніе иногда до разсвѣта. Отецъ же жениха остается въ домѣ родителей невѣсты и возвращается домой довольно поздно. Заглянувъ въ хату,

*) Весіля—свадьба.

гдѣ пируетъ его сынъ съ молодыми людьми, онъ говоритъ: — гулайте, дѣти, я вже піймавъ чыжа.

Въ Киевской губерніи обрядъ рушниковъ совершается въ первый день сватовства, а на другой день вся родня неvěсты отправляется пировать въ домъ жениха. Невѣста остается дома. Къ ней приходятъ подружки дѣтства и начинаютъ пѣть самыя заунывныя пѣсни, въ которыхъ говорится или о счастливыхъ дняхъ молодости, или о радостяхъ, которыя подружки дѣлили вмѣстѣ съ нею, или, наконецъ, напоминаетъ о предстоящей перемѣнѣ ея участи.

Начиная со дня помолвки, неvěста ходитъ и въ будни въ вѣнчѣ, сплетенномъ изъ различныхъ цвѣтовъ, чѣмъ отличается отъ другихъ дѣвушекъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, отцы нареченныхъ условливаются между собою о подробностяхъ свадьбы, въ какой день быть вѣчанью, кому какіе приготовить подарки, какой задать пиръ и т. п. Невѣста же приглашаетъ къ себѣ подругъ помогать ей шить приданое. По вечерамъ, обыкновенно, приходитъ женихъ съ угощеньемъ: пряниками, орѣхами, подсолнечными сѣмечками и т. п. Невѣста въ эти вечера много плачетъ, чего требуетъ приличіе, и пѣнье въ хатѣ не умолкаетъ. Чтобы развеселить неvěсту поютъ веселыя пѣсни.

За два дня до свадьбы, въ домѣ неvěсты собираются родственницы, и пекутъ шишки; такъ называютъ маленькіе пшеничныя хлѣбцы, состоящіе изъ нѣсколькихъ паръ голубцовъ, сложенныхъ одинъ на другой и связанныхъ вмѣстѣ однимъ цѣльнымъ пояскомъ. Пока готовятъ эти шишки, поются пѣсни. Кромѣ того, пекутъ еще одну шишку больше другихъ, называемую лежень. Начиная съ пятницы, лежень этотъ лежитъ на столѣ у неvěсты и на немъ двѣ ложечки, связанныя красною ленточкою. Когда хлѣбцы готовы, неvěста наряжается въ лучшее платье, подпоясывается вышитымъ поясомъ и, набравъ шишекъ, отправляется съ ними по знакомымъ, приглашая ихъ на каравай.

Каравай этотъ круглый или четырехугольный хлѣбъ, усаженный позолоченными птичками изъ пряничнаго тѣста. Онъ составляетъ необходимую принадлежность каждой свадьбы и имѣетъ большое значеніе въ глазахъ малороссіянъ. Печенье его сопровождается многими обрядами.

Прежде чѣмъ приняться за дѣло, молодицы, называемыя каравайницами, усаживаютъ на лавку свата, и одна изъ нихъ обращается къ нему съ слѣдующими словами:

— Староста, пане, пидстароста!

Староста отвѣчаетъ:

— Рады слухать.

— Благословить для такой то (имя неvěсты) коровой злипыты!

— Богъ благословить, отвѣчаетъ староста.

Это повторяется три раза.

Затѣмъ каравайницы начинаютъ мѣсить каравай; при чемъ поютъ:

Благослови, Боже,	Никто не вгадае
Пресвятая Госпоже,	Хто въ насъ каравай бгае,
Отець и матъ	Бгають молодицы
Своему дитяти	(Имя неvěсты) сыстрицы.
Каравай злипыты,	Несите воду зъ крыници
Сей домъ звеселить.	Бгайте каравай, сыстрицы.

Эти двѣ пѣсни непременно поютъ, когда валяютъ свадебный каравай. Къ квашнѣ же между тѣмъ прилѣпляють двѣ восковыя свѣчи одну противъ другой и зажигаютъ ихъ. Когда каравай готовъ, его кладутъ на крышу отъ квашни и вокругъ него зажигаютъ четыре свѣчки. Затѣмъ валяютъ двѣ шишки, одну по больше, а другую по меньше, въ которыя послѣ вставляютъ образа жениха и неvěсты. Наконецъ, каравайницы выбираютъ красиваго парня, которому даютъ названье *кучеряво*, для того чтобъ онъ вымелъ печь. Парень, взявъ пожемо въ руки, обращается сперва за благословленіемъ къ старостѣ:

— Староста, пане підстароста, благослови печь выметать.

— Богъ благословить, отвѣчаетъ староста.

Послѣ того паренъ принимается мести печь, а каравайницы тѣмъ временемъ поютъ:

Кучерявый пичь вымитае
Пичь наша рогоче (сильно смѣется)
Караваю хоче,—
А припичокъ залывается (заливается смѣхомъ)
Караваю сподивается (дивится).

Когда печь готова, кучерявый сажаетъ въ нее хлѣбъ. Послѣ того каравайницы подхватываютъ пустую квашню и обходятъ съ нею нѣсколько разъ вокругъ хаты; другія слѣдуютъ за ними, образуя родъ цѣпи. При каждомъ кругѣ, каравайницы ударяютъ квашнею въ потолокъ. Другія молодыя женщины и дѣвушки должны успѣть въ это время поцѣловаться другъ съ другомъ, каждая съ тою, которая стоитъ противъ нея. Случается при этомъ, что иная, неловкая, подвернется подъ квашню и ударится о нее лбомъ, причемъ хата оглашается громкимъ веселымъ хохотомъ.

Но вотъ каравай готовъ. Его вынимаютъ изъ печи и несутъ съ торжествомъ на столъ, стоящій подъ образами, убранный рушниками и лентами. Здѣсь надъ караваемъ утверждаютъ крестообразно двѣ дуги иногда въ аршинъ вышиною, обвиваютъ ихъ красными лентами, листьями барвинка, колосьями и т. п. Послѣ того вырѣзываютъ изъ верхней корки каравая кругъ, натыкаютъ его на остріе сабли, обвиваютъ всю саблю лентами и ягодами калины и также ставятъ на столъ подъ образами. Въ заключенье, гостей подчуютъ послѣ трудовъ водкою, а онѣ поютъ.

Наконецъ, садятся обѣдать, и обрядъ печенья каравая заканчивается послѣ обѣда танцами.

Въ самый день свадьбы, который обыкновенно бываетъ въ воскре-

сенье, женихъ выбираетъ себѣ цѣлый штатъ: двухъ *старостъ* изъ пожилыхъ людей; *дружку* и *подружнано* изъ молодыхъ людей, близкихъ родственниковъ; *сважку*, роль которой обыкновенно исполняетъ его замужняя сестра, если есть таковая; *свитылку*, молодую дѣвушку, также изъ сестеръ или родственницъ, и *бояръ*, изъ молодыхъ парней, родственниковъ или товарищей. Одинъ изъ нихъ называется старшимъ бояриномъ и держитъ вѣнецъ надъ женихомъ во время вѣнчанья.

Невѣста также выбираетъ себѣ *дружень* изъ молодыхъ дѣвушекъ, близкихъ родственниковъ. Одна изъ нихъ также называется старшею и держитъ во время вѣнчанья вѣнецъ надъ невѣстою.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, женихъ, въ сопровожденіи всего своего свадебнаго штата, является въ домъ невѣсты, гдѣ дружки ея встрѣчаютъ его съ пѣснями.

Отецъ невѣсты подходитъ къ нареченнымъ и, поставивъ ихъ рядомъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ прочитавъ вслухъ вратеую молитву, благословляетъ ихъ иконою. Затѣмъ вся свадебная процессія направляется въ церковь. Послѣ вѣнчанья все возвращаются въ домъ новобрачной. Молодыхъ поздравляютъ и затѣмъ старики расходятся по домамъ, молодежь же устраиваетъ катанье. Запрягаютъ въ телѣги тройками лошадей, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, и разсаживаются на нихъ; на послѣдней телѣгѣ садятся музыканты. Тройки выѣзжаютъ за ворота. Громкія пѣсни, звонъ колокольчиковъ, звуки инструментовъ—все сливается въ оглушительный шумъ. Катанье продолжается до вечера. Иногда заѣзжаютъ къ старшему боярину или къ старшей дружкѣ и здѣсь угощаютъ ихъ водкою. Подъ вечеръ новобрачный отвозитъ жену съ ея подружками въ домъ ея родителей, а самъ съ остальной компаніей ѣдетъ въ домъ къ своему отцу. Здѣсь уже ожидаютъ его все родственники и тотчасъ по приѣздѣ его садятся закусить. Послѣ закуски, отецъ молодого даетъ дружкѣ и старостамъ по хлѣбу. Они отправляются впередъ

въ домъ родителей молодой и вручаютъ имъ эти хлѣбы. Послѣ того отецъ молодого благословляетъ сына иконою и онъ ѣдетъ со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ въ домъ родителей жены. Свитулка держитъ при этомъ саблю, перевязанную платкомъ и утыканную калиною. Поѣздъ непременно состоитъ изъ двѣнадцати человѣкъ, а свитулка должна быть тринадцатою. Подъѣхавъ къ дому новобрачной, молодой стучитъ въ ворота. На этотъ стукъ гости выходятъ изъ хаты во дворъ и начинается слѣдующій разговоръ:

- Що тамъ за люди? спрашиваютъ родственники молодой.
- Пришли купцы, отвѣчаютъ бояре, пустить переночувать.
- А видѣли вы?
- А ажъ зъ Кіева.
- Куда жъ вы идете?
- Да у Москву.
- Ну пустить ихъ; це люде добрые.

Послѣ того растворяютъ ворота, поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ. Въ сѣняхъ встрѣчаетъ пріѣхавшихъ свашка молодого съ хлѣбомъ солью; свашка же молодой становится у двери въ хату. Обѣ держатъ въ рукахъ по зажженной восковой свѣчѣ и три раза передаютъ другъ другу черезъ порогъ хлѣбъ-соль. Послѣ третьяго раза цѣлуются. Затѣмъ, дружка молодого, переступивъ порогъ правою ногою, произноситъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Старосты новобрачной отвѣчаютъ ему въ голосъ:

— Аминь.

Послѣ этого дружка со всею компаніею входитъ въ хату. Здѣсь, въ ожиданіи гостей, сидитъ за столомъ молодая съ друзьями. При появленіи молодого съ его свитою, дружки начинаютъ пѣть:

Сдвинулись лавки—
Силы свашки-панянки;
Ище не такъ сдвинутся—
Якъ пыва напьются.

Когда же всѣ усядутся по мѣстамъ, дружки поютъ:

Бративу, намистничку,
Сядь же ты на крыльчкву,
Не продавай сестры
За рубъ, за четыре,
За два золотыи
Грошики—якъ панова
Сестричка—черноброва.

Пѣсня эта составляетъ такъ сказать прелюдію въ обрядъ *продажи косы*. Когда ее пропойтъ, на лавку рядомъ съ молодой сажаютъ ея меньшого брата, вооруженнаго кочергою или какимъ-либо другимъ орудіемъ изъ хозяйственной утвари; иногда же просто палкою. Къ нему подходитъ дружка или подружній, низко кланяются, подчуютъ виномъ или квасомъ и убѣдительно упрашиваютъ уступить мѣсто подлѣ молодой ея мужу. Мальчикъ отказывается и приводитъ доводы, почему не уступаетъ мѣсто. Обыкновенно доводы эти состоятъ изъ побасенокъ въ родѣ слѣдующей, напр.: что онъ лазилъ за сестрою на дубъ, рвалъ желуди, разорвалъ одежду и т. п. Ему даютъ деньги, но онъ отказывается и отъ нихъ, и чѣмъ больше упрашиваютъ его, тѣмъ онъ больше ломается. Комедія эта все-таки кончается тѣмъ, что онъ беретъ деньги, выпиваетъ рюмку вина и встаетъ съ лавки. Тогда на него навидываются *бояре* и очень нецеремонно выпроваживаютъ изъ хаты. Тѣмъ временемъ дружки молодой поютъ:

Ой, татаринъ, братикъ, татаринъ
Продавъ сестрицю за таларъ.
А русу носу за пятакъ;
А биле лычче пійшло такъ.

Между тѣмъ молодой садится на свободное мѣсто подлѣ жены. Тогда къ нему подходитъ сестра его жены, или какая-нибудь другая дѣвушка изъ близкихъ ея родственницъ, и, взявъ у молодого шапку, надѣваетъ на себя. Послѣ того она подаетъ одну руву молодого

его женѣ, за другую беретъ его сама и, обведя ихъ три раза вокругъ стола, съ востока на западъ, усаживаетъ въ уголь подь образами. Затѣмъ снимаетъ съ себя шапку, а съ головы молодой квитку изъ лентъ и пришиваетъ ее къ шапкѣ, причемъ поетъ:

Уси квиточки зъ барвиночку.	Шовки куповала,
Якъ я була швачка,	Квитки пришивала,
Якъ я була крамарочка;	Квитки пришивала,
У Києви була,	По таляру брала.

Надѣвъ опять на себя шапку, она начинаетъ приплясывать и под-свистывать. Дружки упрасиваютъ ее возвратить молодому шапку, но она не отдаетъ. Тогда ее подчуютъ виномъ и подносятъ на под-носѣ деньги. Если цѣна, которою молодой выкупаеъ свою шапку, покажется ей дешевою, то она, нисколько не стѣсняясь, заявляетъ о томъ, что недовольна, слѣдующею пѣсней:

А казали люде: зять богатый.	А казали: въ его грошей мнхъ,
А казали люде: винъ тороватый.	А положивъ полушку, якъ на смихъ.

Ей еще подносятъ денегъ, она беретъ ихъ и возвращаетъ молодому шапку, причемъ цѣлуеъ его.

Потомъ всѣ усаживаются за столъ въ ожиданіи раздачи подар-ковъ и дружки поютъ пѣсни.

Затѣмъ, дружки и подружніи начинаютъ разносить на тарелкѣ или на подносѣ подарки родственникамъ молодой. Мужчинамъ да-рятъ большею частью сапоги, женщинамъ же и дѣвушкамъ ситецъ, валенкоръ, ленты и т. п. Разнеся подарки, дружка спрашиваетъ тѣхъ, которые получили ихъ: довольны ли они хлѣбомъ—солью. Отвѣтъ конечно бываетъ утвердительный. Послѣ того молодая, а иногда и мать ея перевязываетъ черечъ плечо рушниками мужчинъ, составляв-шихъ свадебный штатъ молодого. Тѣмъ временемъ дружка съ под-

ружнимъ снимаютъ съ каравая рушники и другія украшенія. Золо-ченныхъ птичекъ разбираютъ дѣвушки. Дружка, вынувъ изъ кар-мана ножъ, кладетъ его на тарелку и произноситъ, обращаясь къ присутствующимъ:

— Старосты, паны старосты и честная бесѣда! благословите хлѣбъ поделить.

— Богъ благословить, отвѣчаютъ всѣ въ голосъ.

— Благословите у другій разъ!

— Богъ благословить!

— У третій разъ?

— Богъ благословить!

— Уси три разы!

— Богъ благословить!

Послѣ того дружка разрѣзываетъ каравай на куски, а подружніи подчуетъ ими гостей, причемъ дѣвушки поютъ. Если же дружка по-дѣлитъ каравай несправедливо, такъ что женѣ его или какой-нибудь родственницѣ достанется кусокъ по больше, нежели дру-гимъ, ему придется выслушать слѣдующую пѣсню.

Дружко каровой крае,
Лихую думку має;
Сзади его жинка стоять
Семеро дитей держить,
Да уси съ кошелями:
Увесь каровой забрали.

Не заслужитъ онъ одобренія общества и въ такомъ случаѣ, если, по несообразности его или по нерасчетливости, кому-нибудь изъ гостей не достанется каравая. Тогда красныя дѣвицы про-поютъ ему:

Да тоби жъ, дружко, було не дружковаты,
Да тоби жъ було свиной пасты
Изъ давгою домакою
Изъ спрокю собакою.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ТИПЫ.

Послѣ того садятся ужинать. Послѣ ужина всѣ выходятъ изъ хаты во дворъ. Музыканты играютъ плясовыя пѣсни и молодые парни танцуютъ съ молодой, чтобы удостовѣриться, какъ говорятъ, *не хрома ли она*. Иногда и старики, подгулявши, также пускаются плясать съ молодою. Дружка беретъ съ каждаго за эту честь деньги, которыя отдаетъ молодой.

Наконецъ запрягаютъ телегу и выносятъ на нее изъ хаты приданое молодой: сундукъ, подушки и пр. Затѣмъ родители начинаютъ прощаться съ дочерью, которую отпускаютъ въ домъ ея мужа. Прощаніе это бываетъ обыкновенно такъ торжественно и трогательно, что, по словамъ лицъ, видѣвшихъ такія сцены, никто, глядя на нихъ, не можетъ удержаться отъ слезъ. Отецъ и мать заливаются слезами и попеременно обнимаютъ дочь. Особенно, говорятъ, жаль смотрѣть на мать, которая то плачетъ сама, то принимается утѣшать плачущую дочь, сулить ей счастья и всякія радости въ новой ея жизни, и наконецъ, не справясь сама съ собою, переходитъ отъ утѣшенія опять къ слезамъ и воплямъ. Передъ отъѣздомъ отецъ благословляетъ молодыхъ иконою.

— Дай Богъ пожить благополучно! Почытайте батько и матеръ. Не забывайте и насъ, говорятъ онъ на прощанье.

Присутствующіе между тѣмъ поютъ: *Царю небесный, Днесь благодать и Нынѣ отпуцаеши*. Затѣмъ отецъ вручаетъ дочери и зятю по иконѣ, а дружкѣ, старостамъ и пр. по хлѣбу.

Въ заключеніе, дружка проситъ старость, чтобы благословили въ путь.

— Богъ благословить, отвѣчаютъ старосты.

Молодые, распрощавшись въ послѣдній разъ съ родителями, садятся въ повозку и кони увозятъ навсегда молодую изъ родительскаго дома.

Когда повозка выѣдетъ за ворота, женщины начинаютъ пѣть:

Ой кони, кони вороньи!
Чы надіетесь на смду,
Чы довезете нашу внягиню и пр.

Въ домѣ молодаго, новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ, его мать и всѣ гости. Мать въ сѣняхъ благословляетъ ихъ образомъ. Здѣсь также происходитъ дѣлежъ каравая, съ такими-же церемоніями и пѣснями, какъ и въ домѣ молодой, послѣ чего гости, попировавъ немного, отправляются доканчивать вечеръ къ родителямъ молодой.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, начинается настоящее веселье. По утру всѣ родственники и гости собираются въ домъ молодыхъ, гдѣ ихъ сперва угощаютъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются гулять съ музыкой и пѣснями, *чтобы показаться народу*. Передъ вечерней, всѣ перевязываются платками и рушниками, и молодые со всѣми дружками, боярами идутъ въ церковь. Священникъ вводитъ ихъ въ храмъ, читаетъ молитву, даетъ имъ приложиться къ кресту и накрываетъ молодую платкомъ, а сверхъ него кускомъ миткаля. Возвратясь отъ вечерни, молодые садятся за столъ. Отецъ снимаетъ ухватомъ съ головы молодой платокъ, а мать, также ухватомъ, покрывало; при этомъ молодая въ послѣдній разъ перевязываетъ всѣхъ гостей платками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день подчуютъ гостей каравасемъ съ прежними-же обрядами, но только каждый кусокъ каравая помазываютъ медомъ и даютъ при томъ гостямъ по немногу калины.

Пообѣдавъ, всѣ опять отправляются гулять съ музыкою и пѣснями. Возвратясь-же домой, молодые усаживаютъ своихъ родителей на покуть и подчуютъ сперва ихъ, а потомъ и всѣхъ гостей водкою. Гости дарятъ молодаго деньгами, а молодую полотномъ. Подъ вечеръ, когда всѣ развеселятся, начинается настоящая гульба. Всякій старается

отличиться и выкинуть какую-нибудь замысловатую штуку. Иногда переряжаются и бѣгаютъ по улицамъ съ пѣснями. Вечеръ заканчивается шумнымъ весельемъ.

Такъ обыкновенно справляютъ малороссійскія свадьбы, но конечно подробности свадебныхъ обрядовъ измѣняются иногда, смотря по мѣстностямъ.

Празднества и обычаи.

Малороссы вообще любятъ повеселиться и въ особенности, конечно, молодежь; но веселье ихъ чуждо буйнаго или задорнаго характера.

Весна и лѣто здѣсь такъ хороши, что сами по себѣ располагаютъ къ веселости. Они представляютъ рядъ прелестныхъ картинъ, о которыхъ говорить съ восторгомъ всякій, кто живалъ въ Малороссіи.

Весна начинается рано, почти всегда въ половинѣ марта, и снѣга таятъ быстро. Крестьяне принимаются за полевныя работы иногда еще до Благовѣщанья и оканчиваютъ ихъ къ ноябрю, когда уже пойдутъ заморозки.

Растительность развивается такъ быстро, какъ будто листья и цвѣты являются по мановенію волшебнаго жезла, и въ нѣсколько дней деревья одѣваются густою листвою, въ которой неумолчно раздаются веселое щебетанье и пѣнье птицъ. Въ особенности заливаются соловьи. Въ половинѣ мая, фруктовыя деревья покрыты уже бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ. Надъ ними вьются и жужжатъ пчелы; воздухъ напоенъ ароматомъ. Никто не усидитъ въ душной хатѣ; и старый, и малый всѣ рвутся подъ открытое небо, на которомъ ярко сіяетъ теплое весеннее солнышко. Во всемъ чувствуется избытокъ жизни, и какое-то безотчетное довольство охватываетъ сердце. Оно выливается наружу въ веселыхъ пѣсняхъ, мѣтко охарактеризованныхъ названьемъ «веснянокъ», которыя звонко раздаются въ эту пору года во всѣхъ малороссійскихъ селеніяхъ.

Святую недѣлю можно назвать настоящимъ весеннимъ праздникомъ, такъ какъ обыкновенно въ это время земля уже бываетъ одѣта зеленью. Малороссіяне справляютъ этотъ торжественный праздникъ съ большимъ благоговѣніемъ тихо и чинно, но въ концѣ его, на кладбищахъ, происходятъ поминки по усопшимъ родственникамъ, напоминающія своимъ шумнымъ характеромъ языческую тризну. Церковная ограда на кладбищахъ, называемая по малороссійски *цвинтарь*, составляетъ въ это время любимое мѣсто гулянья.

Все населеніе разгуливаетъ здѣсь въ лучшихъ нарядахъ. Старики сидятъ или стоятъ, опершись на палку, и съ удовольствіемъ смотрятъ на веселящуюся молодежь. А у молодежи идетъ бѣготня, смѣхъ, игры.

Каждому большому празднику присвоены особыя игры, неодинаковыя, впрочемъ, въ различныхъ губерніяхъ.

Въ семикъ передъ Троицынымъ днемъ, завиваютъ березки, водятъ хороводы, выкликаютъ кукушку, играютъ въ лѣсу въ горѣлки и пр. Наканунѣ Иванова дня (Иваны Купалы), 23 іюня, дѣвушки убираютъ головы вѣнками, и каждая, взявшись за руку съ парнемъ, прыгаетъ черезъ зажженный костеръ, причемъ поется множество обрядовыхъ пѣсень.

Скучная осень, съ ея холодными дождями и длинными вечерами, загоняетъ всѣхъ въ хаты, и тогда начинаются увеселенія иного рода. Дѣвушкамъ скучно сидѣть за работою въ одиночку и по вечерамъ онѣ отправляются въ которойнибудь изъ подругъ, захвативъ веретена или какуюнибудь другую работу. Въ обществѣ работается веселѣе, да и самая работа лучше спорится. Но работать молча не весело, а предметовъ для разговора мало и молодежь часто прибѣгаетъ въ такихъ случаяхъ къ сказкѣ, развлеченію, замѣняющему для неграмотнаго простолюдина книги и чрезвычайно любимому въ Малороссіи. Ихъ рассказываютъ не только на веселыхъ вечернихъ собраніяхъ, но даже и тамъ, гдѣ есть покойникъ. Здѣшній

обычай требуетъ, чтобы надъ умершимъ бодрствовали всю ночь, а потому друзья и сосѣды собираются въ его хату провести съ нимъ послѣднюю ночь, закусываютъ, пьютъ, бесѣдуютъ между собой о разныхъ разностяхъ, и, истощивъ всѣ предметы разговора, начинаютъ наконецъ рассказывать сказки.

Но возвратимся къ нашей вечеринкѣ или *вечерницѣ*. Веретена стучать по полу и жужжать, а дѣвушки съ полнымъ вниманіемъ и замираніемъ сердца слушаютъ рассказъ о томъ, какъ бѣдовалъ какой-нибудь фантастическій герой... покачиваютъ головами, соболѣзнуютъ, у иной даже слезы на глазахъ навернутся... или о томъ, какъ мачиха-вѣдьма всячески мучила и истязала падчерицу и какъ эту падчерицу хранила отъ всѣхъ бѣдъ какая-нибудь волшебная сила, такъ что преслѣдуемая дѣвушка проходила невредимо, какъ говорится, сквозь огонь и воду, или о томъ, какъ какой-нибудь парубокъ, въ наказаніе за какое-нибудь недоброе дѣло, превратился въ упыря и т. п.

Вдругъ дверь открывается, входятъ парни, и начинаются шутки балагурство и смѣхъ. Парнямъ хочется поплясать и они мѣшаютъ дѣвушкамъ работать. Сначала ихъ колотятъ за это по рукамъ веретенами, *гребнями*, чѣмъ попало, но наконецъ появляется какой-нибудь лихачъ съ балалайкой или скрипкой. Раздаются звуки *Горлицы*, *Метелицы* или какой-нибудь другой плясовой пѣсни. Тутъ ужъ, конечно, работа летитъ въ сторону и вечеръ заканчивается пляской.

Кромѣ того ходятъ дѣвушки на *досѣтки*. Каждая изъ нихъ запасается, чѣмъ можетъ, изъ провизіи, и, забравъ работу и провизію, отправляется съ вечера въ избранную избу. Тамъ всѣ вмѣстѣ работаютъ и ночуютъ. На слѣдующее утро встаютъ чрезвычайно рано и опять принимаются за работу, распѣвая пѣсни.

Во время праздниковъ устраиваются такъ называемыя *грища*. Избираютъ домъ, гдѣ должно происходить собраніе, нанимаютъ му-

зыку и сообща припасаютъ угощеніе. На эти праздничныя собранія ходятъ уже, конечно, безъ работы.

Рождественскіе праздники въ особенности сопровождаются многими обрядами, употребительными только у малороссовъ. Праздники эти называются Раздвѣны святки и канунъ Рождества, Святій вечеръ.

Всякая малороссійская хозяйка начинаетъ приготовляться къ нимъ заблаговременно и заводитъ такую чистоту и порядокъ въ хатѣ, что, какъ говорится, переворачиваетъ въ ней все вверхъ дномъ.

Прежде всего выносятся изъ хаты всѣ рабочія принадлежности: *веретена, мотовилы, ткацкіе станки*, и т. п., словомъ, все напминающее о работѣ и все излишнее. Убирается даже лишняя одежда, затѣмъ начинается мазанье хаты, и производятся въ ней разныя поправки и починки: перекладываютъ подъ печки, если это надобно, бѣлятъ мѣломъ или бѣлою глиною стѣны, потолокъ и печь, выводятъ красною или желтою глиною украшенія вокругъ оконъ, дверей, печныхъ отверстій, подлѣ образовъ, а иногда и подъ лавками и полками, и выравниваютъ заступомъ полъ, если онъ глиняный.

Покончивъ съ мазаньемъ, принимается ретивая хозяйка за мытье. Моется тутъ рѣшительно все, что только можно вымыть: лавки, полы, если они деревянные, и вся домашняя утварь. И все это не просто горячею водою, но *хвоцанками*, т. е. пучками растенія, называемаго хвощомъ, или пучками соломы. Хорошая малороссійская хозяйка увлекается въ такіе дни чистотою и порядкомъ нисколько не меньше любой голландки. Worse всего приходится въ это время мужьямъ.

Обыкновенно малороссійка относится къ своему мужу, какъ къ старшему, но когда идетъ предпраздничная уборка, то старше ее нѣтъ уже никого въ хатѣ, и она безъ церемоніи гонитъ изъ нея всѣхъ вонъ. Мужъ ворчитъ иногда, но только ради шутки, такъ какъ въ сущности любитъ чистоту и порядокъ не меньше своей хозяйки и обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что убирается изъ хаты.

Безпріютный бѣдняга бродитъ по огороду или по улицѣ. Послѣ убранства хаты начинается стирка: стирается все, кромѣ надѣтаго бѣлья. Слѣбными припасами запасаются хозяйки гораздо раньше. Въ послѣднее-же время, толкутъ изъ пшеницы крупу для куты, необходимой принадлежности рождественскихъ праздниковъ. Обновки для семьи и вообще все, что нужно изъ одежды, шьется и покупается также передъ этими праздниками.

Но вотъ уборка окончилась; все чисто и прибрано. Наступилъ и каунъ Рождества, называемый *Богатою кутьею*.

Въ это утро, часовъ до двѣнадцати, ни надъ одною трубою въ селеніи не вьется дымъ, такъ какъ ни одна хозяйка не стряпаетъ въ этотъ день обѣда. Всѣ постятся, и обѣдъ замѣняется ужиномъ или, лучше сказать, по здѣшнему выраженію, вмѣсто него *идятъ кутю* или *идятъ вечерю*.

Трудолюбивая хозяйка посвящаетъ это утро на разныя хозяйственныя мелочи: вымазетъ напр. мужу и себѣ сапоги саломъ или дегтемъ, поможетъ дочери нанизать новую монисту, насучитъ восковыхъ свѣчей для вечера и. т. п.

Въ полдень начинается стряпня. Но вотъ на дворѣ уже стемнѣло и на небѣ показались звѣзды. Съ первою звѣздою вся семья собирается въ хату. Переодѣваются во все чистое, затѣмъ приглашаютъ родныхъ или бѣдныхъ знакомыхъ и торжественно накрываютъ на столъ. Передъ образами затепляютъ свѣчу и какой-нибудь мальчикъ изъ семьи приступаетъ къ обряду, называемому «ставить *кутю* на *покутъ*». Прежде всего приносить онъ изъ сарая свѣжаго сѣна, стараясь захватить какъ можно болѣе желтыхъ цвѣтовъ и разстиляетъ его на покути. Затѣмъ беретъ съ припечки два обрядныя блюда: *кутю* и *узварь* *) и переноситъ на покутъ, при чемъ кто нибудь приговариваетъ: *кобъ кутя на покутъ, а узваръ на базаръ*. Мальчикъ

*) Узваръ изъ яблоковъ, грушъ и другихъ фруктовъ.

же, несущій кутю, долженъ при этомъ клохтать какъ курица. Клохчуть и другіе мальчики, находящіеся въ хатѣ.

Хозяинъ, между тѣмъ, или кто нибудь изъ старшихъ членовъ семейства, хватаетъ легонько мальчиковъ за чуприны. Дѣлаютъ это затѣмъ, чтобъ куры лучше неслись. Наконецъ, мальчикъ, играющій главную роль при этомъ обрядѣ, приноситъ горшокъ съ сотами и также устанавливаетъ на столѣ подлѣ обрядныхъ блюдъ. Затѣмъ, перекрестясь, кладетъ передъ образами три земные поклона.

Когда все готово, хозяинъ беретъ курильницу съ ладономъ, кадитъ ею и, прочитавъ въ слухъ «Богородицу и Отче нашъ», садится за столъ; за нимъ всѣ домашніе, приглашенные родственники и работники или, какъ называютъ ихъ здѣсь, *наймиты*, если они есть въ домѣ.

Столъ уставленъ постными кушаньями, между которыми красуются горы пироговъ. Стоять также, по старинному обычаю, и лишній приборъ для нежданнаго гостя. Водворяется молчаніе. Наливъ чарку вина, хозяинъ, перекрестясь, поминаетъ отсутствующихъ членовъ семьи, слѣдующими словами:

«Нехай же легонко згадається такому-то, да винъ здоровъ повертається.»

При этомъ въ хатѣ часто раздаются плачь и рыданіе.

Малороссъ—семьянинъ по преимуществу, и для малороссійской семьи отсутствіе кого нибудь изъ ея членовъ въ такой торжественный вечеръ составляетъ не только лишеніе, но сердечное горе.

За хозяйкою всѣ до малаго ребенка выпиваютъ по чаркѣ, поминаютъ также усопшихъ, а затѣмъ принимаются за ѣду. Начинаютъ со звара, за нимъ слѣдуетъ кутя, которую ѣдятъ съ медовою сытою. Какъ скоро ужинающіе поднесутъ ко рту по первой ложкѣ куты, хозяинъ отворлетъ дверь изъ сѣней во дворъ или окно и приговариваетъ:

«Морозе, морозе, иди до насъ куті істи, та не морозъ нашої гречки».

Вообще, весь обрядъ этого ужина сопровождается торжествен-

нымъ благоговѣніемъ живо напоминаетъ тѣ отдаленныя отъ насъ времена, когда глава семьи или родоначальникъ какого нибудь поколѣнія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ патриархомъ и жрецомъ.

Мы описали богатую кутю въ достаточномъ семействѣ. У бѣднаго, конечно, ужинъ этотъ бываетъ вовсе не обилень. Иногда даже, за неимѣніемъ пшеничной крупы, бѣдныя хозяйки варятъ обрядное блюдо изъ перловой, а соты замѣняются жижицею отъ взвара или маковымъ молокомъ. Но обычай этотъ съ его обрядами такъ вкоренился въ Малороссіи, что не ѣсть кутю наканунѣ Рождества положительно немислимо для малоросса.

Тотчасъ послѣ вечера хозяйки выпускаютъ телятъ къ матерямъ, чтобы они вдоволь насосались молока и оставляютъ вмѣстѣ до утра четвертаго дня праздника. Происхожденіе этого обычая неизвѣстно.

Въ самый день Рождества всѣ ходятъ къ заутрени и къ обѣднѣ; дома только остается которая нибудь изъ женщинъ, чтобы истопить печку. Впрочемъ, стражи въ этотъ день бываетъ немного, ибо все приготовлено заранѣе. Въ первый день Рождества, вообще, стараются на сколько возможно избѣгать работы, такъ какъ работать считается большимъ грѣхомъ. Въ особенности же грѣшно что нибудь рубить, рѣзать или крошить ножемъ.

За Рождественскимъ обѣдомъ, какъ и за богатою кутею, курятъ ладономъ, читаютъ вслухъ молитвы, а передъ образами теплится восковая свѣча.

Обѣдъ начинается кушаньями, оставшимися отъ Богатой Кутю.

Но характеристическія блюда Рождественскаго обѣда: колбаса и борщъ или скорѣе ши изъ капусты со свининою. Колбаса въ особенности радуетъ дѣтей и онѣ ждутъ ее съ нетерпѣніемъ. Кромѣ того что она составляетъ розговѣнье послѣ продолжительнаго Филиповскаго поста, появленіе ея сопряжено въ понятіяхъ дѣтей съ чѣмъ-то чудеснымъ: когда они, утомясь постомъ, спрашиваютъ скоро ли можно ѣсть скоромное, взрослые обыкновенно утѣшаютъ ихъ тѣмъ, что

вотъ скоро уже настанетъ Рождество и тогда въ печку прямо на сковороду спустится колбаса, которою онѣ и разговѣются. Дѣти ожидаютъ этого момента съ нетерпѣніемъ. Понятно, что они приходятъ въ восторгъ, когда чудо совершилось, т. е. когда на сковородѣ дѣйствительно запипитъ горячая колбаса, одно изъ кушаньевъ особенно любимыхъ малороссами.

Послѣ обѣда старики ложатся отдохнуть, а молодые и дѣти забавляются играми. Когда же въ хатахъ зажгутся огни, подъ окнами вдругъ раздается пѣнье. Это колядники. Колядками называются обрядовыя пѣсни. Духовенство вначалѣ старалось искоренить этотъ обычай, оставшійся отъ язычества, но, убѣдясь въ томъ, что это невозможно, сочинило многія колядки въ христіанскомъ духѣ. Напѣвъ этихъ пѣсень оригинальный, но монотонный. Колядки раздѣляются на мужскія, женскія и дѣтскія. Каждый куплетъ оканчивается припѣвомъ «*Святой вечеръ*».

Хозяинъ хаты даетъ колядникамъ что-нибудь изъ съѣтнаго, кусокъ сала, колбасу или что-нибудь подобное.

Ужинъ наканунѣ новаго года называется *Богатій вечеръ*. За нимъ подаютъ также кутю и взваръ, только прочія кушанья бываютъ скоромныя. Передъ ужиномъ дѣти, молодежь и даже женатые ходятъ также пѣть подъ окнами обрядныя пѣсни, называемыя *щедриками*. За каждымъ куплетомъ слѣдуетъ припѣвъ: *щедрыи вечеръ добрый вечеръ, добрымъ людямъ на здоровье*.

Въ Черниговской губерніи и въ сѣверныхъ уѣздахъ Харьковской существуетъ кромѣ того обычай водить козу.

Собирается компанія парней; одинъ изъ нихъ одѣвается козой. Онъ надѣваетъ на себя тулупъ, вывороченный на изнанку, придѣлываетъ хвостъ и рожки и привѣшиваетъ къ рожкамъ колокольчики. Съ этою козою отправляются по хатамъ. Коза пляшетъ, а подъ музыку поютъ особыя пѣсни. Въ самый новый годъ ходятъ по хатамъ мальчики и, посыпая хлѣбныя зерна, набранныя въ рукава, пригова-

риваютъ: «На счастье, на здоровье, роди Боже жито, пшеницю и усую пашницю. Будьте здоровы зъ новымъ годомъ, съ Василямъ!»

Наканунѣ Крещенья въ послѣдній разъ подаютъ за ужиномъ кутью, называемую *голодною*. Вѣроятно названіе это происходитъ оттого, что народъ цѣлый день постится. Послѣ ужина хозяинъ выходитъ на дворъ и *прогоняетъ кутью*. Въ старину это дѣлалось ружейными выстрѣлами, нынче же просто ударяютъ полѣномъ объ уголъ хаты, причемъ приговариваютъ, «зима отъ насъ, а лѣто до насъ»

Народная поэзія и народный промыселъ

Малороссы одарены музыкальнымъ чувствомъ и многіе изъ нихъ обладаютъ прекрасными голосами. Страсть къ пѣнью сильно распространена между ними, что доказывается и богатымъ запасомъ ихъ пѣсень, равнаго которому нѣтъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ. Различныя времена года, различные праздники, занятія и пр. имѣютъ свои особые отдѣлы пѣсень, которыя поются предпочтительно въ это время. Такъ, есть пѣсни веснянки, заживныя, косарскія, петривочки, обрядовыя, чумацкія и пр. Въ особенности любопытенъ отдѣлъ историческихъ пѣсень, называемыхъ думами. Онѣ сложены народомъ въ старинныя времена и уцѣлѣли отъ забвенія, благодаря странствующимъ пѣвцамъ, называемымъ кобзарями или бандуристами. Пѣвцы эти, обыкновенно слѣпые нищія; но ихъ нельзя ставить на одинъ уровень съ тѣми попрошайками и тунеядцами, которыхъ привыкли мы подразумевать подъ словомъ нищій. Малороссы, какъ мы уже видѣли, не любятъ попрошайничать; не тунеядство и страсть къ бродяжничеству, а только слѣпота, не позволяющая снискивать пропитаніе инымъ способомъ, можетъ заставить малоросса взяться за бандуру, съ тѣмъ чтобъ промыслить ею насущный хлѣбъ.

Притомъ же онъ прибѣгаетъ къ этому ремеслу столько же изъ крайности, сколько и потому, что, по врожденной всему племени склонности къ поэзіи и музыкѣ, оно доставляетъ ему отраду въ его горькой долѣ. Эти бандуристы напоминаютъ греческихъ рапсодовъ, которые въ древности странствовали по городамъ и деревнямъ Греціи и воспѣвали въ отдѣльныхъ пѣсняхъ легенды о Троянской войнѣ, собранныя впоследствии Гомеромъ въ одну великую эпопею.

Кобзари также ходятъ по городамъ и селеніямъ, въ сопровожденіи вожатаго, обыкновенно какого нибудь мальчика, и, подтыгивая на бандурѣ или кобзѣ *), поютъ преданія объ историческихъ событіяхъ ихъ родины. Конечно, преданія эти перепутаны и искажены; въ нихъ встрѣчаются имена и героевъ, и разбойниковъ, но по нимъ можно прослѣдить почти всю исторію страны и они важны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ сказывается духъ народа.

Въ отношеніи же самаго народа кобзари имѣютъ громадное значеніе. Малороссійскому крестьянину, какъ и всякому трудящемуся простолюдину, некогда отрывать отъ насущныхъ заботъ. Думы его не выходятъ изъ тѣсной рамки обыденныхъ, житейскихъ интересовъ и душа его мало по малу черствѣетъ въ этомъ заколдованномъ кругу. Пѣсни кобзара, въ которыхъ упоминается о жестокихъ битвахъ, обогрившихъ кровью почву его родины, о страданіяхъ, вынесенныхъ его дѣдами и прадедами, объ ихъ стремленіяхъ къ лучшей долѣ, о религіозномъ чувствѣ, поддерживавшемъ ихъ въ тяжкую годину и т. п. уносятъ его думы далеко отъ тѣсной хаты въ болѣе обширную среду и пробуждаютъ въ немъ мысль о болѣе высокихъ интересахъ.

Самый народный инструментъ этихъ пѣвцовъ, — бандура — имѣетъ не такое значеніе, какъ великороссійская балалайка.

*) Струнный инструментъ въ родѣ балалайки, но число струнъ доходитъ отъ 8 до 24-хъ.

Въ старину бандура составляла необходимую принадлежность не только нищихъ пѣвцовъ, но и всякаго казака какъ дома, такъ и во время походовъ его. Она была его вѣрнымъ другомъ, которому повѣрялъ онъ все свои думы. Подъ гармонію ея звуковъ буйный запорожець слагалъ унылыя пѣсни въ тѣ тихія минуты, когда душа его, недовольная разгуломъ его обыденной жизни, стремилась къ чему-то высшему и лучшему.

Во многихъ мѣщанскихъ и казацкихъ домахъ еще и нынче можно встрѣтить на стѣнахъ картинки, изображающія запорожца съ бандурой: обыкновенно онъ сидитъ гдѣ-нибудь на пригорѣхъ поды тѣнью и играетъ на бандурѣ. Поды нею пасется его конь, а на деревѣ виситъ жидь или ляхъ.

Въ старинной думѣ *о смерти казака бандуриста*, казакъ, возвращаясь съ битвы и чувствуя приближеніе смерти, — прощается со своею бандурою какъ съ живымъ существомъ. Дума начинается такъ:

«На татарскихъ поляхъ, на казацкихъ дорогахъ, не сѣрые волки воютъ, не чернокрылыя орлы влохчутъ и поды небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый казакъ, сѣдой какъ голубь; онъ играетъ на кобзѣ, онъ громко поетъ...

Поды него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны безы булатной сабли и ни одного заряда въ лядункѣ.

Только и осталось у него дорожная бандура, да въ глубокомъ карманѣ бурая труба, да полпалуши табаку»....

Далѣе, слѣдуютъ жалобы казака. Дума заканчивается слѣдующими словами:

«О кобза, подруга моя вѣрная, бандура ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепель по вѣтру или положить на курганъ. Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть задѣваетъ твои струны и грустно жалобно на нихъ наигрываетъ. Можетъ быть проѣзжіе казаки будутъ скакать близко, можетъ быть услышатъ твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану».

Вообще, бандура—инструментъ,—издающій тихіе звуки, а потому скорѣе способный для аккомпанеента заунывныхъ пѣсенъ, чѣмъ для плясовой или просто веселой музыки.

Поэзія историческихъ думъ запечатлѣна образностью выраженій и силою чувства, такъ какъ думы слагались большею частью самими дѣйствующими лицами воспоминаемыхъ событій, нерѣдко скорѣ послѣ совершившагося факта, когда душа поэта находилась поды его потрясающимъ впечатлѣніемъ. Съ теченіемъ времени, многія изъ этихъ стихотворныхъ думъ превратились просто въ прозаическія легенды, которыя малороссійскія старухи рассказываютъ по вечерамъ вмѣсто сказокъ своимъ внучатамъ.

Обыкновенно нищие-бандуристы берутъ къ себѣ въ науку какаго-нибудь безроднаго мальчика, который водитъ ихъ, и передаютъ ему свое искусство.

Въ старину, они имѣли даже школы пѣвцовъ, и многіе изъ этихъ учителей пользовались такою знаменитостью, что ихъ даже называли старичными королями. Но духъ времени измѣняется. Нынче историческія думы все меньше и меньше нравятся народу, забывшему среди спокойной, домашней жизни о прежнихъ тревожныхъ временахъ, и пѣвцы, поющіе ихъ, встрѣчаются все рѣже, такъ что любителямъ народной малороссійской поэзіи приходится уже отыскивать ихъ. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и очень вѣроятно, что во всей Малороссіи нельзя уже будетъ отыскать ни одного подобнаго пѣвца.

Малороссія богата хлѣбомъ, но въ ней вовсе нѣтъ соли. Недостатокъ этого продукта породилъ съ изстари промыселъ, называемый чумачествомъ. Чумаки—извозчики, которые ѣздятъ за солью къ солянымъ озерамъ въ Крымъ и въ Бессарабію.

Съ началомъ весны, начинаются чумацкія ярмарки, на которыхъ чумаки покупаютъ и продаютъ воловъ. Отправляясь въ путь, они нагружаютъ возы сухими грушами, яблоками и другими фруктами, а

также деревянными издѣльями, какъ напр. колесами, ведрами и пр., въ чемъ крайне нуждаются всѣ безлѣсные мѣстности, въ херсонскихъ и таврическихъ степяхъ, въ области войска Донскаго и по Азовскому побережью. Также отправляютъ съ ними изъ окрестностей города Изюма на Донъ и далѣе глиняную посуду. Изъ сѣверныхъ уѣздовъ Малороссіи везутъ они, въ огромномъ количествѣ, къ южнымъ портамъ хлѣбъ, пшеницу и льняное сѣмя.

Прежде, во времена гетмановъ, бывали села и очень многолюдныя, въ которыхъ жили исключительно чумаки. Въ такихъ селеніяхъ не водилось ни одного плуга, такъ какъ чумаки считали за стыдъ обрабатывать землю. Они позволяли себѣ только косить сѣно, потому что оно было необходимо для ихъ воловъ, всякое же другое занятіе считали зазорнымъ для своего ремесла, которымъ очень гордились. Теперь эти понятія отчасти уже вывелись. Духъ промышленности начинаетъ проникать въ чумацкія селенія, и нынче тѣ изъ чумаковъ, которые позажиточнѣе, держатъ воловъ и работниковъ, которымъ поручаютъ обозы, сами же остаются дома и занимаются хозяйствомъ.

Обозы отправляются въ путь три раза въ лѣто. Хозяинъ—чумакъ, имѣя въ своемъ распоряженіи много воловъ и рабочихъ рукъ, пользуется ими, чтобы вспахать и засеять пашни, послѣ чего работники отправляются въ первый путь. Они возвращаются домой къ сѣнокосяной порѣ. Послѣ сѣнокосовъ идутъ во второй путь и возвращаются къ уборкѣ хлѣба. Наконецъ, послѣ Семенова дня, идутъ въ третій путь и возвращаются уже къ Покрову.

Отправляясь въ путь, чумаки берутъ съ собою мальчиковъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы пасти воловъ какъ днемъ, такъ и ночью. Они обращаются очень хорошо съ этими мальчиками и не заставляютъ ихъ исполнять трудныхъ работъ.

Въ чумацкомъ обозѣ или вальѣ бываетъ отъ 16 до 25 фуръ. На возъ кладется отъ 50 и до 60 пудовъ клади. Говорятъ, въ

старину, когда скотъ былъ крупнѣе, на возъ вляли до 70 и даже до 80 пудовъ.

Прощаніе отъѣзжающихъ чумаковъ съ родными и пріятелями всегда бываетъ грустное: путь предстоитъ дальній и къ тому же по степи. Часто приходится чумакамъ выносить въ дорогѣ и зной, и жажду, и холодъ, и бури.

Передъ отъѣздомъ служатъ молебень. Но вотъ сборы окончены, волы стоятъ уже запряженные, а на переднемъ возѣ, по старинному обычаю, сидитъ, привязанный за ногу, пѣтухъ. Этотъ пернатый спутникъ замѣняетъ чумакамъ въ дорогѣ часы; кромѣ того, крикъ его напоминаетъ имъ родное село и родной домъ. Существуетъ также между ними повѣрье, что онъ предохраняетъ отъ дорожнаго бѣса.

Чумаки въ рубахахъ, пропитанныхъ дегтемъ, въ предохраненіе отъ насѣкомыхъ, въ смазныхъ чеботахъ и порыжѣвшихъ пояровыхъ шляпахъ, вооружась длинными бичами, похаживаютъ около возовъ и прощаются съ родными и пріятелями. Около нихъ вьются, также собираясь въ путь, собаки, неразлучные спутники каждой валки.

Наконецъ настала минута послѣдняго прощанья. Передовой чумакъ ободрительно крикнулъ на воловъ, и тѣ медленно, будто не хотя, двинулись съ мѣста; за ними послѣдовали и другіе. Колеса скрипятъ. Чумаки, понуривъ головы, идутъ за возами. Остатокъ еса провожаютъ ихъ до окраины села, женщины отираютъ слезы. Вотъ, обозъ своротилъ за окраину и передъ чумаками раскинулась хорошо имъ знакомая раздольная степь.

Мало по малу къ обозу пристаётъ другой, затѣмъ третій и т. д., такъ что подъ конецъ по степи тянется одинъ нескончаемый поѣздъ, обозовъ въ пятьдесятъ и болѣе, про который говорится, что когда голова его уже просыпается и трогается въ путь, хвостъ только еще спать ложится.

Ночлеги чумаковъ въ степи чрезвычайно картинны. Обыкновен-

КІЕВЪ-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

но они располагаются на травѣ околъ костра, на которомъ варится въ котлѣ кушанье, а въ нѣкоторомъ разстояніи пасутся волаы.

Пища чумаковъ незатѣйлива, а водки дорогою не пьютъ, потому что въ противномъ случаѣ иной обозъ, запировавъ въ степи, пожалуй, никогда бы не добѣхалъ до мѣста назначенья. Чумаки ѣздятъ почти всегда одними и тѣми же путями, проложенными еще ихъ прадедами. Одинъ изъ нихъ идетъ на Донъ и Азовскія побережья, гдѣ обозы нагружаютъ солевой и вяленой рыбою; другой въ Крымъ, къ озерамъ, гдѣ нагружаются солью. Живущіе близъ Днѣпра чумаки ѣздятъ еще съ разнымъ грузомъ въ Одессу, въ Польшу и въ Бессарабію.

По статистическимъ даннымъ, въ одной Кіевской губерніи до 17,500 чумаковъ и у нихъ до 70,000 паръ воловъ. Изъ этого числа 30,000 паръ воловъ возятъ въ Одессу почти непрерывно отъ апрѣля до сентября пшеницу изъ окрестныхъ уѣздовъ, ходятъ на Донъ, въ Бессарабію, въ Крымъ.

Такимъ образомъ вся степь, заключающая въ себѣ 15 тысячъ квадратныхъ миль, отъ ранней весны до поздней осени, искрещивается странствующими чумаками.

Завузивъ соль, иные чумаки везутъ ее прямо въ Малороссію, гдѣ она расходится по множеству селеній и мѣстечекъ, другіе же отвозятъ въ складочныя мѣста на Днѣпрѣ, оттуда уже отправляютъ водою въ западныя губерніи и въ Польшу.

Одинъ изъ главныхъ соляныхъ складовъ на Днѣпрѣ, — такъ называемый Крюковъ посадъ, въ предмѣстьяхъ Кременчуга. Въ іюнѣ и въ іюль съѣзжается сюда бездна чумаковъ. Продавъ соль, они отправляются обратно на родину съ другимъ товаромъ.

Малороссы или южно-руссы составляютъ южно-русскую вѣтвь славянскаго племени. Съ самаго начала русской исторіи, судьба, казалось, назначила Южной Руси блестящую роль. Съ перенесеніемъ столицы въ Кіевъ, княжество Кіевское стало центромъ развитія политической жи-

зни народа и цивилизаціи, перешедшей изъ Греціи. Но во время нашествія татаръ, оно подпало, какъ и вся Русь, подъ ихъ иго, и съ той поры исторія Южной Руси пошла отдѣльнымъ путемъ отъ исторіи остальной земли русской. Освободясь изъ подъ ига татаръ черезъ 70 л., съ помощью литовцевъ, Южная Русь присоединилась къ Литвѣ на равныхъ правахъ, но дорого заплатила впоследствии за это присоединеніе. Когда Литовскій князь Ягелло женился на польской королевѣ Ядвига, литовцы, поляки и малороссы составили одно государство.

Вскорѣ полякамъ захотѣлось первенствовать, и Южная Русь подверглась страшнымъ притѣсненіямъ. Поляки преслѣдовали православіе, мучили народъ страшнымъ образомъ и обирали его. Начался рядъ ожесточенныхъ войнъ, которыя окончились съ присоединеніемъ Южной Руси или Малороссіи къ Русскому государству при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ.

Въ настоящее время, какъ уже сказано было въ началѣ, малороссы или южно-руссы живутъ въ Россіи сплошною массою въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волинской, Подольской и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, а также въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, въ Курской отъ рѣки Сейма и во всемъ Суджанскомъ уѣздѣ, и въ Воронежской губерніи къ западу отъ рѣки Дона. Въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ они составляютъ главную массу населенія. Кромѣ того встрѣчаются и въ смежныхъ мѣстностяхъ.

По происхожденію, быту и языку, они представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства имѣютъ различныя названія; такъ жителей Черниговской губерніи называютъ *гетманцами*, Полтавской и Екатеринославской — *степовиками*, жителей Кіевской губерніи, называемой Украиной — *украинцами*, — а Подольской *польщиками*.

Главный городъ Малороссіи Кіевъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи. Есть преданіе, что апостолъ Андрей Первозванный, на пути изъ Херсонеса въ Римъ, проходи

по Кіевскимъ горамъ, водрузилъ на одномъ изъ холмовъ крестъ и предсказалъ ученигамъ своимъ основаніе города и будущее его величіе.

Въ княженіе св. Владиміра, исполнилось предсказаніе апостола Андрея Первозваннаго. Владиміръ принялъ христіанскую вѣру и повелѣлъ всему своему народу принять св. крещеніе. Такимъ образомъ Кіевъ сталъ колыбелью христіанства въ Россіи. Но самая блестящая эпоха процвѣтанія его настала при сынѣ Владиміра, Ярославі. Кіевъ, по словамъ лѣтописцевъ, сталъ тогда «градомъ великимъ», въ которомъ явились «церкви многи». Со смертію Ярослава начались войны между его сыновьями и потомками ихъ за право обладанія столицею Кіевского княжества, причемъ городъ не разъ былъ страшно опустошаемъ. Такъ, въ 1169 году былъ онъ разграбленъ войскомъ князя Суздальскаго, Андрея Боголюбскаго, причемъ войны не пощадили даже церквей и монастырей. Еще большее бѣдствіе постигло Кіевъ въ 1204 году. Рюрикъ Ростиславичъ, враждуя на князя Галицкаго, Романа, подчинившаго Кіевъ своей власти, соединился съ князьями Черниговскими и толпами половцевъ и захватилъ городъ. Дни величія Кіева миновали. Два раза опустошенный и ограбленный, онъ попеременно переходилъ подъ власть князей Галицкихъ, Черниговскихъ и Суздальскихъ, причемъ утратилъ свое первоначальное значеніе и снизошелъ на степень удѣльнаго городка. Въ 1240 году, монголы, подъ предводительствомъ Батюя, послѣ продолжительнаго приступа и отчаяннаго сопротивленія жителей, захватили Кіевъ и превратили его въ груды развалинъ. Древній Кіевъ погибъ навсегда. Почти 80 лѣтъ послѣ того Кіевъ безпрестанно грабили то монголы, то литовцы. Въ 1320 году онъ достался литовскому князю Гедемину, а въ 1569 году былъ присоединенъ къ Польшѣ, которая владѣла имъ почти около ста лѣтъ. Наконецъ, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Русскому государству въ 1686 году, перешелъ подъ власть русскихъ царей и отдохнулъ отъ всѣхъ вынесенныхъ имъ бѣдствій.

Кіевъ богатъ древностями, церквами и монастырями. Самая замѣчательная изъ его святынь—знаменитая Кіево-Печерская лавра.

Но кромѣ того въ Кіевѣ много другихъ монастырей. Тамъ почиваютъ въ пещерахъ мощи св. угодниковъ.

Въ Успенскомъ соборѣ лавры сохраняется въ ковчегѣ голова св. равноапостольнаго князя Владиміра; также покоятся мощи св. Михаила, перваго митрополита Кіевского и всей Россіи, и мощи преподобнаго Феодосія. Въ пещерахъ покоятся мощи преподобнаго Антонія, основателя обители, тѣло лѣтописца Нестора, бывшаго инокомъ въ Лаврѣ и многихъ другихъ святыхъ. Также погребены здѣсь многіе князья кіевскіе. Монастырь Печерскій очень богатъ, такъ какъ всѣ русскіе государи жертвовали въ него много драгоценностей.

Кіевъ—одинъ изъ красивѣйшихъ, европейскихъ городовъ. Преданіе говоритъ, что даже одинъ изъ монгольскихъ воеводъ, посланный для осмотра его, долго любовался красотой его и величіемъ.

Подъѣзжая къ Кіеву, прежде всего видимъ высокую колокольню Печерской Лавры а за нею открывается и вся Лавра. На синевѣ воздуха, во всѣхъ направленіяхъ блестятъ золотые кресты и куполы церквей и монастырей.

Кіевъ построенъ на горѣ, у подошвы которой струится широкій, свѣтлый Днѣпръ. Часть города, лежащая внизу, называется Подоломъ. Съ горы представляется великолѣпный видъ на Подоль, простирающійся почти до самыхъ береговъ Днѣпра и на обширное Заднѣпровье, съ его озерами, лугами и снѣющимъ вдали лѣсомъ. Ежедневно со всѣхъ концовъ Россіи стекаются въ Кіевъ толпы богомольцевъ для поклоненія его святынямъ.

Населеніе его состоитъ изъ 80,000 жителей.

Ш. Б Ъ Л О Р У С С Ы.

Природа Бѣлорусскаго края.

Бѣлоруссѣй съ издавна зовется пространство, лежащее по среднему теченію Днѣпра и западной Двины и раздѣляющееся въ настоящее время на три губерніи: Витебскую, Могилевскую и Минскую. Откуда произошло это названіе—толкуютъ различно: одни говорятъ что эта область была названа такъ потому, что во время подчиненія прочихъ областей русскихъ татарамъ она не платила имъ дани, а всѣ, не платящія податей, встарину назывались *бѣлыми*, *объленными*, въ отличіе отъ податныхъ людей, называвшихся *черными*; другіе же толкуютъ, что названіе Бѣлоруссѣи произошло отъ того, что русскіе люди, населяющіе этотъ край изстари, носили, какъ и теперь носятъ, одежду преимущественно бѣлаго цвѣта. Уже самая природа Бѣлоруссѣи во многомъ различается отъ прочихъ, даже смежныхъ съ нею, областей русскихъ. Наибольшая часть пространства бѣлорусскихъ губерній представляетъ низменность, изобильно покрытую преимущественно лиственными лѣсами, среди которыхъ разсѣяно множество болотъ и озеръ, окруженныхъ топкими лугами. Почва здѣсь по боль-

шей части песчаная, глинистая или иловатая, климатъ умѣренный: ни большихъ морозовъ, ни сильныхъ жаровъ и засухъ не бываетъ; но за то дождей много и погода чрезвычайно переменчива. Въ одинъ годъ снѣгъ стаетъ въ мартѣ, въ другой простоятъ и до апрѣля; послѣ морозовъ вдругъ настанетъ оттепель, пойдетъ дождь, а потомъ опять ударитъ морозъ, сдѣлается гололедица и т. д.

Но природа губерній Витебской и Могилевской, при своей лѣсности, изобиліи болотъ и озеръ, еще не представляетъ такихъ рѣзкихъ переměнъ, какими отличается природа губерніи Минской. Большую часть этой губерніи занимаетъ такъ называемое Бѣлорусское Полѣсье *) распрострающееся и въ смежныя уѣзды губерній Гродненской, Могилевской и Волынской. Это самая любопытная часть бѣлорусскаго края.

Бѣлорусское Полѣсье едва ли не самая низменная и изобильная водою часть нашего материка. Одни ученые полагаютъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ это мѣсто было дномъ исчезнувшаго съ лица земли океана, и говорятъ, въ топкихъ болотахъ Полѣсья случалось находить обломки судовъ, якоря, части морскихъ животныхъ и т. д. Другіе ученые это отрицаютъ и говорятъ, что многоводіе Полѣсья зависитъ отъ того, что сюда стекаетъ слишкомъ много воды съ окружающихъ возвышенностей, которая, при низкихъ берегахъ полѣскихъ рѣкъ, не вмѣщается въ нихъ и разливается по окрестнымъ равнинамъ. Но какъ бы то ни было, Полѣсье такъ обильно водою, что весною почти третья часть его представляетъ настоящую водную поверхность. Кромѣ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ Припети, Пины, Березины, Днѣпра и другихъ—Полѣсье все изборозжено маленькими рѣчками и рѣчками, все изрыто заливами, протоками,

*) Сѣверная окраина Полѣсья, начинаясь у Бреста, тянется до верховьевъ Березины, Студянки и Друца, мимо Кобрина, Стошпа и Слуцка; южная же мимо Влодавы, Ковеля, Клевани до Родомысла, ида далѣе по Днѣпру до впаденія Тетерева. Въ срединѣ этого пространства расположены города Пинскъ и Мозырь.

озерами и озерами, бродами, особенно болотами. Болота, то длинная какъ рѣки, то широкія какъ озера, часто стелятся на огромное пространство и исчезаютъ въ дальней синевѣ.

Среди этой обширной низменности разбѣяны, подобно морскимъ островамъ, возвышенные клочки земли, также называемые въ Полѣсьѣ *островами*. Острова эти по большей части покрыты хорошимъ лѣсомъ, густою травой и имѣютъ плодородную почву. На нихъ-то, уединенныя отъ немногочисленныхъ городковъ и другъ отъ друга, расположены небольшія и рѣдкія деревни Полѣсья.

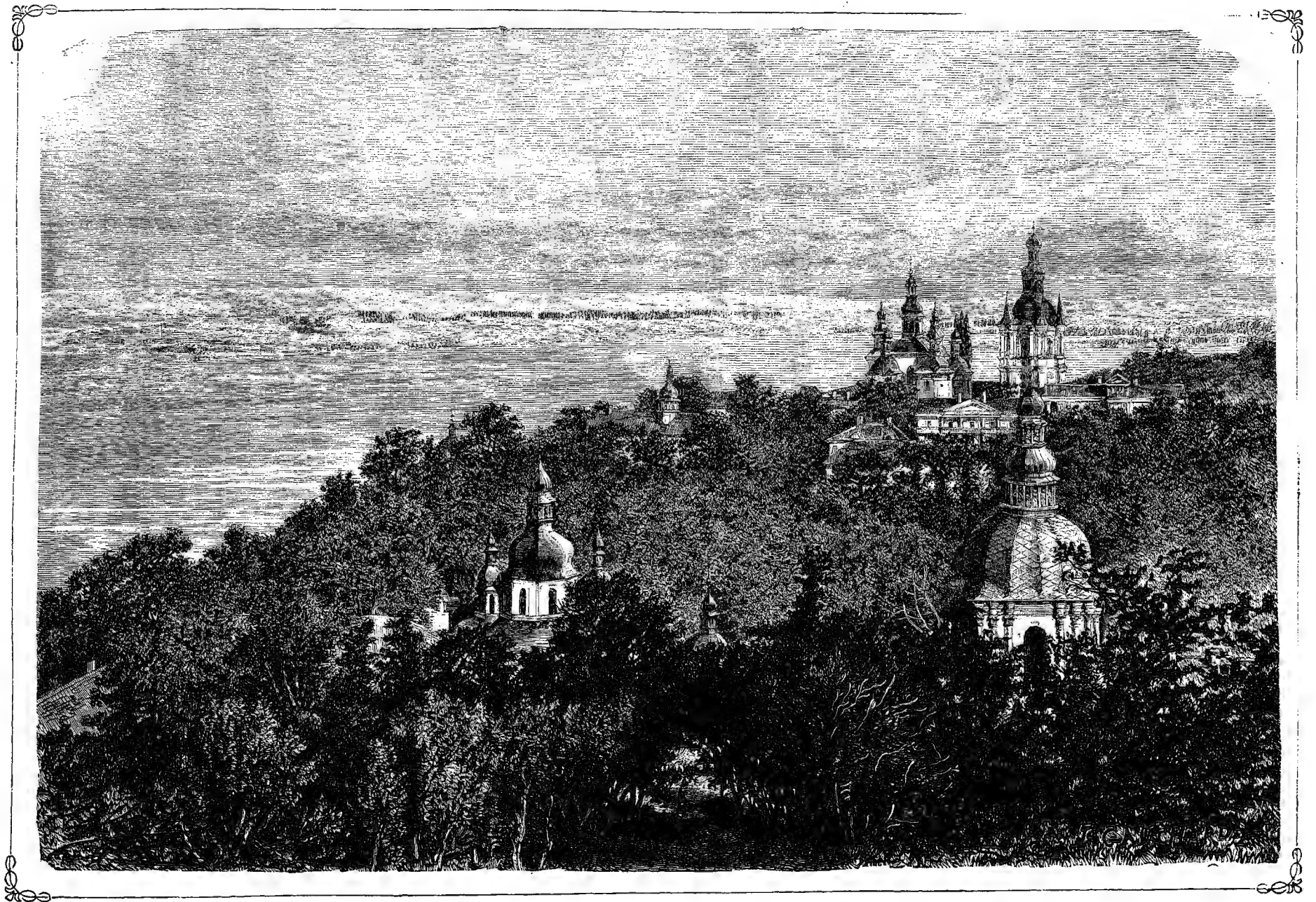
Кромѣ такихъ обитаемыхъ острововъ, въ Полѣсьѣ есть много такихъ, на которыхъ, можетъ быть, никогда не бывала человѣческая нога. Болота, окружающія эти острова, покрыты сплошною растительностью, но едва дѣлаетъ человѣкъ по ней шагъ, какъ вдругъ коверъ, образовавшійся на болотѣ изъ переплетшихся корешковъ разныхъ растений, разверзается, и ноги вязнутъ въ зыбкой почвѣ, которая волнуется около человѣка саженей на двадцать вокругъ, — и горе путнику, если онъ въ время не воротится, такъ какъ тонкая растительная ткань, покрывающая болота, скоро разъединится и бездонная пучина неминуемо поглотитъ смѣльчака.

Этотъ глухой и пустынный край оживляется только зимою, такъ какъ лѣтомъ проселочные пути сообщенія въ немъ такъ неудобны, что въ июмѣ мѣстѣ нельзя проѣхать между соседними островами и двадцати верстѣ одинаковымъ способомъ. Часто случается верстѣ пять сдѣлать на лошадахъ, столько-же на лодкѣ, а остальное пространство пройти пѣшкомъ. На лѣсныхъ дорожкахъ Полѣсья по-этому чуть-чуть замѣтны слѣды рѣдкой ѣзды бѣдныхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ прокатилось нѣсколько телѣгъ, только трава немного помята, пожелтѣла; на остальныхъ же мѣстахъ дорожки растутъ грибы да молодецкіе побѣги соседнихъ деревьевъ. Но всего неудобнѣе и неприятнѣе эти дорожки отъ попадающихся довольно часто лужъ или бродовъ, изъ коихъ иные бывають длиною съ версту и болѣе.

Чѣмъ мѣстность болотистѣе, тѣмъ чаще такіе броды затрудняютъ путника. Къ тому же несмѣтная полчища насѣкомыхъ,носящихся всегда вблизи этихъ бродовъ, окружаютъ путника: мухи, комары, слѣпни жужжать невыносимо, съ бѣшенствомъ кидаются въ глаза, въ ротъ и носъ человѣка и животныхъ и провожаютъ до слѣдующаго брода. За бродами нерѣдко тянутся сыпучіе пески: колеса телѣги утопаютъ въ нихъ по ступицы и прыгаютъ по скрытымъ въ пескѣ и торчащимъ на поверхности древеснымъ корнямъ. Ѣзда по такимъ дорожкамъ возможна не иначе, какъ на волахъ, которые здѣсь такъ-же незамѣнимы, какъ верблюды въ песчаныхъ и безводныхъ степяхъ. Не рѣдко путнику встрѣчаются по дорогѣ рѣки, черезъ которыя не существуетъ ни мостовъ, ни переправъ. Чтобы перебраться черезъ такую рѣку, употребляютъ самый простой способъ: становятся на ноги въ телѣгу, въ которой зачастую нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, подмащиваютъ повыше кладь, какая случится, и пускаютъ воловъ вплавь: привычныя животныя благополучно вывозятъ путника на берегъ.

Такіе неудобные сухопутные пути сообщенія могли бы замѣнить многочисленныя рѣки и рѣчки Полѣсья, но, къ сожалѣнію, онѣ текутъ по большей части въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ, поросшихъ осокою, камышемъ и верболозомъ, за которыми на большомъ разстояніи отъ рѣкъ тянутся лѣса. Весною и осенью вода этихъ рѣкъ выходитъ изъ береговъ и затопляетъ на нѣсколько верстѣ окрестныя болота. Наносный песокъ и илъ, съ остатками сгнившихъ растений, образуютъ толстый слой чрезвычайно рыхлой земли, высыхающей во время лѣтнихъ жаровъ и обращающейся въ торфъ. Такимъ образомъ берега полѣсскихъ рѣкъ мало доступны, а по причинѣ неудобства для поселенія, большею частію пустынины.

Обильная водами и лѣсами Вѣлоруссія богата и всѣми дарами, коими можетъ служить человѣку водная и лѣсная природа. Въ глубинѣ водъ ея многочисленныхъ озеръ, рѣкъ и рѣченъ плаваютъ во

АНТОНІЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КІЕВѢ.

множествѣ различныхъ породъ рыбы, изъ коихъ особенно распространена мелкая порода вьюновъ, которыми буквально кишатъ нѣкоторыя озера и рѣки. Поверхность-же этихъ водъ и окружающія ихъ болота покрыты несмѣтными стадами дикихъ утокъ и гусей и другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ. Не въ примѣръ другимъ мѣстностямъ, перелетныя птицы, каковы: утки, гуси и т. д., даже остаются здѣсь круглый годъ. Многія бѣлорусскія озера, особенно въ Полѣсьѣ, не замерзаютъ зимою, и птицы такъ привыкаютъ къ этой обильной всякимъ кормомъ мѣстности, что не перелетаютъ въ теплыя страны, гдѣ имъ не будетъ ни приволья, ни безопасности.

Въ рѣкахъ и рѣчкахъ Бѣлоруссін, кромѣ множества рыбъ и птицъ, водятся и болѣе дорогія животныя—выдра и бобръ, а въ чащѣ ея лѣсовъ бродятъ медвѣди, кабаны, лоси и разныя другія крупныя и мелкія звѣри. А тетеревова, рябкова и другихъ лѣсныхъ птицъ мѣстами такъ много, что хорошій охотникъ за день набиваетъ ихъ цѣлыя мѣшки. Невобразимое же обиліе разныхъ породъ грибовъ и ягодъ служить, такъ сказать, добавленіемъ къ тѣмъ благамъ, которыя приноситъ человѣку лѣсистая и многоводная природа бѣлорусскаго края.

Наружность бѣлоруссовъ, одежда, жилище и хозяйственный бытъ.

Среди такой непріютной, но богатой разными дарами, природы съ давнихъ поръ живеть, во многомъ отличающійся отъ остальныхъ русскихъ, русскій-же народъ—бѣлоруссы, потомки древнихъ славянскихъ народовъ—кривичей и дреговичей. Эти славянскія племена, подобно другимъ племенамъ, отъ которыхъ произошли великоруссы и малороссы, съ давнихъ поръ заняли эти мѣста, приняли христіанскую вѣру и въ первыя времена послѣ основанія русскаго

государства составляли часть его и управлялись вѣчами (народными сходками) и князьями. Но когда постигло Русь великое бѣдствіе—нашествіе татарское, и вся нынѣшняя средняя и южная Русь подпала власти хановъ татарскихъ, Русь западная или Бѣлая не испытала этой невзгоды. Хотя нѣкоторыя области ея и были разорены татарскими полчищами, но все таки она осталась независимою и такъ прожила еще почти цѣлое столѣтіе. Но, уцѣлѣвши отъ ига татарскаго, Бѣлая Русь все таки не могла сохранить свою самостоятельность. Въ союздѣствѣ съ нею было сильное государство Литовское, и Бѣлая Русь мало по малу подчинилась ему. Потомъ же, когда Литва соединилась съ Польшею, Бѣлая Русь сдѣлалась частью королевства Польскаго. Только въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія бѣлорусскія области были вновь присоединены къ единоплеменному и единовѣрному русскому государству, и бѣлоруссы снова сдѣлались членами великой общерусской семьи.

Долгое время разъединенные съ остальными членами русской семьи, претерпѣвшіе много бѣдствій во время подчиненія чужеземному господству, запертые среди болотъ и лѣсовъ своихъ, отъ природы склонные къ жизни особнякомъ, бѣлоруссы какъ въ домашнемъ хозяйственномъ быту, такъ и веденіи мірскаго дѣла характеромъ и обычаемъ много теперь отличаются отъ родныхъ братьевъ своихъ малороссовъ, особенно-же великороссовъ, хотя, какъ дѣти одной семьи, имѣютъ съ ними и много сходнаго. Съ одной стороны, у бѣлоруссовъ сохранилось много такого, что давно оставлено или замѣнено другимъ у великороссовъ; съ другой же, у нихъ есть и много такого, чего нѣтъ и не было у обоихъ послѣднихъ.

Даже по самой наружности своей бѣлоруссы во многомъ отличаются отъ великороссовъ и малороссовъ. Бѣлоруссы по большей части средняго роста, часто и того менѣе, приземисты, одутловаты съ лица, которое всегда кругло,—часто безъ бороды, вообще-же жидкобороды и имѣютъ обыкновенно глаза сѣрые и волосы русые

Въ 40 много 50 лѣтъ, бѣлорусъ выглядываетъ совершеннымъ старикомъ, особенно женщины, которыя старѣются весьма рано, хотя въ молодости многія изъ нихъ отличаются и свѣжестью, и красотой. Между взрослыми мужчинами, кромѣ развѣ горожанъ, рѣдко, почти невозможно, встрѣтить ту осанитость, русскую крѣпость и красоту, про которую говорятъ: «кровь съ молокомъ» и которую вовсе не рѣдкость встрѣтить среди населенія великороссійскихъ губерній, или ту, какъ бы желѣзную, крѣпость, которая отличаетъ сухаго и смуглаго малоросса.

Такую малорослость и происходящую отъ того малосильность, а равно и раннюю старость, главнымъ образомъ, должно приписать бѣдности и неопрятности обстановки, среди которой живетъ бѣлорусъ, а также дурной пищѣ, питью болотной стоячей воды и гнилостнымъ болотнымъ испареніямъ, дѣлающимъ воздухъ влажнымъ и вреднымъ. Отъ этихъ же причинъ зависитъ и сильно распространенная въ Бѣлорусіи и невѣдомая въ Великой и Малой Руси болѣзнь *колтунъ*. Эта рѣдкостная болѣзнь начинается обыкновенно томленіемъ, головными болями, потомъ волоса на головѣ больного наполняются гнойною матеріею, превращаются какъ бы въ войлокъ и остаются въ такомъ положеніи часто въ теченіи многихъ лѣтъ. Колтунъ проходитъ самъ собою, оставляя послѣ себя лишь общее истощеніе тѣла, слабость; но если его чѣмъ нибудь потревожить раньше времени, то онъ исковеркаетъ и замучитъ человѣка. Впрочемъ, сами бѣлоруссы считаютъ колтунъ не только не вреднымъ, а даже полезнымъ, потому что, по ихъ мнѣнію, онъ вытягиваетъ изъ тѣла дурные соки и предохраняетъ тѣмъ отъ другихъ болѣзней. «Колтунъ хвароба потреба, говорятъ они. Пахаруе, пахаруе, дай выздоровѣе». Но это конечно заблужденіе. На самомъ-же дѣлѣ болѣзнь эта настоящій бичъ бѣлоруссовъ, истощающій ихъ тѣлесныя и умственныя силы; отъ этой болѣзни бѣлоруссы хилѣютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Подобно наружности, и рѣчью бѣлорусъ отличается отъ велико-

руссовъ и малоруссовъ. Бѣлоруссы говорятъ старорусскимъ языкомъ, въ которомъ однако же есть много словъ польскихъ. Самый выговоръ ихъ мягче великорусскаго и малорусскаго и нѣкоторые звуки они произносятъ иначе: такъ напримѣръ, вмѣсто звука *л* они произносятъ звукъ средней между *у* и *о* (волкъ—воукъ), буквы *т* и *д* замѣняютъ звуками, похожими на *ц* и *дз* (дѣти—дзѣци). Даже въ одеждѣ, и въ той, если не покроемъ, то цвѣтомъ, отличается бѣлорусъ. Любимый цвѣтъ его бѣлый: бѣлый кожухъ, бѣлая рубаша и штаны, бѣлый полотняный поясъ, бѣлая юбка у женщинъ, бѣлый головной платокъ, бѣлыя онучи къ его всегдашней обуви—лаптямъ—все это обыкновенныя и любимыя принадлежности лѣтней и зимней, праздничной и будничной одежды бѣлоруссовъ.

Что же касается покроя одежды, то въ этомъ отношеніи бѣлоруссы сродны и съ великоруссами, и съ малороссами. Такъ, женщины наследовали сарафаны, употребляющіеся и въ остальной Россіи, или малороссійскія *плахту* и *запаску*, т. е. два куска какой нибудь матеріи, обвязываемые около талии. Матеріалъ для одежды: сукно, холстъ и другія ткани у бѣлоруссовъ всегда употребляется домашняго приготовленія и грубой выдѣлки. Только въ отношеніи головнаго убора какъ мужчины, такъ и женщины нѣсколько прихотливы. Мужчины носятъ суконныя или даже кожаныя фуражки съ козырькомъ, другіе поярковыя высокія шляпы безъ полей или съ полями, отвороченными кверху, третьи круглую суконную, войлочную или баранью шапку даже и лѣтомъ. Головные уборы женщинъ бываютъ также различны, особенно относительно цвѣта и украшенія. Они формой напоминаютъ и великорусскіе *кокошники*, и малороссійскіе *очинки*. Собственно бѣлорусскимъ женщинамъ принадлежитъ употребляющійся въ Полѣсьѣ уборъ, называемый *головой* и напоминающій формой киверъ уланъ, который обвивается сверху весьма затѣйливо *сарпанкой*, т. е. тонкимъ гладкимъ кускомъ полотна.

Но не одною наружностью, рѣчью и одеждою, какъ мы выше ска-

зали, отличается бѣлоруссъ отъ родственныхъ ему великоруссовъ и малороссовъ; разница между ними и послѣдними прошла дальше и въ бытъ, и въ характеръ, и въ нравы, и обычаи.

Взять хотя, напримѣръ, хозяйственный бытъ и обстановку бѣлоруссовъ. Есть на Руси не мало мѣстъ холодныхъ и голодныхъ, но мало пайдется обширныхъ краевъ такихъ скорбныхъ и бѣдныхъ какова Бѣлоруссія. «Кепско коло Витебска, говорятъ сами бѣлоруссы, у города Орши—горше, у Минску—по свинску». Здѣсь рѣдко, даже невозможно, встрѣтить таеую зажиточность, какой достигаютъ великорусскіе крестьяне въ среднихъ промышленныхъ губерніяхъ или земледѣльческихъ черноземныхъ.

Очень бѣдно, но еще лучше другихъ, живутъ могилевцы; населеніе же Витебской и большей части Минской поражаетъ особымъ, какъ бы повальнымъ убожествомъ своей обстановки. Тѣсныя, курныя, низкія, какъ бы вросшія въ землю, хаты, крытыя иногда соломой, иногда болотнымъ камышемъ, иногда дранью безъ гвоздей, съ окнами кой-какъ заставленными кусочками стекла или затянутыми бычачьимъ пузыремъ, имѣютъ уже снаружи такой сирый, убогій видъ, что вчужѣ становится жалко тѣхъ, которые должны жить въ этихъ лачугахъ, скорѣе похожихъ на жилище первобытныхъ людей, чѣмъ русскаго крещенаго человѣка. Не лучше и внутри хаты: грязь отъ сыраго землянаго пола, нечистота отъ неопрятности, зловоніе, скудный скарбъ, полуголые ребята, взрослые обвѣшанные колтунами — все это производитъ тяжелое впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, если онъ съ непривычки заглянетъ въ бѣлорусскую хату.

Бѣдно и хозяйственное обзаведеніе бѣлоруссовъ: света мало, такъ что иной бѣднякъ и въ плугъ запрягаетъ парю корову да лошадь; да и тотъ скотъ, что держится, такъ выродился отъ дурнаго ухода, что только одна слава что скотъ; такъ онъ малоросль, захудаль и малосилень. Упряжь на немъ всегда мочальная, съ примѣсю лыка, экипажъ для ѣзды—лѣтомъ колеса, т. е. что-то въ родѣ телѣги съ

колесами безъ шинъ и съ четырьмя лозовыми дужками, а зимой ползки.

Плугъ, деревянная борода, коса, серпъ, да цѣпъ на прибавку— вотъ и все хозяйственное обзаведеніе бѣлорусскаго крестьянина.

Не лучше и кормится бѣлоруссъ: молоко, творогъ осенью и зимой, картофель, капуста, бураки, бобы, горохъ, а лѣтомъ щавель, ботвинья и т. п. при черномъ хлѣбѣ, дурно выпеченномъ изъ непросѣянной муки, смолотой изъ плохо отвѣяннаго зерна на домашнихъ ручныхъ жерновахъ— вотъ обыкновенная пища и то въ хорошій годъ и при томъ у зажиточнаго, сравнительно, крестьянина. Только рыболовы да охотники прибавляютъ къ этому отъ трудовъ своихъ рыбы и мяса; но и это они часто должны ѣсть безъ хлѣба и соли.

А между тѣмъ условія природы бѣлорусскаго края не такъ еще дурны, чтобы уже вовсе нельзя было жить и среди ея въ довольствѣ: надо только умѣючи воспользоваться тѣмъ, чѣмъ можетъ служить она человѣку на пользу. Правда, почва бѣлорусскаго края, кромѣ большинства полѣскихъ острововъ, малоплодородна, но при хорошей обработкѣ, тучномъ удобреніи, мѣстами осушеніи отъ излишней влаги посредствомъ проведенія канавъ, она могла бы даже съ избыткомъ вознаградить трудъ земледѣльца. Садоводство могло бы быть ведено здѣсь успѣшно и послужило бы большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Скотъ дѣржать здѣсь также удобно, ибо обиліе луговъ и травъ доставитъ скоту самую обильную пищу зимой и самую привольную жизнь лѣтомъ. Обиліе же чернаго, а мѣстами и дубоваго лѣса и, слѣдовательно, желудей, благопріятствуетъ разведенію свиней. Обширныя водныя пространства, наполненныя множествомъ питательныхъ веществъ, дозволяютъ держать цѣлыя стада домашнихъ птицъ—гусей и утокъ; обиліе же лиственныхъ лѣсовъ и травъ представляетъ большія удобства къ занятію пчеловодствомъ. Тотъ же лѣсъ, наконецъ, можетъ служить матеріаломъ для разныхъ поделокъ, а изъ дачи и рыбы, при умѣньѣ изготовить ее и продать,

можно, кромѣ подспорья въ пищу, также получить немалыя денежные выгоды.

Нельзя сказать, чтобы всѣмъ этимъ и не пользовался бѣлорусъ: онъ и землю усердно пахнетъ, и хоть съ грѣхомъ пополамъ, подмѣшивая мякны, а годами и разными травами, кормится своимъ хлѣбомъ и даже ухитряется еще продать на сторону, да вдобавокъ съѣсть ленъ и коноплю. И скотъ онъ держитъ, и птицу водитъ, и дичь стрѣляетъ, и рыбу ловитъ, и пчелъ разводитъ, да только все это такъ, лишь бы на себя хватило, промысломъ не ведется, а если и случается у бѣлоруса избытокъ хозяйства, то самъ онъ отъ него мало пользуется, а все идетъ въ пользу его лиходѣя — еврея.

Не на богатыхъ земляхъ сидятъ великоруссы сѣверныхъ и среднихъ губерній, но живутъ далеко исправнѣе: не питаютъ кормилица земля, — великоруссъ хватится за ремесло, а то и ходитъ на дальнюю сторону, чтобы зашибить лишнюю копѣйку. Не то бѣлорусъ: онъ только и знаетъ промысловъ, что суда да плоты гонять по рѣкамъ, да еще землю копать; на послѣднюю работу онъ особенно гораздъ, потому, должно быть, что грязи и сырости онъ не боится, къ нимъ ему не привыкать стать. Рѣдко, мѣстами, гонитъ иной смолу и деготь, гнетъ полозья и дуги, дѣлаетъ кадки и другія деревянныя подѣлы. Но всѣ эти промыслы ведутся въ небольшихъ размѣрахъ: здѣсь нельзя встрѣтить, какъ въ великой Россіи, что одна деревня или цѣлая волость изготовляетъ ложки, другая дѣлаетъ чашки, третья тклетъ рогожи или мастеритъ мебель, куетъ гвозди и т. д. и все это въ сотняхъ тысячъ штукъ, на десятки тысячъ рублей, и цѣлыми обозами и караванами отправляетъ свои издѣлія иногда за тысячи верстъ, да вдобавокъ и матерьялы для нихъ достаетъ изъ далека. Бѣлорусъ о такихъ порядкахъ и понятіяхъ не имѣетъ: валь и безпечень сталь, притерпѣлся къ нуждѣ и о лучшей долѣ мало помышляетъ... «Такъ бацьки наши жили, да и намъ такъ жить заказали» говорить онъ,

А то и на Божью волю сошлется: „Его святая воля, скажетъ, не мы одни.“

Недостатокъ предприимчивости обнаруживается и въ томъ, что бѣлорусскіе крестьяне рѣдко отправляются на заработки по одиночкѣ. На отхожія промысла отправляются артели, составляемыя не самими крестьянами, а подрядчиками.

Не радостна жизнь бѣлоруса въ настоящее время и не такъ-бы могъ онъ жить среди своей, хотя и не совсѣмъ пріютной, но щедро надѣленной различными дарами, природы. Нельзя, впрочемъ, и винить въ этомъ самого бѣлоруса; отъ природы онъ смысленъ и не боится труда, могъ-бы онъ и промыслы разводить и жить далеко исправнѣе, не хуже другихъ, да сломили его лихія невзгоды — панская неволя, да еврейская корысть.

Всякому извѣстно, что были прежде и въ Великой и Малой Руси и помѣщики дурные, и крѣпостные крестьяне бѣдны, но всего хуже было въ Бѣлоруссіи. Мы говорили уже, что Бѣлоруссія была подчинена Польшѣ, и въ Польшѣ съиздавна велось дѣло такъ, что большая часть населенныхъ земель была раздѣлена между панамъ, т. е. дворянами, а жившіе на тѣхъ земляхъ крестьяне находились въ полной отъ нихъ зависимости. При томъ польскіе дворяне, даже не въ примѣръ другимъ, страшно обременяли ихъ различными сборами. Кромѣ оброка за землю, не было промысла, за который брался бѣдный крестьянинъ, не было такой статьи въ хозяйствѣ, которыхъ бы не обложили панъ оброкомъ въ свою пользу. Со всего имущества: съ коровъ, лошадей, свиней и т. д. бралась *десятина*, т. е. десятая, а часто и пятая часть; съ пчелъ бралась *восковая пошлина*, а съ рабочихъ воловъ — *роговая*; за право ловить рыбу платили *ставщину*, а за помолъ муки *сухомельщину*. Даже рожденіе дѣтей и заключеніе брака было обложено податью. Крестьянинъ, у котораго родился ребенокъ, платилъ особую пошлину, называемую *дудекъ*; а за пра-

БЕЛОРУССЫ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

БЕЛОРУССЫ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

во обвѣнчать сына или дочь онъ платилъ *поемщизну*. Вдобавокъ во всему, онъ долженъ былъ работать на панскихъ работахъ до кроваваго пота. Еще хуже было, когда паны отдавали свои помѣстья въ аренду евреямъ: тутъ крестьяне должны были платить не только панское, а дабавлять и жадному до денегъ арендатору-жиду.

Не многимъ улучшилось положеніе бѣлорусскихъ крестьянъ и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Русскому государству, такъ какъ власть пановъ надъ своими крѣпостными хлопами осталась по прежнему, и только въ настоящее царствованіе окончательно уничтожена. Хотя русское правительство и старалось защитить крестьянъ отъ произвола пановъ и съ этою цѣлю было издано даже особое *инвентарное* положеніе, въ которомъ опредѣлялось, сколько могъ требовать панъ отъ крестьянина и что самъ для него обязанъ былъ дѣлать, но положеніе это въ дѣлу мало примѣнялось и не облегчала тяжелую судьбу бѣлорусскаго населенія. Для бѣлорусскихъ крестьянъ, можно сказать, не существовало никакой защиты; имъ на мысль не приходило приносить кому слѣдуетъ жалобы, а о существованіи помянутаго положенія они даже и не подозрѣвали. «Воля Божья и паньска» говорили они, терпѣливо перенося всѣ гнетущія ихъ невзгоды, по прежнему изнурялись на панской работѣ, по прежнему отдавали почти всѣ плоды трудовъ своихъ пану, который вносилъ только за нихъ казенный оброкъ. Вотъ какъ описываетъ бѣлорусскій народъ это тяжелое время въ одной изъ своихъ пѣсень:

Цеперь же намъ, пане браце, Содома, Содома!
Во нема въ насъ снопа жита ни въ поли, ни дома,
Было въ мене трохи жита зелена, зелена,
Да пожали вражьи ляхи безъ мене, безъ мене!

Пославъ на насъ Богъ правдивый цяжеую работу,

Увесь тыдзень на панщизнѣ, шарварокъ въ субботу.
А въ недѣлю пораненько во всѣ звоны звонаць,
Асоулы зъ козатами на панщизну гоняць;
Старыхъ людзей молоцици, жонокъ, дзѣвокъ прясци
Малыхъ дзѣтовъ до цюцюну у папуши класци!

Это значитъ: „теперь намъ, сударь братъ мой, также худо, какъ было худо жителямъ города Содома (который провалился, какъ разсказывается въ священномъ писаніи, съвозъ землю), потому что нѣтъ у насъ снопа хлѣба ни въ полѣ, ни дома. Было у меня малость зеленого хлѣба, да пожали вражьи т. е. злые поляки безъ меня. Послалъ на насъ праведный Богъ тяжелую работу: всю недѣлю на барщинѣ, господская же работа и въ субботу; а въ воскресенье, когда къ заутрени звоняць, асоулы съ казаками на барщину гоняць: старыхъ людей молотить, женщинъ и дѣвокъ прастъ, а малыхъ ребятъ—вязать въ пучки табакъ.“

Понятно будетъ послѣ этого, что некогда тутъ было бѣлоруссу и промыслы разводить, и заботиться о порядкѣ въ своемъ хозяйствѣ когда отъ одной господской работы да жизни вѣчно впроголодь у него надрывались силы, опускались руки.

Долгія и тяжкія страданія, приучивши бѣлорусса къ терпѣнью и какой-то простодушной безпечности, вдобавокъ приучили его искать утѣшенія въ своей недолѣ въ винѣ. Бѣдняку прежде не для чего было стараться приобрѣсти побольше, такъ какъ все равно:—рано или поздно, его избытки переходили къ пану. Поэтому, если заводились у него деньги, или случался избытокъ въ хозяйствѣ, онъ предпочиталъ пропить его въ корчмѣ. Хотя теперь настали и другія времена, но бѣлоруссу трудно скоро отстать отъ вкоренившейся глубоко привычки, тѣмъ болѣе, что отъ природы онъ любитъ повеселиться, развернуться, какъ говорится, «душа на распашку». Не далъ Богъ бѣлоруссу никакой роскоши избыточной; не далъ плода безъ труда, да за то щедро надѣлилъ его душу весельемъ. Хлебнетъ онъ зелена

вина, да загудитъ *дуда*, грянетъ лихая пѣсня, и бѣлоруссъ забываетъ все:

Хадзи ты, хадзи я.
Хадзи печка, хадзи усе!

И пойдетъ у него такое веселье, словно онъ такъ и родился для однѣхъ пѣсень да плясокъ, и нужды никакой не знаетъ. Вотъ почему онъ и называется: «голый да вострый.»

Впрочемъ, не мало поддерживаютъ эту слабость бѣлорусскаго народа евреи, разсыянные по всеѣмъ угламъ Бѣлоруссiи. Евреи земли не пашутъ, ремесломъ заниматься тоже не любятъ, да за то торговать большіе охотники и мастера на это первой руки. Подобравши поля своихъ халатовъ, съ сдвинутой на затылокъ шапкой, изъ подъ которой торчатъ кончики ермолки и развѣваются длинные пейсы — пряди волосъ на вискахъ, носятъ они во всякую погоду по мѣстечкамъ и деревнямъ, отыскивая гдѣ пахнетъ „ганделемъ“ т. е. торгомъ, будь онъ самый грошевый. Но какая тутъ торговля среди такого бѣднаго народа: на табакъ, да на соли, да на «шиледкахъ», да на торговыхъ оборотахъ въ родѣ перекупки мѣрки муки или десятка яицъ, наживешь не много, а между тѣмъ и жена, и многочисленное потомство просить пить — ѣсть. Вотъ они и торгуютъ водкой, благо есть такой ходкій товаръ. Послѣ уборки хлѣба, да и въ прочее время, особенно предъ праздникомъ, цѣлые десятки возовъ, нагруженныхъ боченками и бутылками съ водкой и различными настояками, съ неизбѣннымъ евреемъ на облучкѣ, развѣзжаются изъ городовъ и мѣстечекъ. При помощи этой водки, часто съ примѣсью одуряющихъ веществъ, рассказовъ разныхъ новостей, до которыхъ падки бѣлоруссы, какъ и все жители глухихъ мѣстностей, мнимой усллиности, а подѣ часъ и подарка какой нибудь бездѣлуши: пачки табаку и т. п., ловкій еврей такъ одуряетъ довѣрчивыхъ бѣлоруссовъ, что тутъ же за полцѣны покупаетъ у нихъ разныя произведенiя

домашняго хозяйства: хлѣбъ, холстъ, нитки, кожи, яйца, воскъ, домашнюю птицу и т. п., обмѣривая, обвѣшивая и обсчитывая простодушныхъ продавцевъ, и чрезъ нѣсколько дней путешествiя возвращается домой съ возомъ, нагруженнымъ всякимъ добромъ, снова запасается водкой и опять отправляется на добычу.

Если и уцѣлѣть что отъ такого нашествiя, то пропивается въ корчмѣ. Здѣсь бѣлоруссъ снова встрѣчается съ евреемъ содержателемъ корчмы, который ничѣмъ не брезгуетъ, принимаетъ все, чтобы ни принесъ ему крестьянинъ и взаменъ угощаетъ водкой. Жидовская корчма въ Бѣлоруссiи — мѣсто общаго собранiя людей всеѣхъ возрастовъ и всеѣхъ состоянiй, мѣсто отдыха послѣ работъ, сборища для совѣта, суда и праздничныхъ развлеченiй; въ ней рѣшаются споры, заключаются условiя, мировыя сдѣлки; въ ней же, въ праздничные дни, собираются парни съ дѣвками и танцуютъ подѣ скрипку, а чаще подѣ свой народный инструментъ — *дуду*, въ родѣ волынки.

Но не однимъ виномъ донимаютъ евреи бѣдный бѣлорусскiй народъ. Они захватили въ свои руки все, что мало-мальски приноситъ выгоду; всюду, куда ни повернись, вездѣ встрѣтишь еврея. Уже не говоря о томъ, что ни купить, ни продать ничего нельзя безъ еврея, все промыслы въ ихъ рукахъ: бѣжить-ли барка по рѣкѣ еврей — хозяинъ или прикащикъ, бѣлоруссы работники; плыветъ ли плотъ — тоже самое; на рыбномъ промыслѣ, на почтовой станціи, на перевозѣ — вездѣ и вездѣ еврей хозяинъ и распорядитель, бѣлоруссы работники, обсчитываемые имъ и обманываемые. Да и не перечеть всеѣхъ способовъ, какіе можетъ изобрѣсть изворотливый еврейскiй умъ, чтобы выжать лишнюю копейку. То, пользуясь честностью бѣлорусса, навязетъ онъ ему, часто насильно, въ долгъ какую-нибудь сумму денегъ и потомъ вытянетъ отъ него въ десять разъ больше подѣ предлогомъ уплаты процентовъ, всячески стараясь оттянуть уплату самаго долга; то, пользуясь простою крестьянина, убѣдитъ его продать ему осенью корову или лошадь,

для того чтобы по веснѣ перепродать ее ему въ три дорога и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, благодаря вину и своему простодушію и, встати сказать, невѣжеству, бѣлорусъ живетъ вѣчнымъ данникомъ еврея и самъ того не замѣчая.

Но не въ одной бѣдности, безпечности и страсти къ вину оставили послѣ себя слѣды тяжкаго невзгоды, которыя переносилъ въ былыя годы бѣлорусскій народъ. Они испортили его нравъ, забили, принизили его. Привычки въ теченіе долгаго времени терпѣть гнетъ со всѣхъ сторонъ, изгибаться, колѣнопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только предъ паномъ помѣщикомъ, но и подпанкомъ — экономомъ (управляющимъ) и паномъ арендаремъ (евреемъ, арендующимъ корчму), бѣлорусъ и до сихъ поръ остается лукавымъ, двоедушнымъ, недовѣрчивымъ, скрытнымъ со всякимъ, кто сколько нибудь похожъ на пана, будетъ-ли то чиновникъ, писарь или совсѣмъ посторонній человѣкъ. Рабодѣство же его и униженіе предъ всѣми, кто выше его, подъ часъ преступаютъ всякую мѣру.

Но такова крѣпость русской души, что и эти долги невыносимыя бѣдствія и тяжелая жизнь до сихъ поръ не убили въ концѣ въ бѣлоруссахъ многихъ хорошихъ качествъ. Подобно своимъ предкамъ — кривичамъ и дреговичамъ, — бѣлоруссы весьма гостепріимны, добры, незлобивы, цѣломудренны. Они всегда готовы подѣлиться съ неимущимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба и рѣдко когда скажутъ просящему: «Богъ подастъ», какъ это дѣлается за частую въ другихъ мѣстахъ. Рѣдко они наносятъ обиду, еще рѣже помнятъ ее. Всякому, кто ласково, дружелюбно обратится къ нимъ съ просьбою объ услугѣ, если окажется возможность исполнить ее, они не откажутъ. Въ то же время они сами никогда не забываютъ оказаннаго благодаренія и стараются, по мѣрѣ силъ, отблагодарить благодѣтеля.

Разбой, святотатства, грабежи, воровство, столь распространенныя въ другихъ мѣстностяхъ, очень рѣдки между бѣлорусскимъ населеніемъ. Въ рабочее время въ бѣлорусскихъ деревняхъ не запираютъ ни

дворы, ни клѣты, хотя деревни остаются въ это время совершенно безлюдными. Въ полѣ оставляются телѣги, земледѣльческія орудія; лошади и всякій скотъ бродитъ безъ всякаго караула въ самыхъ отдаленныхъ отъ усадебъ мѣстахъ.

Вѣстѣ со всѣмъ этимъ бѣлоруссы очень набожны, твердо держатся православной вѣры и стараются строго соблюдать, предписываемыя ея уставами, обряды. Въ дни важѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, а особенно въ храмовыя праздники, рѣдкій поселянинъ бѣлорусскій явится въ свой, всегда бѣдный и убоженіемъ, и утварью, храмъ Божій безъ посильнаго приношенія. Одинъ несетъ воскъ, другою лень, третій кусокъ холста и т. д. Люди пожилые, особенно женщины, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ. Не только взрослые, да же дѣти, знаютъ употребительныя молитвы. Въ бѣдѣ-ли, въ болѣзни ли, бѣлорусъ прежде всего обращается къ священнику, конечно если онъ хорошъ и заслужилъ уваженіе; всякое хозяйственное дѣло начинается съ его благословенія.

Но такая набожность не мѣшаетъ, однако, держаться среди бѣлоруссовъ многимъ обычаямъ, вовсе несовмѣстнымъ съ ученіемъ христіанскимъ. Такъ напримѣръ, рыбодовы окуриваютъ свои сѣти, сожигая кусочки сгнившаго гроба и одежды утопленника, будучи убѣждены, что въ такія сѣти лучше пойдетъ рыба; покойнику кладутъ въ гробъ штофъ воды, трубку (ее курятъ въ Бѣлоруссіи даже женщины и дѣти) и другіе, любимые имъ при жизни предметы и т. под. Кромѣ того, дикость оружающей бѣлорусса природы, мразь и таинственность лѣсовъ, длина и ширина ея болотъ, разнообразный говоръ двуногихъ и четвероногихъ животныхъ, населяющихъ ея лѣса и воды, даетъ неразумной его мечтательности и суетвѣрью богатую пищу, пугаетъ его воображеніе призраками небывалыхъ лѣшихъ, русалокъ и т. п. Не умѣя объяснить себѣ окружающихъ его тайнъ изъ законовъ природы, бѣлорусъ слышитъ въ крикѣ совы то вой лѣшаго, то хохотъ русалки, то плачь *утиря*, сосущаго

кровь спящего человека. Пронесется-ли вихрь—это, по мнению белорусса, нечистая сила; пробьжитъ-ли волкъ—это *овкуланъ* т. е. оборотень и т. д.

Белорусский крестьянинъ суевѣренъ болѣе великорусса. Хотя послѣдній тоже вѣритъ всему, но не придаетъ своимъ вѣрованіямъ большаго значенія, между тѣмъ какъ белорусский крестьянинъ безусловно подчиняется всему.

Въ праздникъ белорусский крестьянинъ никому не даетъ огня.

Пятница пользуется у белоруссовъ большимъ уваженіемъ, и работать въ этотъ день считается за большой грѣхъ. Есть у нихъ преданіе, что одна дѣвушка, по приказанію своей госпожи, работала въ этотъ день. Тогда къ ней пришла пятница и въ наказаніе приказала спрясть сорокъ мычекъ и занять сорокъ веретенъ. Дѣвушка испугалась и, не зная что дѣлать, обратилась за совѣтомъ къ старухѣ. Старуха посоветовала ей напирать на каждое веретено по ниткѣ, и когда пятница пришла за работою, то сказала дѣвухкѣ: «догадалась». Въ этотъ день крестьяне на своихъ поляхъ не пахутъ, не боронятъ.

Белоруссы соблюдаютъ новолуніе, полнолуніе и ущербъ мѣсяца; во время ущерба они не начинаютъ посѣва.

Лихорадка и горячка суть особыя существа, разгудивающія по свѣту. Выбранную жертву они, во время сна, называютъ по имени, и бѣда, если кто, проснувшись, откликнется на этотъ зовъ:—онъ непременно заболѣетъ.

По белорусскому сказанію сотвореніе міра представляется въ видѣ драматической борьбы добраго верховнаго существа съ злымъ. Сущность этого повѣрья состоитъ въ томъ, что доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое, но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало. Доброе существо хотѣло сдѣлать одинъ только черноземъ, но злое примѣшало въ чернозему глину и песокъ. Доброе существо хотѣло сдѣлать землю ровною, но злое, гдѣ только

могло, избороздило ее оврагами и набросало горы. Понятіе о сотвореніи перваго человека и первобытномъ блаженномъ его состояніи и о грѣхопадении составляютъ смѣсь священной исторіи съ вымысломъ. Замѣчательно то, что, по мнению белоруссовъ, первый человекъ былъ созданъ съ твердою кожею, на подобіе скорлупы, которой онъ лишился вслѣдствіе ухищренія злого существа.

При устройствѣ новаго жилья, огонь приносится непременно съ стараго очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища этого сдѣлать нельзя, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ или чтонибудь другое. При свадьбахъ, когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны вѣхаться въ домъ черезъ огонь, который разводится передъ воротами.

Конечно, такія суевѣрія и предрассудки зависятъ не отъ чего иного, какъ отъ чрезвычайнаго невѣжества, въ которомъ до послѣдняго времени живутъ белоруссы. Запертые окружающими ихъ болотами и лѣсами, часто лишеныя по полугоду и болѣе возможности сообщенія даже съ окрестными мѣстами, белоруссы живутъ уединенно, мало видятъ людей, мало могутъ узнать и научиться. Многие изъ нихъ, особенно женщины, растутъ, старѣются и умираютъ, не побывавъ дальше сосѣдняго мѣстечка на ярмарку, или погоста для службы церковной. Даже въ своемъ краѣ они стараются какъ можно больше разбрестись врозь. Поселки белорусскіе малы, особенно же въ Витебской губерніи: домовъ пять, восемь, рѣдко десять и еще рѣже двадцать. Такихъ многолудныхъ селъ, что насчитываютъ сотни, даже тысячи жителей, какія встрѣчаются въ Великой Россіи, въ Белоруссіи нѣтъ.

Такая привычка брести врозь, унаслѣдованная можетъ быть белоруссами отъ ихъ предковъ—еривичей и дреговичей, а можетъ быть и укрѣпившаяся отъ недостатка большихъ мѣстъ, удобныхъ для поселеній, разрушила среди белоруссовъ мірскую, общинную связь: белорусъ не знаетъ общины-міра, землею владѣетъ не сообща, какъ вели-

корусь, а каждый своимъ участкомъ, въ чемъ онъ сходенъ съ малороссомъ; мало знакомъ онъ и съ артельнымъ дѣломъ. Семей бѣлорусь, въ отличіе отъ великорусса и также сходно съ малороссомъ, не любитъ держаться большою; чуть выросъ парень, женился, онъ старается обзавестись своею, какою ни на есть, хатой и своимъ не мудрымъ хозяйствомъ. Впрочемъ, старшихъ онъ сильно почитаетъ и родни держится крѣпко.

Также крѣпко держится бѣлорусь стародавнихъ, прадѣдовскихъ обычаевъ, давно уже забытыхъ великоруссами и оставляемыхъ мало по малу малороссами. Много, конечно, сохранилось и у великоруссовъ, но все не такъ какъ у бѣлоруссовъ. Игры — ли святочные, семицкія и т. п., обряды ли свадебные — все у бѣлорусса выполняется радивѣе, веселье идетъ задушевнѣе. То, что для великорусса уже малопонятный остатокъ старины, пустой обрядъ, то для бѣлорусса еще полно смысла, близко его сердцу, онъ крѣпко дорожитъ имъ. Большая половина Великой Россіи, напримѣръ, давно уже позабыла древнерусскій весенній праздникъ Ивана Купала (въ ночь на 23 іюня) и знаетъ о немъ только, и то по слышанію больше, что будто цвѣтеть тогда папоротникъ, и кто достанетъ цвѣтъ его, тому легко даются влады. Не то въ Бѣлоруссіи: тамъ это повсемѣстный и самый веселый праздникъ.

На обширной полянѣ, поросшей травой и папоротникомъ, расположенной гдѣ нибудь въ лѣсу на берегу ручья или озера, раскладываются пылающіе костры. Около этихъ костровъ располагается кучка мужчинъ или женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ цвѣточными и зелеными вѣнками на головахъ. Но вотъ потухла вечерняя заря, поднялась одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, вся украшенная полевыми цвѣтами, подошла къ берегу, бросила въ воду цвѣточный вѣнокъ и звонкимъ, грустнымъ голосомъ запѣла купальную пѣсню:

Ахъ, купало, щобъ ты знау,
Якъ мнѣ цяжо жица!

Ты, бачъ, добрый, тыбъ сказау
Грици маму, Грици.

Бачъ, кругомъ вода и лѣсъ,
Бачъ, купало милый!
Маю хатку вѣцерь знесъ
Мене навинуу милый и т. д.

Но вотъ вспыхнули на небѣ звѣзды, близится время полуночи — время купальскихъ игръ. У костровъ зашевелились, грянула лихая пѣсня: «Ахъ, Купалочко Купався», закружились пары и пошло веселье, а потомъ прыганье черезъ огонь въ честь того-же Купала — бога плодородія древнихъ славянъ. Смѣхъ, пѣсни и веселье не покидаютъ празднующихъ Купалѣ во всю ночь до восхода солнца.

Замѣчательнъ также праздникъ свѣта, или, по бѣлорусскому выраженію «свѣча». Хозяинъ, устраивающій этотъ праздникъ, жертвуетъ въ пользу церкви известное количество воска, изъ котораго дѣлается свѣча, сзываетъ родныхъ и знакомыхъ, которые также приносятъ съ собою воскъ и прилѣпляютъ его къ свѣчѣ хозяина. Когда свѣчей дойдетъ до пуда и болѣе, то призывается священникъ, который благословляетъ свѣчу и тогда она отправляется въ церковь. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, и чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ продолжительнѣе и хмѣльнѣе бываетъ праздникъ.

Особенно многими, всегда неуклонно соблюдаемыми, обрядами сопровождается заключеніе брака. Бракъ у бѣлоруссовъ, какъ впрочемъ и у простонародья Великороссіи, большею частію устраивается родителями жениха и невесты, а на то, по душѣ ли приходится другъ другу они — мало обращаютъ вниманія. «Якъ бацька захоцетъ», говорятъ обыкновенно женихъ и невеста. Женятся вообще рано; едва «дзѣцюкъ» (мальчикъ, юноша, парень) начнетъ подростать, какъ лѣтъ съ 12—15 уже родители начинаютъ подыскивать ему невесту. Лишь только выйдутъ годы, т. е. достигнетъ парень брачного возраста — засылаютъ сватовъ. Сватъ, пріѣхавши къ родите-

ляжъ невѣсты и видя, что сватовство идетъ на ладъ, говорить: «я присланъ кабъ бы у стоу застланъ» и застилаетъ столъ скатертью, на которую ставятъ заранѣ приготовленную водку. Начинается подчиванье, при чемъ въ особенности пристають къ невѣтѣ, которая въ знакъ согласія должна немного отпить. Въ это время поютъ и пѣсни:

Бѣхали свагы мпмо гай (дѣсь) зелены.
Мпмо гай зелены, мпмо садъ вишневы.
Садъ поломали, сокола согнали
У красной панночки прауды пытали:
Красна панночка, чи будешь наша? . . . . и т. д.

Въ заключеніе мать невѣсты обязываетъ бутылку, въ которой была водка, поясомъ: это служить знакомъ, что сватовство принято благосклонно. Но это первое сватовство имѣетъ, такъ сказать, домашній характеръ. Черезъ нѣсколько дней назначается торжественное объявленіе состоявшагося сговора;— это день *запоинъ* или *закручинъ*, на которыя уже приглашаются родные и пріятели. Въ этотъ день женихъ, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, непременно долженъ застать ее на печкѣ и если невѣста, по просьбѣ *зарады* или *маршалка* (свата), слѣзетъ съ печи—это значитъ, что она принимаетъ предложеніе жениха—и дѣло можно считать поконченнымъ.

На послѣдней недѣлѣ передъ свадьбой женихъ и невѣста ходятъ каждый по своей деревнѣ, если они изъ разныхъ мѣстъ, имѣя при себѣ нѣсколько кусковъ хлѣба. Пришедши въ хату, они кладутъ на столъ кусокъ хлѣба и просятъ хозяина на свадьбу: «прошу Бога и васъ, будьце ласковы, придзице на веселе до насъ». На это имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «Дзякуй (благодарю) табѣ голубка (или голубокъ) за добрыя слова. Прийдземъ на веселе». Вѣнчанье обыкновенно стараются устроить въ воскресенье, въ субботу же, наканунѣ, снова женихъ и невѣста ходятъ по хатамъ, вляяются въ поясъ старому и малому, прося благословенія. Имъ отвѣчаютъ: «нехай цебѣ Богъ благословиць счащемъ и долей.»

Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты собираются родные, и невѣста среди пѣсень обязана плакать. Передъ отъѣздомъ всѣ садятся и послѣ извѣстной пѣсни и благословенія родителей женихъ отправляется за невѣстою вмѣстѣ съ поѣзжанами. Когда поѣздъ жениха приближается къ деревнѣ невѣсты, дружка жениха, который долженъ быть краснобаемъ, отправляется въ избу и проситъ у невѣстина отца обогрѣться и переночевать. «Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ гости». Такъ дѣлается до трехъ разъ, при чемъ въ послѣдній разъ дружка истощаетъ все свое краснорѣчіе, рассказываетъ о своемъ путешествіи съ товаромъ по разнымъ городамъ, далекимъ странамъ, гдѣ онъ искалъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, но не нашель, убѣдительно проситъ сжалиться надъ нимъ и обѣщаетъ заплатить за ночлегъ. Наконецъ, его впускаютъ въ избу, а свашки начинаютъ пѣть подходящія пѣсни. Во все это время женихъ и его свашки стоятъ на дворѣ и поютъ пѣсни.

По окончаніи пѣсни, дружка выходитъ изъ избы, вводитъ жениха и поѣзжанъ въ избу, гдѣ невѣста сидитъ за накрытымъ столомъ подъ иконами, окруженная своими родными и гостями. Въ это время начинаютъ играть музыканты, а на столѣ между тѣмъ поставлено разное угощеніе. Дружка обращается къ сидящимъ за столомъ съ просьбою пустить жениха и гостей за столъ и подносить имъ водку. Выпившіе выходятъ, а не пившіе входятъ въ избу. Только когда будетъ поднесено всѣмъ гостямъ, женихъ и его гости допускаются къ столу. Затѣмъ обѣими сторонами дѣлаются взаимные подарки, а потомъ принимаются за пиръ. Вставъ изъ за стола, всѣ выходятъ на дворъ, гдѣ *сводятъ* жениха и невѣсту, причемъ послѣдняя старается, какъ бы нечаянно, наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ власть. Послѣ этого женихъ и невѣста берутся за руки и всѣ съ пѣснями возвращаются въ избу.

Въ день вѣнчанія братъ или кто нибудь изъ родныхъ расплетаетъ невѣстѣ косу, держа въ рукѣ ножъ и показывая намѣреніе от-

рѣзать ее. Друга жениха вступаетъ за невѣсту и сначала расплетающему грозитъ палкою, потомъ переходитъ къ просьбамъ и успѣваетъ наконецъ умиловить его деньгами. Передъ отправленіемъ къ вѣнцу каждый долженъ что нибудь подарить невѣстѣ.

Присѣвъ на нѣсколько минутъ, всѣ встаютъ, молятся; отецъ и мать благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью и затѣмъ ѣдутъ въ церковь, причемъ поѣздъ жениха слѣдуетъ впереди невѣстина.

По приѣздѣ молодыхъ отъ вѣнца, отецъ и мать молодой встрѣчаютъ ихъ хлѣбомъ, при чемъ мать одѣваетъ на выворотъ кожухъ и шапку. Женихъ даритъ свекрови денегъ, и за деньги же покупаетъ у брата невѣсты мѣсто за столомъ. При этомъ поется пѣсня:

Убралася пеща въ овчину,
Хацѣла зятя злеваца (испугать),
Не хацѣла дочки отдаца.
Ой, братъ не братъ—татаринъ
Продалъ сестроньку за талеръ,
А русу косыньку за шостакъ (3 к. с.),
Бѣло лично отдау такъ.
Зажги, матко, свѣчку,
Выйдзи къ намъ на стрѣчку.
Прими двоихъ дзѣтокъ,
Двоихъ одноѣтокъ.... и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ пиръ.

Во время крестинъ или *хрѣзбинъ* непременно варятъ кашу. Въ день крестинъ, во время обѣда, дѣти подходятъ къ дому родильницы съ пѣтухомъ—если новорожденный мальчикъ, и съ курицею—если дѣвочка, и царапаютъ подъ окномъ до тѣхъ поръ, пока получаютъ кашу и кусокъ пирога. Если новорожденный—дѣвочка, то по окончаніи обѣда кума бѣжитъ изъ избы и беретъ или за ведро, или за коромысла, или за какой либо предметъ, составляющій принадлежность женской работы. Если же мальчикъ, то изъ избы, въ свою оче-

редь, бѣжитъ кумъ и хватается за топоръ или какой нибудь другой предметъ мужской работы. Новорожденному, прежде чѣмъ дать груди, мажутъ губы—мальчику бурачнымъ сокомъ, а дѣвочки—морковнымъ.

Было бы слишкомъ долго описывать всѣ какъ свадебные, такъ и другіе обряды бѣлоруссовъ, какъ то святочные, пасхальные семицкіе и т. п., въ которыхъ, впрочемъ, бѣлоруссы сходны съ великоруссами, особенно же съ малороссами. Но нельзя не упомянуть о празднованіи памяти умершихъ. Этотъ праздникъ называется «дзяды» (предки) и совершается нѣсколько разъ въ годъ. Онъ заключается въ томъ, что въ извѣстные дни крестьяне торжественно вызываютъ тѣни своихъ отцовъ и прадедовъ, воображая, что они живутъ и присутствуютъ нераздѣльно съ ними. Особенно торжественно празднуютъ «дзяды» осенью, въ субботу на третьей недѣлю послѣ Покрова Богородицы, такъ называемые «димитровки». Всякій хозяинъ старается къ этому дню прибрать почище свой дворъ, а хозяйки хату и приготовить обильную пищу. Чистота и хорошія яства, по повѣрью бѣлоруссовъ, примааниваютъ души усопшихъ и доставляютъ пріятность и радость. Кто позажиточнѣе—старается собрать къ себѣ родныхъ и знакомыхъ. Лишь только настанетъ вечеръ, старшій глава семейства зажигаетъ восковую свѣчу, прикрѣпляетъ ее въ углу покута и начинаетъ молитву. По совершеіи ея, свѣча тушится и всѣ разсаживаются около стола съ бутаньями, среди которыхъ поставлены пиво и вино. Тотъ, кто читалъ молитву, при всеобщемъ благоговѣніи, говоритъ слѣдующія слова:

Святы дзяды заіомъ васъ,
Хадзице до насъ!
Юсць тутъ усіо, што Богъ дау,
Што я для васъ ахваровау (приготовилъ),
Чымъ только хата
Богата!
Святы дзяды! просимъ васъ,
Хадзице лянице до насъ.

Затѣмъ наливаетъ рюмку водки такъ, чтобы изъ нея пролилось нѣсколько капель на столъ (это для дѣдовъ) и выпиваетъ; всѣ старшіе и взрослые пьютъ также, проливая немного. Ъсть не начинаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ каждаго кушанья не отольютъ по ложкѣ и не отложить по кусочку въ особый сосудъ, который потомъ ставятъ на окошко или даже за окошкомъ, если есть удобное для этого мѣсто. Приготовивъ такимъ образомъ для дѣдовъ, начинаютъ ѣсть, пить, но бесѣда ведется серьезно, веселье не допускается. По окончаніи ужина встаютъ изъ за стола и прощаются съ своими незрими гостями:

Святые дяды! вы сюда приляцѣли,
Полицѣли.
Ляцйте-жь цыперъ до сябл,
Скажите, чаго ящо вамъ треба
А лѣпій (лучше) ляцйте до неба.

Подобное же празднество совершается на Өоминой недѣлѣ (послѣ Пасхи) въ такъ называемую *радауну*. Оно отличается тѣмъ только, что печальное торжество совершается на кладбищѣ и съ большею чувствительностью. Родственники собираются послѣ полудня, окружаютъ могилу почетнѣйшаго изъ умершихъ, покрываютъ ее бѣлою скатертью, уставляютъ кушаньями, пивомъ и виномъ и садятся. Наливъ немного вина на могилу, старшій изъ присутствующихъ восклицаетъ:

Святые радзицели,
Што одъ насъ паляцѣли,
Хадзице бѣ намъ,
Будзимъ ясца, што Богъ дау.....

Послѣ угощенья, болѣе близкіе родственники начинаютъ «галашеня», въ которыхъ оплакиваютъ умершихъ, другіе катаютъ яйца, бесѣдуютъ, снова угощаются и такъ часто до поздней ночи. Уходя,

оставляютъ на могилахъ кушанья и напитки въ увѣренности, что умершіе будутъ ѣсть ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти и многіе подобныя имъ обычаи бѣлоруссовъ есть не что иное, какъ остатки древняго, еще дохристіанскаго быта.

Самые же похороны совершаются тѣмъ же порядкомъ, какъ и у великоруссовъ. При этомъ замѣчаютъ трупъ покойника. Если оныя мягокъ и всѣ суставы его свободно двигаются, то изъ семейства умершаго надо ожидать въ скоромъ времени другаго покойника. Того же самого слѣдуетъ ожидать, если человекъ умираетъ съ открытыми глазами. Родные покойника, въ теченіе девяти дней по его смерти, кладутъ на окошкѣхъ хлѣбъ, соль и воду, полагая, что душа въ это время еще находится на землѣ и каждую ночь прилетаетъ ѣсть и пить.

Въ дни кончины родителей и родственниковъ совершаются поминки, при чемъ кромѣ кутьи, лепешокъ и блиновъ, пекутъ, варятъ и жарятъ все, что любилъ покойникъ. Когда кушанья готовы, то прежде всего кладутъ на столъ, покрытый чистою скатертью, хлѣбъ и на него лепешку, которую, по убѣжденію крестьянъ, покойникъ будетъ ѣсть. Затѣмъ ставятъ остальные кушанья, зажигаютъ предъ иконами восковыя свѣчи и лампаду, курятъ ладаномъ, а старшій въ семействѣ читаетъ молитву и совершаетъ поминовеніе. Послѣ этого садятся за обѣдъ. Достаточные крестьяне для поминовенія приглашаютъ нищихъ, которые, стоя на улицѣ, поютъ слѣдующее:

Кто свой родъ поминаецъ,
Тотъ счастливъ у Бога бываецъ.
Отецвія молитвы со дна моря вынимаюцъ,
Отъ пекельныхъ *) муъ избавляюцъ.
Подарите насъ царскимъ имачкомъ,
Или своимъ руководѣльнымъ полопенцекомъ

*) Адекихъ.

ПОЛЯКИ.

МАЛОРОССЫ.

По окончаніи этой пѣсни, къ нищимъ выходитъ хозяинъ дома, называетъ имена умершихъ, которымъ нищія, угощенные по возможности, поютъ вѣчную память.

Такимъ образомъ хозяйственный бытъ, характеръ, вѣрованія, обычаи бѣлоруссовъ почти тѣ же самыя, каковы были бытъ, характеръ, вѣрованія и обычаи древнихъ славянъ въ первое время основанія русскаго государства. Вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ бѣлоруссы образовали отдѣльный народъ, а между тѣмъ и въ веденіи домашняго хозяйства, и въ устройствѣ жилищъ и въ одеждѣ, и въ языкѣ все у нихъ обстоитъ такъ, какъ обстоило во времена стародавнія. Великоруссы построили города, развили промыслы, завели фабрики и заводы, или разбрелись по далекимъ краямъ, отыскивая лучшей доли, а бѣлоруссы сидятъ на насиженныхъ мѣстахъ, пахутъ скудную землю, какъ пахали ее ихъ предки за десять вѣковъ назадъ, или ловятъ птицъ, звѣря и рыбу, изрѣдка отлучаясь изъ дому на сплавъ, да на земляныя работы и мало помышляютъ, что много на свѣтѣ людей, что живутъ лучше ихъ и что не худо бы и имъ получше устроиться дома.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что за послѣдніе годы въ жизнь бѣлоруссовъ, хотя и слишкомъ еще мало, начинаютъ проникать новыя порядки. Освобожденіе отъ власти панской, надѣленіе крестьянъ землею послужили основой улучшенія хозяйственнаго быта бѣлорус-

совъ. Теперь у крестьянина есть время и за своимъ хозяйствомъ блюсти, и промыслы разводить. Дѣйствительно, начинаютъ изрѣдка появляться по мѣстамъ хотя и гурныя, но все таки новыя избы, лишняя корова и лошадь въ хозяйствѣ, даже въ торжественныхъ случаяхъ сапоги на ногахъ, вмѣсто измызганныхъ лаптей. Четыре желѣзнодорожныя линіи пересѣкли глухой бѣлорусскій край. Начинаютъ въ Бѣлоруссію заглядывать великоруссы и другіе заѣзжіе люди, и сами бѣлоруссы мало по малу почаще привыкаютъ выглядывать изъ своихъ болотъ и лѣсовъ. Заводятся по селамъ шполы скоро можетъ быть введется тамъ и земство и предпринимаются правительствомъ мѣры къ осушенію бѣлорусскихъ болотъ. Можно надѣяться, что мало по малу хозяйственный бытъ бѣлоруссовъ улучшится: теперь они еще мало заботятся объ его улучшеніи потому, что и то, что теперь у нихъ есть, уже кажется имъ богатствомъ сравнительно съ прежнимъ. Съ развитіемъ образованія, приглядѣвшись къ жизни и промысламъ въ другихъ мѣстахъ, съумѣютъ современемъ бѣлоруссы лучше пользоваться дарами своей природы, возьмутъ въ свои руки хозяйское дѣло своего края и выйдутъ изъ кабалы своихъ притѣснителей—евреевъ. Просвѣтятся тогда и тѣ темныя стороны, которыя замѣтны въ ихъ характерѣ и бытѣ, каковы: раболѣпство, безпечность, страсть къ вину, суевѣрія и т. п., и сдѣлаются бѣлоруссы во всемъ равными членами общерусской великой семьи.

IV. ПОЛЯКИ.

Характеръ, одежда, жилища.

Поляки существенно отличаются наружностью отъ великоруссовъ. Они не такъ высоки ростомъ, голова у нихъ меньше, руки и ноги изящнѣе и лицо круглѣе. У поляковъ низшихъ классовъ, обыкновенно, глаза голубые или сѣрые, не особенно выразительные, и русые волосы. У женщинъ, живущихъ въ южныхъ мѣстностяхъ Польши, глаза большіе голубые, привздернутый носъ, полное лицо и маленькіе ноги.

Браковяки — отрасль польскаго народа, населяющая южные предѣлы Радомской губерніи — самое красивое изъ польскихъ племенъ. У нихъ темные волосы и свѣжія, бѣлыя лица.

Польское дворянство рѣзко отличается отъ массы народа. У дворянъ, большею частью, выразительная фізіономія, волосы и глаза темные и часто орлиный носъ. У женщинъ высшихъ классовъ красивыя и интересныя лица. Онѣ высоки ростомъ, стройны, волосы у нихъ очень темные, цвѣтъ лица нѣжный; вся ихъ наружность и осанка дышетъ благородною гордостью.

Характеристическія черты поляковъ: горячая, страстная любовь къ отечеству, къ родимому пепелищу, къ своему народу и фанати-

ческая преданность католической церкви. Они одарены живымъ, блестящимъ умомъ и способностями къ наукамъ и искусствамъ. Духъ воинственности свойственъ всѣмъ полякамъ. Они всегда и вездѣ отличаются, какъ превосходные солдаты, особенно въ кавалеріи.

Полякъ съ дѣтства охотится по полямъ верхомъ на лошади, безъ сѣдла и такимъ же образомъ сопровождаетъ стада на пастбища. Даже на торгъ на рынкѣ, бывающій разъ въ недѣлю, мужчины охотнѣе ѣдутъ верхомъ, чѣмъ въ телѣжкахъ.

Поляки вообще народъ веселый, общежительный и гостеприимный; чувство приличія развито даже въ самомъ бѣдномъ крестьянинѣ. Польскіе крестьяне любятъ трудъ и сознательно относятся къ выполненію своихъ обязанностей, но они не чувствуютъ потребности къ чистотѣ и порядку и любятъ выпить.

Темпераментъ поляковъ отличается страстностью, подвижностью и живостью.

Полякъ такого гибкаго характера, что никогда не унываетъ. Тщеславіе играетъ важную роль въ его жизни. За мимолетныя удовольствія, доставляемыя удовлетвореніемъ этого чувства, онъ нерѣдко жертвуетъ своимъ состояніемъ. Упрекаютъ также поляковъ въ легкомысліи, въ недостаткѣ практичности въ житейскихъ дѣлахъ и въ склонности къ неправильной жизни.

Поляки образованныхъ классовъ и аристократы отличаются ловкостью приемовъ и изящнымъ, любезнымъ обращеніемъ, отчего общество ихъ очень пріятно.

Мелкіе, обѣднѣвшіе дворяне (шляхта) рѣдко выдѣляются изъ общей массы народа. Шляхтичъ часто также необразованъ, какъ и крестьянинъ, также бѣденъ и грубъ, но гордъ и мужественъ. Глубокое, національное чувство, одушевляющее его еще сильнѣе чѣмъ офранцузившуюся аристократію, дѣлаетъ его представителемъ настоящаго польскаго типа. Это замѣтно даже въ его наружности и осанкѣ, выражающей какое-то достоинство, что-то воинственное

и аристократическое, даже тогда, когда онъ идетъ босой за плугомъ обрабатывая свою землю или участокъ, который арендуетъ съ названьемъ фермера.

Братство съ высшимъ дворянствомъ, — по оружію и по воинственнымъ предпріятіямъ — позже, право подавать голосъ въ пользу избрація короля, вѣроятно, также отчасти происхождение (сарматское), по одинаковое съ происхожденіемъ простаго селянина, запечатлѣли паружность, осанку и чувства шляхтича тѣми особыми чертами, которыми онъ разнится отъ массы простолюдиновъ. Кавалерійскіе полки, которые, во время войнъ Наполеона, оказали ему такія важныя услуги и приобрѣли такое почетное право на его благодарность, состояли большею частью изъ мелкой шляхты, всегда отличавшейся въ первыхъ рядахъ. Благодаря чрезмѣрно развитому самолюбію, шляхтичи не могутъ еще забыть вполне прежнихъ правъ своихъ и прежняго положенія.

Шляхтянки любятъ выказываться и заражены претензіями; онѣ требуютъ уваженія и почета, что какъ-то не вяжется съ ихъ матерьяльнымъ положеніемъ и необразованностью.

Страсть къ музыкѣ и въ особенности къ танцамъ свойственна всѣмъ полякамъ. Въ каждой деревнѣ или мѣстечкѣ, трудовой народъ собирается подъ вечеръ въ шинкѣ или въ корчмѣ, и здѣсь, подъ звуки скрипки, пляшутъ національные танцы. Полякъ пляшетъ ото всей души съ такимъ увлеченіемъ, которое ясно доказываетъ, что пляска для него истинное наслажденіе, заставляющее его забывать всѣ невзгоды.

Въ каждомъ панскомъ и даже шляхетскомъ домѣ непремѣнно есть гитара. Дѣвцы разыгрываютъ на ней сантиментальные, а молодые шляхтичи страстные романсы, съ тою восторженностью и аффектаціею выраженія, которыя часто встрѣчаются въ полякахъ. Паненки весело танцуютъ подъ аккомпаниментъ скрипки или фортепьяно, которое называютъ *пантелеонъ*, кадрили, вальсы и мазурку. Шляхтянское

общество представляетъ особый кругъ, въ которомъ бѣдность рѣзко противорѣчитъ съ барскими замашками. Въ кругу этомъ сохранились слѣды высшихъ интересовъ и отпечатокъ нѣкогда блестящаго образа жизни.

Коренное польское населеніе, *мазуры*, или *мазовиане*, славятся веселымъ характеромъ; они любятъ погулять и покутить, и отличаются чертами, свойственными всѣмъ полякамъ: откровенностью и храбростью и беззаботностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно настойчивы и мстительны. Вообще, въ характерѣ ихъ есть какое-то удалство, проглядывающее даже въ ихъ національномъ танцѣ — мазурѣ. Въ польскихъ поговоркахъ мѣтко выражается характеръ мазуровъ: *«Конь турецкъ (турецкій), хлонъ мазурекъ, шагъ на майнерка, сабля ветерка»*, говорятъ поляки, подразумевая подъ этимъ лучшіе изъ названныхъ предметовъ. *Мазуръ* выставляется здѣсь какъ лихой малый и отличный наѣздникъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко говорятъ *«упрямый мазуръ, слопной мазуръ»*, намекая въ этомъ случаѣ на упрямство и настойчивость мазуровъ. Мазуры очень набожны, но между ними сильно развиты суевѣрія и предрасудки, оставшіяся отъ языческихъ временъ и поддерживаемые полнымъ невѣжествомъ и необразованностью. Они не особенно трудолюбивы, но и потребности ихъ очень ограниченны. Страсть къ пиву и водкѣ распространены между ними.

Кракусы, или краковяки, народъ веселый, здоровый и трезвый. Въ страшную непогоду, слякоть, вѣтеръ и морозъ, краковякъ, легко одѣтый, идетъ такъ спокойно, что невольно удивляешься на него. Распѣвая, пашетъ онъ землю и, распѣвая, сражается за нее. Пѣсни ихъ отличаются характерическимъ напѣвомъ, похожимъ на мотивъ краковяка.

Нерѣдко танцоры импровизируютъ во время танца веселые куплеты, — цѣль которыхъ разсмѣшить общество.

Въ несчастіи, краковякъ никогда не теряетъ присутствія духа

и сужьеть вывернуться из бѣды. Вообще, это народъ смысленный, способный и трудолюбивый. Конечно, этому много способствуетъ то, что населенная ими мѣстность Польши отличается плодородіемъ, хорошимъ климатомъ и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Краковяки охотно поддаются просвѣщенію, и между ними меньше предрассудковъ и суевѣрій, чѣмъ между остальными поляками. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они метительны. Они любятъ, какъ и всѣ поляки, чтобы съ ними обращались ласково и вѣжливо; на грубость же всегда готовы отвѣчать грубостью.

Говорятъ они громко и медленно.

Ближайшіе родичи краковяковъ, *сандомѣржцы* (сандоміръцы), отличаются отъ краковяковъ многими рѣзкими чертами. Они рослѣе и сильнѣе краковяковъ. Характеръ ихъ серьезный, даже отчасти мрачный. Слово свое держатъ твердо, отчего произошла польская поговорка: «Надѣйся на него, какъ на сандомѣржца». Вообще же, сандомѣржцы, по быту своему, напоминаютъ малороссовъ.

Куртики, или, какъ ихъ многие называютъ, просто поляки, въ прежнія времена славились необыкновеннымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ и воинственности, что обусловилось бытомъ этого народа, жившаго въ обширныхъ и непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ. Въ настоящее время они значительно утратили свою воинственность, но и до сихъ поръ дремучій лѣсъ, хорошее ружье и охотничья сумка составляютъ драгоценнѣйшіе предметы для каждаго куртика. Бытъ ихъ бѣденъ, въ чемъ много виновата страсть ихъ къ водкѣ. Названіе ихъ происходитъ отъ слова *курне* — лапти. Они вообще похожи на литовцевъ, такъ какъ представляютъ смѣсь мазуровъ съ остатками ятвяговъ, родственныхъ литовскому племени.

Подляки — племя, происходящее, какъ полагаютъ, отъ смѣси бѣлоруссовъ съ поляками — смуглы, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, медленны, неповоротливы, съ угрюмымъ выраженіемъ лица. Мужику и пѣсни ихъ отличаются заунывнымъ характеромъ.

Высшее дворянство одѣвается въ Польшѣ совершенно по европейски. Оно сохранило отъ стариннаго національнаго костюма только короткіе казакины, вышитые шнурками, которые еще видны иногда. Шляхтичи носятъ или такіе казакины, или длинный сюртукъ, расшитый по краямъ шнурками, — шапку изъ сѣрыхъ барашковъ, цилиндрической формы съ украшеніями сзади изъ узкой тесьмы, или также сѣрую баранью шапку пониже, дно которой состоитъ изъ четырехугольнаго куска матеріи, и широкіе панталоны, зашпунные въ сапоги. На сюртукѣ находятся сзади два кармана, расшитые шнурками или опушенные мѣхомъ; цвѣтной галстукъ, отложные бѣлые воротнички отъ рубашки дополняютъ костюмъ. Все шляхетство брѣветъ бороду и бакенбарды, и отпускаетъ усы.

Польскія дамы очень любятъ въ своемъ нарядѣ что нибудь оригинальное, бросающееся въ глаза. Иногда, въ деревняхъ онѣ любятъ одѣваться по мужски. Шляхтянки одѣваются просто, но по модѣ; если онѣ не принадлежатъ къ числу домашней прислуги, что часто случается въ большихъ селеніяхъ, то ихъ тотчасъ же можно отличить по одеждѣ отъ крестьянокъ.

Крестьяне одѣваются различно, смотря по мѣстностямъ, но вообще костюмъ ихъ похожъ на шляхетскій. Разница только въ томъ, что ткани, употребляемыя крестьянами, грубѣе, мѣшкочатѣе. Всѣ поляки носятъ бѣлую, холщевую рубашку, съ прорѣшкою на груди и отложнымъ воротничкомъ, связаннымъ спереди узкою, цвѣтною ленточкою. Сапоги они носятъ такіе же, какъ и дворяне, но лѣтомъ обыкновенно ходятъ босые. Панталоны у нихъ широкіе, зашпунные въ сапоги. Верхняя одежда различнаго покроя и цвѣта, смотря по мѣстностямъ. Крестьяне, какъ и шляхтичи, брѣвютъ бороду, но отпускаютъ усы.

Костюмъ крестьянокъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубашки съ длинными рукавами, застегнутыми у кисти, и широкой юбки съ мало-численными складками, чаще всего полосатой; сверхъ юбки повязь-

ваютъ передникъ; кромѣ того носятъ онѣ курточку, зашнурованную напередѣ, и родъ короткаго кафтана. Ноги обуваютъ въ чулки и башмаки. Замужнія женщины носятъ чепецъ, вокругъ котораго повязываютъ платокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ голову повязываютъ платкомъ, одинъ конецъ котораго спускается на затылокъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя ниспадають по плечамъ; концы косъ украшены лентами. Зимю, мужчины и женщины носятъ овчинные полдубки.

Мазуры, или *мазовшане* (Плоцкой губерніи), носятъ кафтанъ, называемый сукманю, черный, сѣрый или бѣлый, обшитый по швамъ разноцвѣтною тесьмою. Они подпоясываются ремнемъ или краснымъ шерстянымъ поясомъ; лѣтомъ носятъ обыкновенно низкую шляпу съ широкою полями, часто украшенную павлиньимъ перомъ. Въ праздники ходятъ въ сапогахъ, а въ будни на босую ногу.

Вблизи Калиша очень употребительны короткіе кафтаны безъ рукавовъ, перехваченные краснымъ поясомъ. Сверхъ нихъ надѣваютъ длинный, широкій плащъ.

Праздничный костюмъ краковяковъ чрезвычайно своеобразенъ. Они носятъ темную или красную шапку, четырехугольной формы, называемую конфедераткою; зимою шапка эта опушена барашкомъ, лѣтомъ же — убирается лентами и перьями. Сверхъ бѣлой рубашки, связанной у ворота ленточками, надѣваютъ сукману, преимущественно синюю, коричневаго или бѣлаго цвѣта, со стоячимъ воротникомъ и откиднымъ *краганомъ*, въ видѣ пелеринки, ниспадающей до половины спины. Сукмана и краганъ обшиваются по краямъ шнурками — красными, желтыми и другихъ цвѣтовъ. Подпоясываются краковяки ремнями, украшенными мѣдными гвоздиками и колечками разнообразной формы; часто ими украшается и самая сукмана. Сапоги подбиваютъ желѣзными подковками, съ помощью которыхъ очень ловко взбираются на горы.

Женщины носятъ спенсеры, сшитые очень граціозно съ выемка-

ми на бокахъ, такъ что они превосходно обрисовываютъ станъ. Изъ подъ спенсера видна рубашка, завязанная лентами; воротничекъ, наплечники и рукава рубашки вышиваютъ красною бумагою; юбки довольно коротки, немного ниже колѣнъ. Женщины повязываютъ голову платками или же одѣваютъ чепчики и сѣтки. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ косы, украшенные лентами, а въ праздникъ надѣваютъ повязки въ родѣ малороссійскихъ. Обувь состоитъ изъ полусапожекъ, съ высокими каблучками, обитыми жестью.

Сандомѣржцы носятъ сукманы безъ перелинокъ и безъ бляхъ и высокія бараньи шапки. У женщинъ рубашки другаго покроя.

Курники носятъ бѣлыя рубашки, бѣлые жилеты и полотняные или суконные панталоны въ обтяжку, небольшія круглыя шляпы, коричневые кафтаны и лапти.

Подляхи носятъ низенькія шапки съ околышемъ изъ барашка, темнокоричневую сукману, подпоясанную шерстянымъ поясомъ, и холщевые панталоны, заправленные въ высокіе сапоги, съ огромными каблучками, подбитыми подковками. Въ будни носятъ лапти изъ липовой коры, а иногда изъ кожи, поверхъ онучь, перевязанныхъ бичевками.

Женщины также носятъ лапти, сукману и короткую шерстяную юбку. На голову надѣваютъ особаго рода чепецъ, обитый *платомъ*, т. е. кускомъ бѣлаго полотна, концы котораго спускаются на плечи, ниже пояса.

Польскіе простолюдины, живущіе въ губерніяхъ Могилѣвской, Витебской и Минской, частью въ Гродненской и Виленской, носятъ рубаху съ прорѣшкой на груди, застегнутую у ворота на пуговицу, и литовское полукафтанье, называемое *литезкою*, съ прямымъ воротникомъ и цвѣтными отворотами. Такъ какъ поляки, живущіе въ этихъ губерніяхъ, держатъ только бѣлыхъ барановъ и овецъ, то грубое сукно для этихъ *литезокъ* твется всегда изъ бѣлой или свѣтло-сѣрой шерсти. Покрой *литезки*, какъ и бараньей шубы, очень

некрасивъ. Поверхъ какъ той, такъ и другой, надѣваютъ широкій, кожаный поясъ, застегивающійся пряжкой изъ луженаго желѣза.

Женщины носятъ чепчикъ, сверхъ котораго также повязываютъ платокъ съ концами, вышитыми красною бумагою. Верхняя одежда, родъ кофты, обыкновенно яркаго цвѣта. Въ праздничные дни, сверхъ нея, надѣваютъ еще корсажъ безъ рукавовъ, а сверхъ корсажа еще родъ холстиннаго платка, концы котораго также вышиты красною бумагою. Молодые дѣвушки не носятъ чепца; онѣ заплетаютъ волосы въ косы, ниспадающія по плечамъ.

Въ Польшѣ и въ западныхъ русскихъ губерніяхъ относительно больше городовъ, чѣмъ собственно въ Россіи, но города эти не обширны и немногочисленны. Они не представляютъ уже, какъ прежде, пунктовъ централизаціи и имѣютъ значеніе только въ торговомъ отношеніи. Собственно городовъ въ Польшѣ 115; если же прибавить къ нимъ значительныя мѣстечки, пользующіяся такими же правами какъ и города, то число это увеличится до 453, изъ которыхъ 228 принадлежатъ отдѣльнымъ владѣльцамъ. Польскіе города и большая часть мѣстечекъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ поляковъ и на-половину изъ евреевъ, нисколько не похожи на русскіе. Дома въ нихъ, большею частью, примыкаютъ одинъ къ другому. Они каменные или изъ бревенъ и кирпича, крыши черепичныя. Внутри они, вообще, тѣсны. Въ каждомъ городѣ есть церковь, больше въ готическомъ стилѣ, монастырь (klasztor) и четырехсторонняя площадь, на которой помѣщается ратуша. Четвертая часть населенія живетъ въ городахъ; пропорція эта совершенно противоположна пропорціи распределенія жителей въ Европейской Россіи и доказываетъ совершенно иную степень цивилизаціи и иное социальное положеніе. Изъ 22,613 польскихъ деревень 17,837 принадлежатъ частнымъ лицамъ; онѣ вообще меньше русскихъ деревень; нѣкоторыя даже очень невелики. Обыкновенно, онѣ примыкаютъ къ господскому двору или образуютъ группы домовъ (фольварки), стоящія отдѣльно отъ главна-

го помѣстья; фольваркомъ завѣдуетъ управляющій, собирающій отдѣльно доходы съ него. Деревенскіе дома большею частью малы и плохой постройки, но очень хорошо крыты гонтомъ, чаще же соломой. Стѣны ихъ изъ тонкихъ бревенъ или просто глиняныя. Полы также изъ битой глины часто даже въ шляхтянскихъ домахъ. Окна очень малы, и внутренность жилища не радуетъ взгляда видомъ комфорта и чистоты.

Впрочемъ, краковяки живутъ въ хорошихъ, чистыхъ домахъ большею частью деревянныхъ, также въ плетневыхъ мазанкахъ, выбѣленныхъ снаружи и внутри и крытыхъ соломой. При домикахъ есть палисадники съ цвѣтниками и фруктовые сады, напоминающіе бытъ украинскихъ крестьянъ. Вообще впечатокъ болѣе обезпеченной жизни проглядываетъ какъ въ обстановкѣ, такъ и во всемъ существѣ краковяка.

Праздники, суевѣрія, предрасудки и обычаи.

24-го декабря, въ канунъ Рождества, поляки ѣдятъ только разъ въ день, и то вечеромъ, когда взойдетъ звѣзда. Хозяйки дѣлаютъ большія приготовленія къ этому вечернему, постному пиру; на немъ обязаны быть всѣ домашніе, родные и друзья, которые не справляютъ праздника у себя. Гдѣ семейство многочисленно и взрослые дѣти живутъ отдѣльно,—тамъ все семейство собирается къ главѣ. Тогда зажигаютъ огонь; хозяйка, взявъ *оплатекъ* (хлѣбъ, употребляющійся при причастіи), преломляетъ его съ каждымъ поочередно, наблюдая, чтобы не обойти никого изъ присутствующихъ; она выражаетъ этимъ, что готова весь годъ дѣлиться хлѣбомъ съ людьми, близкими ея сердцу. Примѣру ея слѣдуетъ все собраніе: каждый изъ гостей и домашнихъ беретъ у другаго и самъ даетъ ему часть *оплатки*, чѣмъ даютъ взаимное увѣреніе, что весь годъ готовы по-

могать другъ другу. *Оплатковъ* хозяйка не покупаетъ, но получаетъ ихъ въ подарокъ отъ церковнаго сторожа или отъ монаховъ, вѣдающихъ за сборомъ пожертвованій. Послѣ преломленія хлѣба, всѣ желаютъ другъ другу долгой и счастливой жизни. Столъ устилаютъ сѣномъ въ воспоминаніе того, что Иисусъ Христосъ родился въ ясляхъ съ сѣномъ, а въ каждомъ углу избы стоятъ снопы жита. За столъ садится непременно четное число. Ужинъ состоитъ, разумѣется у богатыхъ, изъ девяти блюдъ (преимущественно рыбныхъ). Во время ужина, молодежь вытаскиваетъ изъ сноповъ колосья и по ихъ длинѣ и запаху гадаетъ о будущемъ; бросаютъ также горохъ въ стѣну, приговаривая: «волкъ, волкъ, иди въ горохъ, а не придешь, то не ходи до этого дня въ будущемъ году!» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ ужина, къ одной изъ потолочныхъ балокъ прикрѣпляютъ верхушку сосны или ели, которую убираютъ яблоками, орѣхами и пряниками, это называется *садъ*. Садъ этотъ виситъ до вечера втораго дня праздника, когда его предають на разграбленіе какъ своимъ дѣтямъ, такъ и чужимъ, приходящимъ колядовать. Сѣно, которымъ былъ покрытъ столъ и которое лежитъ на немъ до новаго года, даютъ скотинѣ, и изъ сноповъ жита, стоящихъ по угламъ избы, дѣлаютъ маленькія копны, которыя ставятъ на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, чтобы онъ хорошо родился. Въ солому, которая была постлана подъ столомъ, заворачиваютъ плодовыя деревья, чтобы они были плодovitѣе и не мерзли. При этомъ, хозяинъ, подходя къ деревьямъ, дающимъ плохіе плоды, замахивается на нихъ топоромъ, какъ будто хочетъ рубить ихъ; а жена и прочіе члены семейства упрашиваютъ лошадей ихъ, ругаясь за ихъ плодородіе въ будущемъ году; этимъ обрядомъ думаютъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать деревья плодородными. Наканунѣ Рождества происходятъ также гаданья. Дѣвушки передъужиномъ, а иногда и послѣ него, выходятъ во дворъ и слушаютъ — съ которой стороны раздастся собачій лай: съ той стороны долженъ прибыть ихъ суженный. Смотрятъ также на небо, и если оно звѣздно,

значить — куры будутъ хорошо нестись; если же покрыто тучами, то коровы будутъ давать много молока. Есть повѣрье, что какъ посчастливится въ канунъ Рождества, такъ будетъ счастливиться и цѣлый годъ; поэтому въ этотъ день пробуютъ счастья, стараясь, напр., что нибудь ловко украсть. Гаданья продолжаются и на святкахъ. Дѣлаютъ изо льна двѣ фигуры и разомъ зажигаютъ ихъ: если оба пламени сходятся — это означаетъ свадьбу; льютъ воскъ, олово, бросаютъ кольца въ воду, слушаютъ подъ окнами и т. п.

Въ первый день Рождества начинаются колядки — по польски, *коленды*, а также хожденіе съ *яселками*, т. е. небольшими кукольными шатрами, на которыхъ разыгрывается исторія Рождества Христова, а также разныя комическія сцены, напр., какъ дьяволъ уноситъ царя Ирода въ адъ и т. п. Колядки состоятъ въ различныхъ пѣсняхъ полурелигіознаго содержанія, которыя поютъ подъ окнами какъ дѣти, такъ и взрослые парни, получая за это что нибудь изъ сѣтнаго. На второй день празднуется память первомученика Стефана; этотъ день называется по польски *свенты Щепанъ*. Въ этотъ день святятъ овесъ, потому что *свенты Щепанъ* считается покровителемъ коней. Священникъ, проходя посреди церкви, вропять людей и овесъ св. водою, а народъ, въ воспоминаніе побіенія камнями св. Стефана, бросаетъ въ священника овсомъ. Заключеніемъ рождественскихъ праздниковъ является день *Трехъ царей* (6-го января). Въ воспоминаніе даровъ, принесенныхъ царями волхвами новорожденному Спасителю, хозяинъ дома несетъ въ церковь для освященія золото, мирру и янтарь; богатые приносятъ, какъ золото, польскіе или венгерскіе дукаты, съ изображеніемъ Богородицы; бѣдные покупаютъ сусальное золото, которое, вмѣстѣ съ миррою и янтаремъ, продается обыкновенно у входа въ церковь. Къ этимъ дарамъ присовокупляется еще кусокъ мѣлу, которымъ, по возвращеніи домой, на всѣхъ дверяхъ пишутъ годъ и начальныя буквы именъ трехъ царей (Д, М, В); эти буквы обыкновенно вставляются между цифръ года, напр.

1 Д 8 М 7 В 7. Освященные дукаты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отцы имѣютъ обычай давать дѣтямъ, начинающимъ жить своимъ домоу, какъ основаніе ихъ будущаго богатства. Съ кануна «Трехъ царей», пробощъ (благочинный) объѣзжаетъ свою парафію (мѣстность, состоящую подъ его духовнымъ начальствомъ), испытываетъ познанія дѣтей въ катехизисѣ, даетъ совѣты, раздаетъ образки святыхъ тѣмъ, кто хорошо знаетъ катехизисъ. За это его благодарятъ, кто чѣмъ можетъ. Такъ какъ съ 7-го января начинаются свадьбы, то, по отъѣздѣ пробоща, дѣвушки въ запуски спѣшатъ сѣсть на то мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ въ избѣ во время своего посѣщенія, полагая, что которая изъ нихъ первая сядетъ на это мѣсто, та раньше другихъ выйдетъ замужъ.

Въ время этого объѣзда, пробощъ освящаетъ также новопостроенные дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — преимущественно въ Краковѣ и его окрестностяхъ, въ день «Трехъ царей» послѣ обѣда разносятъ куски тѣста; въ одномъ изъ такихъ кусковъ находится миндаль, и кому попадется этотъ именно кусокъ, того привѣтствуютъ, какъ «миндального короля». Король выбираетъ себѣ даму и съ нею принимаетъ начальство надъ всѣмъ обществомъ, распоряжается танцами и всѣмъ широмъ. Около дня «Трехъ царей» начинается хожденіе со звѣздою. Впереди идетъ музыка, за нею звѣзда, т. е. деревянный кругъ, въ который вставлена промасляная бумага съ нарисованною на ней звѣздою; позади круга, носимаго на палкѣ, прикрѣпляютъ фонарь для освѣщенія звѣзды; около звѣзды идутъ люди съ фонарями и поютъ колядки. Позади того, кто несетъ звѣзду, идетъ *торунь*, человекъ, наряженный звѣремъ съ прикрѣпленнымъ сзади конскимъ хвостомъ, а спереди съ деревяннымъ рыломъ, въ родѣ ослинаго или воровьяго; это рыло имѣетъ особый снарядъ для открыванія и закрыванія рта, что производится съ громкимъ стукомъ; торунь ходитъ на четверенькахъ. Онъ бросается неожиданно на тѣхъ, кто слѣшкомъ засмотрится на звѣзду, особенно нападаетъ на дѣвушекъ. Со

звѣздой ходятъ по домамъ. Придя въ домъ, начинаютъ быстро вертѣть звѣзду и поютъ пѣсни, въ которыхъ описывается поклоненіе царей - волхвовъ; затѣмъ, торунь начинаетъ потѣшать присутствующихъ разными забавными выходками.

Послѣдняя недѣля передъ великимъ постомъ называется *запустами*; ее можно приравнять къ нашей масляницѣ; впрочемъ, такъ какъ у католиковъ постъ начинается со среды первой недѣли нашего поста, то *запусты* оказываются нѣсколько длиннѣе масляницы. *Запусты* — дни самаго неудержимаго веселья; всякій сиѣнитъ какъ можно больше нагуляться передъ предстоящимъ постомъ. Въ деревняхъ въ эти дни то у того, то у другаго, устраиваются пирушки, а чаще всего собираются въ корчмѣ, гдѣ пьютъ, поютъ и пляшутъ до упаду. Еще больше веселья въ домахъ шляхетскихъ. Главный день веселья — послѣдній день *запустовъ*, вторникъ. Въ этотъ день рядятся во всевозможные костюмы: стариками, жидами, цыганами. По улицѣ деревни ходитъ *коза*. Парень, ее представляющий, одѣвается на себя вывороченный шерстью вверхъ тулупъ, прикрѣпляетъ сзади конскій хвостъ, а къ головѣ — рога; на правый рогъ прикрѣпляетъ колокольчикъ. Козу ведутъ четыре человекъ и ходятъ съ ней при звукахъ музыки изъ дома въ домъ. Войдя въ домъ, коза начинаетъ продѣлывать разные штуки: катается по полу, пляшетъ, говоритъ человѣческимъ языкомъ, что ей ѣсть хочется и т. п. Въ другихъ мѣстностяхъ ходитъ *запустъ*. *Запустъ*, какъ и коза, одѣвается въ тулупъ шерстью вверхъ, подпоясывается веревкой, а на голову одѣваетъ высокую шапку, украшенную лентами и цвѣтною бумагою; въ рукахъ онъ держитъ маленькій, деревянный топоръ съ колокольчикомъ. Съ *запустомъ* обыкновенно ходитъ другой человекъ, наряженный старикомъ, съ корзиною въ рукахъ, въ которую складываютъ получаемые подарки. Они обходятъ каждую избу въ деревнѣ, смѣша чудной одеждою и шутками старшихъ, пугая дѣтей. Нерѣдко съ *запустомъ* ходитъ цѣлая толпа парней, переряженныхъ

въ разные, удивительные наряды. При входѣ въ домъ *запустъ* говоритъ: «Я *запустъ*, герцогъ мантуанскій, иду изъ своей земли, гдѣ собаки хвостами лаютъ». Потомъ, подобнымъ же образомъ, большою частью въ стихахъ, представляетъ хозяину всѣхъ своихъ спутниковъ и затѣмъ, послѣ разныхъ шутокъ, говоритъ: «Дайте намъ, что можете дать, не заставляйте насъ долго ждать, потому что тамъ герцогиня ходитъ по полю, во всѣ стороны поглядываетъ: гдѣ, молъ, это герцогъ мантуанскій шатается?» Послѣ этого приглашенія хозяева угощаютъ гостей пивомъ, медомъ, даютъ хлѣба, колбасы и т. п.

Въ среду, съ которой собственно начинается постъ, бабы берутъ возъ, украшаютъ его платками, плахтами и объѣзжаютъ всѣхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ въ этомъ году. Передъ возомъ танцуютъ или скачутъ двѣ бабы. Подѣхавъ къ тому или другому дому, вынуждаютъ вновь вышедшую замужъ особю пѣсню, сажаютъ ее на возъ и везутъ къ корчмѣ, а передъ корчмою грозятъ ее опрокинуть вмѣстѣ съ возомъ, и требуютъ выкупа. Послѣ этой поѣздки, бабы собираются въ корчму и тамъ прыгаютъ, стараясь прыгнуть какъ можно выше, въ томъ убѣжденіи, что лень у нихъ вырастетъ такъ высоко, какъ высоко онѣ прыгнутъ. Въ шляхетскихъ домахъ, въ послѣдній день запустовъ, устраиваютъ иной разъ такъ называемый *кумигъ*. Забава эта состоитъ въ томъ, что всѣ участвующія лица наряжаются по крестьянски и, подъ видомъ свадебнаго поѣзда, приѣзжаютъ къ кому либо изъ сосѣдей; между ряженными непременно бываютъ староста и старостиха, органистъ и его жена, мельникъ и мельничиха, жидъ - арендаторъ, иногда одинъ, иногда съ женою, молодые, дружки и дружны, т. е. подруги невесты. Переодѣванье происходитъ къ вечеру, въ условленномъ мѣстѣ, по большей части, въ корчмѣ того имѣнія, къ владѣльцу котораго ѣдетъ кулигъ. Напередъ отправляютъ къ хозяину посланца, который долженъ вручить ему листъ бумаги, на которомъ въ стихахъ, съ разными шут-

ками, заявляется о предстоящемъ прибытіи кулига. Затѣмъ, съ шумомъ и крикомъ приѣзжаютъ и ряженые. Въ домъ обыкновенно темно и глухо, потому что хозяинъ, удалившись въ глубину дома, умышленно приказалъ не зажигать еще огня. Наряженный старостою входитъ въ домъ и ищетъ хозяина. Хозяинъ, какъ бы случайно, услыхавъ чьи-то голоса, выходитъ къ старостѣ и спрашиваетъ у него, кто онъ и чего хочетъ. Староста отвѣчаетъ, что странствуетъ по свѣту съ веселой компаніей и что, услышавъ о старопольскомъ гостепріимствѣ здѣшняго дома, завернулъ въ эти страны и надѣется на благосклонный приемъ. На эти слова хозяинъ отвѣчаетъ: «А, ну, коли такъ, дѣло другое, расположитесь же у меня свободно, какъ въ собственномъ домѣ». Иной разъ, впрочемъ, онъ напередъ торгуется со старостою и говоритъ, что не имѣетъ запасовъ, что не могъ бы пристойно принять ихъ и т. д. Староста успокоиваетъ его, что при добромъ желаніи все найдется и т. д. Наконецъ, вся толпа ряженыхъ вваливается въ покой, зажигаются по всему дому свѣчи, и начинается шумное веселье. Сначала говоритъ рѣчь староста, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, а главнымъ образомъ къ хозяевамъ, представляя имъ въ стихахъ по очереди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ свадебной комедіи. Затѣмъ, начинается комическая сцена между органистомъ и жидомъ - арендаторомъ, въ которой первый говоритъ рѣчь молодымъ, а жидъ мѣшаетъ ему разными замѣчаніями и остроуміями. Иногда случается, что во время этого представленія врывается въ домъ другой кулигъ, раньше приѣхавшій и спрятавшій гдѣ нибудь въ заднихъ комнатахъ. Тогда начинается — разумѣется, въ шутку — ссора между участниками того и другаго кулига; каждая сторона старается вытѣснить другую изъ дома. Главная роль въ этой ссорѣ достается на долю жидовъ, такъ какъ и въ той, и въ другой компаніи есть лицо, переряженное жидомъ: жиды бранятся между собою на жидовскомъ жаргонѣ, даже дерутся. Наконецъ, хозяинъ улаживаетъ ссору и начинается общее веселье: пѣсни, танцы

и пр. Послѣ полуночи, одинъ изъ присутствующихъ рядится наступающей постной *середой*, т. е. надѣваетъ на себя колпакъ изъ сахарной бумаги, беретъ въ одну руку палку съ привязанной къ ней сеledочной головкою, въ другую — кнутъ, и начинаетъ разгонять веселящихся; его нѣсколько разъ выгоняютъ; наконецъ, *среда* одерживаетъ верхъ, и хозяинъ приглашаетъ гостей къ ужину, за которыми подаются уже постныя блюда.

Передъ Пасхой, начиная съ великаго четверга или даже со среды, начинаются въ каждомъ домѣ приготовления къ празднику. Хозяйки заготавливаютъ *свенцоне*, т. е. пасхальный столъ. При гостеприимствѣ поляковъ, столъ этотъ отличается обиліемъ различныхъ яствъ, въ особенности бабъ, т. е. печеній, замѣняющихъ, какъ кажется, наши булочки. У богатыхъ польскихъ магнатовъ прежнихъ временъ *свенцоне* поражали баснословнымъ великолѣпіемъ и громадностью разиѣровъ.

Самый убогій крестьянинъ, самый бѣдный шляхтичъ, копить деньгу къ празднику Пасхи, чтобы сдѣлать хотя маленькое *свенцоне* и разговѣться съ семьей, какъ требуетъ того польскій обычай.

Въ великій четвергъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ великую субботу, справляется обрядъ *уничтоженія жура*. *Журъ* — постный борщъ, приправленный овсяною мукою, служащій обычною пищею во время поста. Въ великій четвергъ, горшокъ, въ которомъ варился журъ, выносятъ на дворъ и разбиваютъ, бросая въ него камни, а черепки выбрасываютъ на дорогу. Иногда мальчишки устраиваютъ изъ этого обряда потѣху: черезъ улицу, отъ одной избы до противоположной, протягиваютъ веревку и къ ней привѣшиваютъ горшокъ съ жуromъ, иногда же съ золою или сажею; если кто пройдетъ подъ горшкомъ, горшокъ разбиваютъ палками и прохожій обливаеся жуromъ или осыпается сажею; чтобы избавиться отъ этой церемоніи, надо дать мальчишкамъ какою нибудь мелочъ. Въ день

Пасхи, послѣ церковной службы, святятъ все пасхальные припасы; впрочемъ, освященіе припасовъ происходитъ и вечеромъ въ субботу. Разгавливаясь, наблюдаютъ, чтобы не падало на полъ крошекъ, а особенно — чтобы ихъ не съѣли куры, потому что тогда онѣ не будутъ нестись; косточки отъ освященнаго мяса зарывають въ полъ въ томъ убѣжденіи, что эти косточки охраняють поле отъ кротовъ и мышей.

На второй день праздника начинается такъ называемый *дымусъ*. Еще въ воскресенье вечеромъ, парни, захвативъ мѣдный шаръ или что нибудь подобное, отправляются къ корчмѣ. Одинъ изъ нихъ взлѣзаетъ на кровлю, и, ударя въ шаръ какъ въ бубенъ, провозглашаетъ имена дѣвушекъ, которымъ предстоитъ на завтра быть облитыми, что и приводится въ исполненіе въ понедѣльникъ: съ ранняго утра, парни ходятъ по деревнѣ съ ведрами и корытами и обливають дѣвушекъ, которыя, разумѣется, прячутся и убѣгаютъ куда и какъ могутъ. Чтобы избавиться отъ этого обливанія, надо отлить парнямъ кварту водки; тогда, при провозглашеніи именъ съ кровли корчмы, объ этой дѣвушкѣ заявляютъ, что ее слѣдуетъ облить водкой. Провозглашеніе это производится, обыкновенно, съ разными прибаутками и не слишкомъ лестными отзывами о той или другой дѣвушкѣ; тѣмъ не менѣе дѣвушка, имя которой вовсе не будетъ упомянуто при этомъ, сочтетъ себя сильно оскорбленною. Во вторникъ роли мѣняются; теперь дѣвушки начинаютъ обливать парней которые стараются ускользнуть отъ нихъ или спрятаться. Вся эта потѣха сопровождается общимъ смѣхомъ и шутками, и на этомъ кончается *дымусъ*.

На второй день праздника, мальчишки ходятъ по деревнѣ съ *баранкомъ*, т. е. агнецемъ. Баранокъ этотъ деревянный и держитъ въ переднихъ лапкахъ пилу, которал, посредствомъ особаго снаряда, приводится въ движеніе, будто агнецъ пилитъ; фигура эта означаетъ Христа, а пила должна напоминать о томъ, какъ онъ,

живя у Иосифа, помогали ему въ работѣ. Мальчики, сопровождающіе агнца, зовутъ въ колокольчики и, входя въ каждую избу, поютъ особныя пѣсни, въ которыхъ отчасти описываются страданія Иисуса Христа, отчасти содержатся разныя шутки, а въ концѣ концовъ просятъ дать имъ яичекъ, колбаски и т. п., въ чемъ имъ, разумѣется, никогда не отказываютъ.

Наканунѣ дня Іоанна Крестителя, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., подѣ Краковымъ, въ день такъ называемыхъ зеленыхъ святокъ, черезъ 10 дней послѣ Вознесенія, справляютъ въ Польшѣ особый народный праздникъ, называемый *собуткою*. По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей славянской старины, праздникъ этотъ языческаго происхожденія и принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ, совершавшимся въ честь солнца не только у славянъ, но и у другихъ народовъ Европы и Азіи.

Въ ночь на 24-ое іюня, дѣвушки собираются на полѣ и разводять тамъ большой костеръ. Взав-

ПОЛЬСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ИЗЪ ПОДѢ КРАКОВА.

шись за руки, онѣ пляшутъ около этого костра и поютъ пѣсни, въ которыхъ выражается общее мнѣніе о той или другой дѣвушкѣ, а также и о томъ, котораго изъ парней предпочитаетъ она другимъ; нерѣдко, въ насмѣшку, поютъ, что такая-то дѣвушка непременно выйдетъ замужъ за такого-то, нишаго или калѣву. Поются тутъ также пѣсни, въ которыхъ дѣвушкамъ распредѣляются вѣнки изъ разныхъ растеній, подходящихъ почему либо къ ихъ достоинствамъ или недостаткамъ. Поютъ напр.: «Этой вѣнокъ изъ капусты, пойдетъ замужъ въ мясопустъ» (т. е. никогда, слишкомъ разборчива), или: «Этой ленту широкую, потому что сама она дюжая, высокая», и т. п. Насмѣшки, встрѣчающіяся въ этихъ пѣсняхъ, возбуждаются въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣвушки часто раздѣляются на враждебныя партіи, которыя стараются такъ или иначе уколоть другъ друга. По окончаніи пѣсенъ дѣвушки начинаютъ прыгать черезъ костеръ, вѣря, что которая легко перескочитъ, та скоро выйдетъ замужъ. Послѣ этого обряда,

къ дѣвушкамъ присоединяются парни и начинаются общія пѣсни и пляска, продолжающаяся до утра. Въ эту же ночь, какъ и у насъ, ходятъ искать папоротника, и также гадаютъ по вѣвкамъ. Дѣвушки выплываютъ на лодкѣ на средину рѣки и пускаютъ на воду вѣвни, съ прирѣпленными къ нимъ горящими свѣчами. Если такой вѣвенокъ быстро поплыветъ по теченію, — то дѣвушка выйдетъ замужъ въ этотъ же годъ; если же онъ долго стоитъ на мѣстѣ, — то выйдетъ замужъ не скоро. Въ эту ночь дѣвушки также смотрятъ въ зеркало, чтобы увидѣть въ немъ суженаго.

Кромѣ обычныхъ вѣвнъ славянамъ вѣрованій въ домовыхъ, русалокъ и т. п., у поляковъ существуетъ еще вѣрованіе въ *подземокъ* и *кросналковъ*. *Подземки* — женщины, живущія подъ землею; эти существа вращаютъ грудныхъ дѣтей, а на мѣсто ихъ подкладываютъ своихъ, сдѣланныхъ изъ соломы.

Кросналками называются маленькіе человѣчки, живущіе въ щеляхъ стѣнъ. Существа эти выходятъ въ лунную ночь изъ своихъ щелей и, рѣзвась, бѣгаютъ по избѣ. Людямъ они не дѣлаютъ никакого вреда; но если кто станетъ гнать ихъ, то они мгновенно превращаются въ страшныхъ великановъ.

Повѣрье въ колдуній очень распространено въ Польшѣ. Колдунья можетъ причинить человѣку разные болѣзни, заклявъ извѣстное мѣсто, напримѣръ, порогъ дома, часть избы, какое нибудь мѣсто поля, дороги; проходя черезъ это мѣсто, человѣкъ непременно захвораетъ. Чтобы паразитъ колтуномъ ребенка, колдунья стоитъ только сказать или даже подумать: «чтобъ тебя взялъ колтунъ!» Вѣрятъ также, что колдунья можетъ испортить человѣка (*urokzadac*) посредствомъ пищи или питья, надъ которыми произнесетъ заклинаніе. Впрочемъ, пищу или питье можетъ околдовать и не колдунья, а всякій женатый мужчина или замужняя женщина, если въ

ту минуту, когда они подаютъ пищу или питье, у нихъ бродятъ въ головѣ дурныя мысли. Поэтому принято, прежде чѣмъ выпить поднесенную рюмку водки, крестить ее, въ томъ убѣжденіи, что если напитокъ околдованъ, то рюмка отъ креста разобьется въдребезги.

Противъ порчи существуютъ разные средства. Чтобы узнать, кто виновенъ въ порчѣ, мужчина или женщина, кладутъ въ стаканъ воды кусочекъ хлѣба и уголь; если хлѣбъ пойдетъ ко дну, то испортилъ человѣка мужчина, если же уголь — то женщина. Всего легче подвергаются порчѣ дѣти. Поэтому принято, чтобы, видя первый разъ новорожденного ребенка, не смотрѣть на него прямо, а сначала взглянуть на свои ногти; если же кто забудетъ объ этомъ и взглянетъ прямо на ребенка, тотъ долженъ плюнуть въ сторону и сказать: «на собаку порча!» Чтобы уничтожить порчу въ ребенкѣ, должно взять девять кусочковъ хлѣба и девять угольковъ и положить все это въ стаканъ воды; потомъ, помочивъ руку въ этой водѣ, провести ею по лицу ребенка ото лба внизъ, затѣмъ слѣдуетъ дать ему выпить этой воды; оставшуюся же вылить въ два угла и въ печь. Колдуньи могутъ, набравъ подъ мышки листьевъ, превращать листья въ мышей и нетопырей; мыши поѣдятъ все на гумнѣ и въ погребѣ, если на дверяхъ нѣтъ начертаннаго мѣломъ креста. Колдуньи могутъ также лишать коровъ молока или превращать его въ кровь и въ воду. Чтобы уберечь корову отъ чаръ, привязываютъ ей къ рогамъ извѣстныя сушенныя травы, какъ напримѣръ, мяту; это дѣлаютъ въ особенности наканунѣ зеленыхъ святокъ (10-й день послѣ Вознесенья), потому что въ это время колдуньи особенно злы. Онѣ могутъ также наводить на край разные бѣдствія, какъ напримѣръ, войну, неурожай и т. п. Для этого колдунья превращается въ гусыню и садится на гнѣздо дикаго гуся; изъ высиненныхъ ею яицъ выходятъ всѣ бѣдствія, которыя она желаетъ нагнать на людей. Колдунью можно узнать потому, что у ней въ зрач-

къ не отражается стоящій передъ нею человѣкъ. Колдунья можетъ вселить въ человѣка злаго духа, который проявляется различнымъ образомъ: иныя черезъ него становятся лекарями, и лечатъ съ успѣхомъ, если только больной во время леченія не произнесетъ имени Божія; другихъ бѣсъ заставляетъ плясать, пьянствовать и т. п. Одержимый злымъ духомъ человѣкъ, увидя колдунью, непременно бросается на нее и начинаетъ бить ее, потому что бѣсы страшно ненавидятъ ту, которая заклала ихъ, т. е. принудила поселиться въ человѣкѣ.

Между народомъ особенно распространено повѣрье о томъ, какъ одинъ шляхтичъ, Твардовскій, продалъ себя чорту. Захотѣлось ему быть умнѣе другихъ людей и найти лекарство отъ смерти, которой онъ очень боялся. Вычиталъ онъ одинъ разъ въ какой-то старой книгѣ о томъ, какъ вызвать дьявола. Ровно въ полночь, вышелъ онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и придя на Подгорье (часть города), началъ выкликать бѣса. Тотъ немедленно явился, и Твардовскій заключилъ съ нимъ договоръ, который подписалъ собственною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Въ числѣ условій было одно главное: что бѣсъ не будетъ имѣть никакого права на душу Твардовскаго до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ его въ Римѣ. Твардовскій прежде всего велѣлъ бѣсу снести въ Олькушъ серебро со всей Польши и хорошенько засыпать его пескомъ. Отъ этого-то серебра произошли главные серебряные рудники въ Олькушѣ. Бѣсъ исполнялъ мгновенно всѣ желанія Твардовскаго, а тотъ, пользуясь случаемъ, продѣлывалъ разныя штуки, ѣздилъ на рисованномъ конѣ, леталъ безъ крыльевъ по воздуху, ѣзжалъ верхомъ на пѣтухѣ въ далекія путешествія и еще гораздо скорѣе чѣмъ на лошади; плавалъ противъ воды безъ весель и паруса и зажигалъ стекломъ деревни на разстояніи ста миль. Золота у него было бездна, потому что дьяволъ носилъ ему сколько душѣ угодно. Разъ какъ-то, Твардовскій зашелъ въ темный лѣсъ, позабывъ захватить свои чернокнижничьи снаряды. Вдругъ,

откуда не возьмись, появился передъ нимъ бѣсъ и сталъ требовать, чтобъ онъ сейчасъ же отправился съ нимъ въ Римъ. Твардовскій, силою своихъ заклятій, принудилъ бѣса бѣжать, но тотъ со злости выдернулъ съ корнемъ сосну и такъ ударилъ ею Твардовскаго по ногамъ, что разбилъ одну ногу въ дребезги. Съ тѣхъ поръ сталъ Твардовскій хромать и его прозвали колченогимъ. Соскучаеся долго ждать душу шляхтича, дьяволъ ухитрился: принялъ на себя видъ дворецкаго и припелъ звать Твардовскаго на помощь къ больному. Твардовскій согласился и пошелъ за посланнымъ въ сосѣдную деревню, вовсе не зная, что господскій домъ въ ней назывался Римомъ. Лишь только онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ множество вороновъ, совъ и филиновъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ, сѣли на кровлю дома и начали наполнять воздухъ своими зловѣщими криками. Увидѣлъ Твардовскій, что дѣло плохо и поскорѣе взялъ на руки изъ колыбели только что окрещеннаго младенца. Въ эту минуту появился дьяволъ въ собственномъ своемъ видѣ; не смотря на модный костюмъ, всѣ его тотчасъ узнали, потому что изъ подъ шляпы торчали рога, сквозь башмаки съ пряжками и бантами пробились когти, а сзади, изъ подъ фрака, виднѣлся хвостъ. Увидѣвъ въ рукахъ Твардовскаго младенца, онъ было-отшатнулся, но тотчасъ же нашелся и, подойдя къ нему, сказалъ: «ты честный шляхтичъ, а потому *verbum nobile, debet esse stabile*, что соответствуетъ русской посливицѣ: «не давши слова крѣпись, а давши слово держись». Видя, что нельзя измѣнить честному слову шляхтича, Твардовскій положилъ дитя и, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ вылетѣлъ черезъ трубу изъ дома. Поднялся онъ такъ высоко, что большіе города казались уже ему мухами; сжалось у него сердце. Собравъ послѣднія силы, заплѣлъ онъ церковную пѣснь. Пропѣвъ, онъ замѣчаетъ, что уже не летитъ выше, а повисъ на мѣстѣ. Оглянувшись кругомъ — дьявола нѣтъ, а изъ снѣжей тучи прогремѣлъ громкій голосъ: «Будешь висѣть такъ до самаго суднаго дня».

Изъ польскихъ обычаевъ, мы упомянемъ о тѣхъ, которые употребляются при полевыхъ работахъ.

Такъ, при концѣ жатвы, совершается у нихъ обрядъ *сжиганія немки*. Въ послѣдній день жатвы, тотъ изъ работниковъ — чаще всего дѣвушка — кто былъ замѣченъ, какъ самый лѣнивый, долженъ непремѣнно дожать послѣдній пучекъ колосьевъ. Этотъ-то пучекъ и называется *немекъ*. Жнутъ обыкновенно загонами, т. е. каждый изъ жнецовъ получаетъ извѣстный участокъ, который долженъ сжать; при этомъ тѣ, которые раньше кончили свой участокъ, обыкновенно помогаютъ другимъ въ работѣ. Но тому, кого присудили сжать *немекъ*, никто уже не помогаетъ, и, если онъ хочетъ уклониться отъ этого обряда и оставить послѣдній пучекъ несжатымъ, ему силою вкладываютъ въ руку серпъ, и, вода ею, заставляютъ волей-неволей срѣзать *немекъ*. Изъ колосьевъ этого пучка дѣлаютъ букетъ, прибавляя къ нимъ полевыхъ цвѣтовъ, и лѣнивый жнецъ, сопровождаемый веселою толпою товарищей, громко провозглашающихъ его имя, относитъ этотъ букетъ на помѣщичій дворъ, гдѣ вручаетъ помѣщику.

Послѣ совершеннаго окончанія жатвы, когда сжато яровое, справляются такъ называемыя *вѣнцы* или *дожинки*. Двѣ избранныя дѣвушки приносятъ помѣщику на головахъ два вѣнка, сплетенные изъ колосьевъ, а въ передникахъ яблоки и орѣхи, и все это складываютъ на крыльцѣ или въ сѣняхъ, за что получаютъ денежное вознагражденіе; сверхъ того, помѣщикъ приказываетъ обыкновенно выставить на дворѣ угощеніе жницамъ.

У косарей также есть свои обычаи. Молодой косарь, въ первой годъ работы, долженъ уплатить старымъ косцамъ *фрицове*, т. е. поставить имъ извѣстное количество водки. Если онъ не хочетъ покориться этому обычаю, то, во время работы, ставятъ позади него самаго лучшаго косца, который бросаетъ свою скошенную траву на

нескошенную еще траву молодого косаря, такъ что послѣдній долженъ во время косьбы, отбрасывать въ сторону два побоса; это его, конечно, утомляетъ и принуждаетъ покориться *фрицовкѣ*. *Фрицовка* эта начинается съ того, что новому косцу плетутъ соломенный вѣнокъ, къ которому прикрѣпляютъ нѣсколько прутьевъ, сходящихся сверху и увѣнчивають все это влочкомъ сѣна.

Приготовивъ вѣнокъ, косцы выбираютъ изъ своей среды такъ называемаго *маршалка*, которому даютъ въ руки толстый, соломенный жгутъ. Маршалокъ наблюдаетъ за новымъ косцомъ, и чуть замѣтитъ какую неисправность въ его работѣ, даетъ ему нѣсколько ударовъ этимъ жгутомъ. По окончаніи работы, на молодого косца надѣваютъ вышеописанный вѣнокъ и двое старыхъ косцовъ ведутъ его подъ руки на помѣщичій дворъ. Впереди скачутъ верхомъ на палкахъ два *казака*, держа въ рукахъ по другой палкѣ, съ привязаннымъ къ ней платкомъ; кафтаны на нихъ, обыкновенно, выворочены на изнанку а на головахъ вмѣсто шапокъ мѣшки. Казаки гонятъ съ дороги всѣхъ встрѣчныхъ, причемъ кричатъ, что ведутъ волка. Позади молодого косца, идетъ *маршалокъ* съ перевѣшаннымъ черезъ плечо жгутомъ. Вся толпа, звеня косами, съ крикомъ и шумомъ приходитъ на помѣщичій дворъ, гдѣ помѣщикъ угощаетъ ее водкой. Послѣ того отправляются въ корчму, гдѣ новый косецъ и уплачиваетъ старымъ фрицове, то есть выставляетъ условленное количество водки.

Свадебные обряды.

Свадьба у поляковъ сопровождается нѣкоторыми особыми обрядами, ведущими свое начало вѣроятно еще изъ языческой древности. Обряды эти, разумѣется, въ разныхъ мѣстностяхъ, сопровождаются различными подробностями, но въ общихъ чертахъ, они слѣдующіе. Свадьбѣ предшествуетъ, какъ и у насъ, сватовство. Формаль-

нымъ актомъ сватовства являются такъ называемыя *звяды*. Мать парня, или которая нибудь изъ его родственницъ, приходитъ къ родителямъ дѣвушки съ водкою. Если родители дѣвушки станутъ пить водку, то это означаетъ согласіе; если же не станутъ—это значитъ отказъ. Впрочемъ, послѣднее рѣдко случается, потому что по большей части обо всемъ уже переговорено заранѣе, такъ что *звяды* не болѣе какъ обрядовая формальность, но отъ исполненія которой ни одинъ крестьянинъ не позволитъ себѣ уклониться. Обрядъ этотъ практикуется преимущественно въ окрестностяхъ Сандомира.

У куявовъ — племени, населяющаго сѣверо-восточную часть Варшавской губерніи, *звяды* происходятъ при слѣдующей обстановкѣ. Парень, задумавшій жениться, приходитъ со свахою—по польски *сваихкою*—къ родителямъ дѣвушки въ полночь. Сваха стучитъ въ двери и когда отворять, входитъ съ вопросомъ: «А не забрелъ ли сюда гусь». «Нѣтъ», отвѣчаютъ хозяева. Тогда за дверями слышится откашливанье; сваха отворяетъ дверь и говоритъ: «А, вотъ онъ, гусекъ; войди сюда». Парень входитъ, падаетъ въ ноги родителямъ и объясняетъ имъ свои намѣренія. Дѣвушка въ то время прячется за печь. Родители вызываютъ ее, спрашиваютъ, согласна ли выйти за парня и, если согласна, благословляютъ жениха съ невѣстою, и потомъ уже принимаются за водку, принесенную свахою. Впрочемъ, обрядъ сватовства исполняется съ этими подробностями далеко не повсемѣстно, даже въ Куявіи. У мазуровъ женихъ въ присутствіи какого нибудь почетнаго, уважаемаго въ деревнѣ, лица поетъ подъ окномъ той, на которой хочетъ жениться, пѣню, намекающую на его чувства и желанія. По окончаніи пѣсни, его любезно приглашаютъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, войти въ домъ. Молодой человекъ вынимаетъ тогда изъ кафтана принесенную бутылку, пьетъ за здоровье родителей молодой дѣвушки и подучетъ также ее. Если дѣвушка приметъ поднесенную ей рюмку—это означаетъ, что она согласна вступить въ бракъ, если же нѣтъ—это служитъ знакомъ отказа.

Вскорѣ послѣ *звядовъ*, бывають *зареннины*—обрученье. Въ день *зареннинъ*, женихъ съ невѣстою идутъ утромъ по деревнѣ приглашать гостей. У родителей невѣсты готовятъ пирь. Гости собираются вечеромъ и садятся за столъ обыкновенно послѣ полуночи, когда пропоеть первый пѣтухъ. Во время стола, отецъ невѣсты приноситъ двѣ миски, ставитъ ихъ вверхъ дномъ предъ женихомъ и невѣстою; мать невѣсты и свать оборачиваютъ миски внизъ дномъ и женихъ съ невѣстою кладутъ въ нихъ свои кольца. Сваха кропаетъ св. водою сначала кольца, а потомъ и всѣхъ присутствующихъ; затѣмъ старшій возрастомъ или пользующійся наибольшимъ уваженіемъ изъ числа присутствующихъ, мѣняетъ кольца жениху и невѣстѣ. Послѣ этого пирь идетъ до самаго утра. Черезъ нѣсколько дней послѣ обрученія бываетъ дѣвичникъ, по польски *разплецины*. Въ этотъ вечеръ дѣвушки, подруги невѣсты, заплетаютъ ей косу; это сопровождается приличными случаямъ пѣснями. Косу расплетаетъ потомъ старшій жениха дружка, а затѣмъ женщины подрѣзываютъ ее. Разплецины оканчиваются танцами. Впрочемъ, поляки справляютъ это не во всѣхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ онъ не въ обычаяхъ, невѣстѣ обрѣзываютъ косу уже послѣ свадьбы.

Передъ днемъ свадьбы невѣста отправляется звать гостей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ окрестностяхъ Сандомира, приглашая кого либо на свадьбу къ себѣ, она должна стать передъ нимъ на колѣни и обнять его ноги. Наканунѣ свадьбы, женихъ съ невѣстою, въ нарядномъ платьѣ, а невѣста притомъ съ головою, убранною множествомъ лентъ и цвѣтовъ, идутъ въ церковь на исповѣдь. Передъ вѣяномъ, невѣсту сажаютъ на квашню, расчесываютъ ей волосы, убирая въ цвѣты и ленты. Все время, пока одѣвается невѣста, чтобы ѣхать въ церковь, дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни. Когда она одѣнется, родители благословляютъ ее; затѣмъ она обходитъ всѣхъ присутствующихъ, кланяется имъ въ ноги, проситъ благословенія и, наконецъ, рыдая, прощается со всѣми родными и знакомы-

ми. Послѣ этого прїѣзжаетъ женихъ со свитою, его благословляютъ, и свадебный поѣздъ отправляется въ костелъ. Шествіе открываютъ трубачи и другіе музыканты. Музыка составляетъ такую необходимую принадлежность свадьбы, что безъ нея никогда не обходятся; бѣдныя занимаютъ деньги для того, чтобы заплатить музыкантамъ. За музыкантами ѣдутъ повозки, наполненныя гостями; жениховы дружки скачутъ верхами по бокамъ; каждый изъ нихъ держитъ въ одной рукѣ кнутъ, а въ другой флагъ. Невѣста ѣдетъ въ передней повозкѣ со свахою и подругами; женихъ сидитъ на козлахъ вмѣстѣ съ вучеромъ или ѣдетъ верхомъ. Обычай требуетъ, чтобы поѣздъ ѣхалъ какъ можно шумнѣе, а потому музыка, пѣсни и крики не умолкаютъ всю дорогу. Иногда молодежь зажигаетъ по дорогѣ костры изъ хвороста и на коняхъ перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Въ церковь входятъ въ извѣстномъ порядкѣ. Невѣста идетъ между подругами, которыя держатъ передъ нею за углы платокъ; точно также женихъ идетъ за нею между дружками, которые и передъ нимъ держатъ платокъ. По окончаніи церковнаго обряда, возвращаются обыкновенно другимъ путемъ, «чтобы смерть ошиблась дорогою». И на этотъ разъ, свадебный поѣздъ ѣдетъ съ пѣснями и крикомъ, причемъ продѣлываются разныя штуки, такъ напримѣръ, вучеръ повозки, въ которой ѣдутъ новобрачные, роняетъ кнутъ и заявляетъ, что дальше ѣхать не можетъ, пока дружки не откупятся; скрипачъ обрываетъ струну на скрипкѣ и требуетъ отъ дружекъ денегъ на покупку новой и т. п. По большей части свадебный поѣздъ направляется не прямо въ домъ родителей, а въ корчму и тамъ вируетъ нѣсколько времени, чтобы домашніе успѣли приготовиться въ прїему гостей.

По прибытіи въ домъ родителей, садятся за обѣдъ. Гости составляютъ двѣ категоріи: въ одной принадлежатъ почетные люди деревни, а именно: священникъ, лицо, находящееся въ штатѣ помѣщика, управляющій и ревизоръ. Ихъ сажаютъ за особый

столъ, накрытый бѣлою скатертью. Прежде всего пьютъ за здоровье молодой четы; за свадебнымъ обѣдомъ подаютъ куличи пшеничныя и ржаные, масло, сыръ, гусей, поросятъ, жаркое, солонину, орѣхи, яблоки, пиво и водку. У бѣдныхъ же почетнымъ лицамъ бываетъ особое угощеніе, состоящее изъ супа, мяса, сладкаго кушанья и плодовъ. Другіе же гости должны довольствоваться, по большей части, пшенной кашею, влецками и супомъ, который подаютъ послѣ всего. Гости приносятъ свои деревянные чашки и ложки. Вино играетъ важную роль при брачномъ обѣдѣ, и вокругъ стола то и дѣло ходятъ полныя стаканы. Дружки прислуживаютъ и забавляютъ компанію разными шутками. Но пока присутствуютъ почетные люди, никто не выступаетъ изъ границъ приличія. Послѣ обѣда начинаются танцы, причемъ тѣ дѣвушки, которыя явились на свадьбу не босая, снимаютъ башмаки, чтобы удобнѣе предаться веселю. Только одна молодая остается до конца вечера въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бантами. Сперва старики протанцуютъ польскій. Затѣмъ, раздаются звуки мазурки и никто уже не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ. Въ продолженіе танцевъ также продѣлываются разныя шутки. Такъ напримѣръ, дѣвушки прячутъ молодую, а свахи должны ее розыскать и отнять у дѣвушекъ, или происходитъ дѣлая сцена продаванія молодой мужу подъ видомъ коровы. Веселье длится всю ночь напролетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ не справляютъ дѣвичника, въ заключеніе пира происходитъ обрядъ обрѣзанія косы у молодой, совершаемый старшею изъ присутствующихъ женщинъ. Иногда свадебный пиръ продолжается не только на другой и на третій день, но цѣлую недѣлю. Если пиръ происходитъ не въ домѣ молодаго, а у родителей молодой, то на слѣдующее утро подѣзжаютъ въ домъ двѣ телѣги: на одной изъ нихъ сидятъ музыканты, на другой молодой, явившійся за женою. Собравшіяся у молодой подруги поютъ грустныя пѣсни, въ которыхъ говорится о горечи разлуки, о счастливыхъ дняхъ дѣвической жизни и тому по-

добное, а музыканты сопровождают их на трубахъ и дудкахъ.

Наконецъ выносятъ на тѣлу приданое молодой, которая между тѣмъ съ громкимъ плачемъ прощается съ родителями и затѣмъ уѣзжаетъ съ мужемъ въ новое жилище.

Погребальные обряды.

Когда кто умретъ, передъ домою ставятъ въ знакъ того траурную хоругвь, взятую изъ церкви. Положивъ тѣло покойника на столъ и сжегши на полѣ солому, на которой онъ лежалъ, идутъ или посылаютъ кого изъ родственниковъ къ священнику съ просьбою о благословѣннѣ, за что платятъ злотъ (15 коп.) или больше. Покойника, и мужчину и женщину, одѣваютъ въ рубашку, завязанную шнуркомъ; мужчинѣ одѣваютъ брюки. На рубашку одѣваютъ *злю*, родъ тюники или рубахи изъ бѣлаго полотна, длиною до пятъ; это *злю* опоясываютъ черною лентою или завязываютъ черною тесемкою у шеи, у рукавовъ и въ поясѣ. Молодымъ расчесываютъ волосы и оставляютъ голову не покрытою. Старымъ прикрываютъ голову *дуженкой*, т. е. полотняною бѣлою шапкою (въ старину этимъ словомъ означались шапка или колпакъ, одѣвавшіеся на ночь). На ноги обуваетъ бѣлыя, спитые изъ полотна чулки или носки; но сапоговъ или башмаковъ не надѣваютъ. Дѣтей хоронятъ даже совсѣмъ босыхъ. Если покойникъ былъ старъ или женатъ, гробъ красятъ черною краскою или подъ орѣхъ; если молодъ—красною или голубою; если бѣднякъ—гробъ сколачиваютъ изъ простыхъ досокъ. У тѣла стоятъ на столѣ водка и хлѣбъ. Каждый изъ посѣтителей, войдя, становится на колѣно передъ гробомъ; окончивъ молитву, встаетъ и привѣтствуетъ, кого застанетъ, словами: «Да будетъ благословленъ Иисусъ Христосъ!» Ктонибудь изъ домашнихъ подчуетъ его водкою, раз-

сказываетъ обыкновенно подробности болѣзни и смерти покойнаго, и оба вмѣстѣ сокрушаются надъ нимъ и оставшимися сиротами. Однако, посѣтитель хотя и говоритъ: «горе!» а все-таки жадно поглядываетъ на стоящую подлѣ фляжку съ водкою. Иные поютъ надъ тѣломъ священные гимны. *Пустая ночь* (*pusta noc*) называется вторая, въ которую собираются люди на молитву въ домъ, гдѣ лежитъ тѣло умершаго, котораго утромъ должно хоронить. Название это происходитъ отъ того, что пусто будетъ въ домѣ, въ немъ не будетъ хозяина или хозяйки. На третій день по смерти, заколовъ гробъ, везутъ его на тѣлѣ или, если близко, несутъ на кладбище. При провожаніи тѣла, самый старый или вообще желающій изъ домашнихъ говоритъ иногда короткую, прощальную рѣчь, въ которой поручаетъ душу умершаго, равно какъ и живыхъ, покровительству Божію, прощаясь съ оставшимися отъ его имени; эту рѣчь онъ иногда повторяетъ у какойнибудь *фигуры* (креста, который въ Польшѣ ставятъ на перекресткахъ), гдѣ останавливаются. Провожая тѣло до могилы, поютъ гимнъ: «Радуйся, царица небесная» (*Salve, Regina*) или какой либо другой. Ксендзь въ комжѣ (риза) провожаетъ гробъ до встрѣчнаго креста, а иногда и до самой могилы и, окропивъ гробъ св. водою и, прочитавъ молитву, уходитъ. По опушеніи тѣла въ могилу, нѣкоторые изъ братьевъ и пріятелей идутъ въ корчму и за рюмкою вспоминаютъ о добродѣтеляхъ или недостаткахъ покойнаго. А въ его домѣ вдова, или ктонибудь изъ оставшихся родныхъ, устраиваетъ *похуекъ*, т. е. поминки, на которыя приглашаетъ близкихъ родныхъ.

Историческій очеркъ.

Въ первые вѣка по Р. Х. страны, лежащія между Одеромъ и Вислою, были населены славянскими племенами, занимавшимися зе-

мледѣлемъ и извѣстными подѣ названіемъ ляховъ или лехитовъ. Эти мирныя племена были покорены воинственнымъ, аристократическимъ народомъ — сарматами, которые слились въ одинъ народъ съ побѣжденными, такъ что не оставили ему даже своего имени. Тѣмъ не менѣ слѣды вліянія сарматскаго элемента сохранились даже доннѣ въ польскомъ народѣ, преимущественно въ высшихъ классахъ и воинственномъ дворянствѣ, владѣющемъ поземельною собственностью. Въ IX столѣтіи, сынъ Пяста соединилъ эти племена въ одинъ народъ, получившій названіе поляковъ.

Мечиславъ (955—992), правнукъ Пяста, принявшій христіанскую вѣру, ввелъ въ эту страну, вмѣстѣ съ католицизмомъ, начала латино-германской религіозной и политической системы. Онъ соединилъ въ одно государство Мазовію (на нижней Вислѣ), Нижнюю Силезію, Куявію (на лѣвомъ берегу Вислы на сѣверо-западъ отъ Варшавы) и Великую Польшу (между Варшавою и Позенемъ). Но настоящимъ основателемъ, если не государства польскаго, то его могущества, былъ первый король польскій, Болеславъ Храбрый, современникъ св. Владиміра.

По смерти Болеслава, сыновья его раздѣлили Польшу на четыре княжества. Отсюда начинается гибельная система дробленія, оставившая надолго роковыя слѣды. Потомки сыновей Болеслава, въ свою очередь, дѣлили свои владѣнія между своими сыновьями, такъ что образовалось множество небольшихъ отдѣльныхъ княжествъ. Такой порядокъ продолжался до XIV столѣтія. Близость Германіи и частыя сношенія съ этою страню распространили между могущественными вельможами духъ феодализма.

Средній классъ состоялъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, эмигрировавшихъ изъ своего отечества, которые пользовались большими привилегіями и монополизировали торговлю.

Около XIV столѣтія, евреи, въ очень большомъ числѣ, нахлынули на Польшу, которая съ тѣхъ поръ стала для нихъ вторымъ оте-

чествомъ. Они вскорѣ завладѣли всею ея торговлею, предоставивъ нѣмцамъ только ремесла и искусства.

Самое важное событіе этого періода, — было основаніе и быстрое распространеніе власти Тевтонскаго ордена на берегахъ Нижней Вислы.

Въ эпоху нашествія татаръ, Польша счастливо выдержала нѣсколько битвъ съ ними и избѣгла ихъ владычества.

Въ 1333 году, былъ избранъ на польскій престолъ Казиміръ III, прозванный Великимъ, который успѣшно воевалъ съ сосѣдними государствами и въ 1340 году присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Червонную Русь. Царствованіе его было блестящее и возвело Польшу на ту степень благоденствія, которою она пользовалась въ теченіе двухъ вѣковъ и которая достигла своего апогея при Стефанѣ Баторіѣ.

Вскорѣ польскій престолъ достался Литовскому князю Ягелло, женившемуся на польской принцессѣ Ядвигѣ, и послѣдовало чрезвычайное политическое событіе — присоединеніе къ Польшѣ Литвы, — власть которой простиралась на всю Волынь, Бѣлоруссію и Украину. Слѣдовательно, присоединеніе къ Польшѣ Литовскаго княжества открыло ей обширное поле дѣятельности въ отношеніи Западной Руси, и съ этой эпохи Польша стала неутомимо стремиться къ ополченію русскихъ западныхъ областей и распространенію въ нихъ католицизма. Началась борьба за преобладаніе греческой или римской церкви и русскаго или польскаго элемента. Но народъ русскій сильно былъ приверженъ къ своей религіи, своимъ нравамъ и языку, и только спустя два столѣтія удалось польскому духовенству насильственно ввести въ Малороссію и въ Бѣлоруссію Унію. Въ началѣ XVI вѣка вступилъ на польскій престолъ Сигизмундъ I. Онъ велъ войну съ Московскимъ государемъ Василиемъ III, которая окончилась потерей Смоленска, отошедшаго къ Москвѣ. Гораздо счастливѣе была война его съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи, вслѣдствіе которой Пруссія превратилась въ ленное владѣніе Польши.

При Сигизмундѣ II Августѣ (1569) произошло полное присоединеніе литовской Руси къ Польшѣ. На государственномъ сеймѣ въ городѣ Люблинѣ, изданъ былъ актъ соединенія, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Люблинской Уніи. Въ 1561 году, съ уничтоженіемъ Ливонскаго ордена меченосцовъ, Курляндія была превращена въ ленное герцогство польской короны.

Могущество Польши достигло высшей степени въ царствованіе Стефана Баторія (1576—1586). Но по смерти его, Польша, лишенная однородной національности и королевской власти, опирающейся на прочныя начала, стала быстро влониться къ упадку.

Съ пресѣченіемъ династіи Ягеллоновъ (1572), правленіе въ Польшѣ стало чисто избирательное. Это обстоятельство было главною причиною ея паденія. Въ правленіе слабаго Сигизмунда III, король шведскій Густавъ-Адольфъ отнялъ у него Лифляндію и тѣмъ лишилъ Польшу преобладанія въ восточной Европѣ, которое перешло теперь къ Швеціи. Надъ Россіею же, вслѣдствіе внутреннихъ въ ней раздоровъ, Польша еще удержала на нѣкоторое время превосходство. Когда въ Россіи прекратилась династія Рюрика, явился въ Польшѣ самозванецъ, выдавшій себя за Дмитрія, сына царя Іоанна IV. Съ помощью польскаго войска, онъ вступилъ на Московскій престолъ. Послѣ его сверженія, поляки привели другаго Лжедмитрія и, пользуясь тяжелымъ положеніемъ Россіи, грабили и разоряли ее. Сигизмундъ самъ вторгнулся въ московское государство, завоевалъ Смоленскъ и хотѣлъ соединить Россію съ Польшею. Если бы это ему удалось, то Россія стала бы несомнѣнно добычею католицизма и польскаго элемента, но, по счастью, Пожарскій и Мининъ освободили Москву отъ польскаго гарнизона, и, когда на престолъ выбрали Михаила Феодоровича Романова, поляковъ изгнали изъ Москвы.

На югѣ малороссы, выведенные изъ терпѣнья притѣсненіями поляковъ, послѣ цѣлаго ряда казацкихъ возстаній и кровопролитныхъ

войнъ отложились отъ Польши, подъ предводительствомъ своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго и присоединились къ Россіи, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Турки, захвативъ польскую Украйну (Подоль), стали также опасными врагами поляковъ. Янъ Собіесскій (1674—1696), второй король, избранный поляками, отнялъ у турокъ завоеванную ими страну только послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ; онъ освободилъ также отъ турокъ Вѣну, разбивъ ихъ подъ стѣнами этого города въ 1683 году.

При короляхъ саксонскаго дома, Августѣ II и Августѣ III, Польша дошла до полного упадка, а начиная съ царствованія въ Россіи Петра Великаго, судьба Польши стала зависѣть отъ русскихъ императоровъ.

Со вступленіемъ на престолъ королей саксонскаго дома, вмѣстѣ съ усиленіемъ роскоши и безнравственности между дворянами, усилилось и вліяніе евреевъ. Право избранія короля, предоставленное дворянству вполнѣ, подвергло Польшу вліянію иностранныхъ державъ. По смерти Августа III (1763), поляки пожелали имѣть королею природнаго поляка изъ потомковъ Пяста, къ которымъ причисляли себя многіе польскіе вельможи. Образовались двѣ партіи: одна искала помощи Россіи, другая—Франціи. Екатерина II и Фридрихъ II указали на Станислава Понятовскаго. Съ помощью иностраннаго золота и русскихъ войскъ его избрали королею Польши. Тогда, часть шляхты, недовольная иноземнымъ вліяніемъ, образовала въ городѣ Варѣ сильную конфедерацію и вступила въ войну съ Россіею, длившуюся четыре года. Война эта довела Польшу до крайняго истощенія.

Три сосѣднія державы: Россія, Австрія и Пруссія произвели въ 1772 году первый раздѣлъ Польши. Россія получила собственно Бѣлоруссію (Витебскую и Могилевскую губерніи), Австрія—Галицію, Пруссія—Восточную Померанію безъ Данцига и часть Великой Польши, лежащую на лѣвомъ берегу Немце.

Въ 1793 г., послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому

Россіи достались губерніи: Минская, Подольская и Волынская, а въ 1794 году третій, по которому Россія получила губерніи Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.

Въ 1807 и 1809 годахъ императоръ Наполеонъ I снова соединилъ нѣкоторыя части прежняго Польскаго королевства, подъ названіемъ великаго герцогства Варшавскаго, которое, въ числѣ другихъ государствъ рейнскаго союза, участвовало въ войнѣ Наполеона противъ Россіи въ 1812 году. Послѣ паденія Наполеона, державы, принимавшія участіе въ борьбѣ съ нимъ, получили значительное вознагражденіе. Къ Россіи отошла большая часть Варшавскаго герцогства. Изъ него составлено «царство Польское» подъ властью русскаго императора. Императоръ Александръ I оставилъ

Польшѣ ея собственное управленіе, національный сеймъ и даже войско. Но поляки, недовольные зависимостью отъ Россіи, въ 1830 году опять возстали и вступили въ упорную войну съ Россіею. Возстаніе это было усмирено въ 1831 году. Польша лишилась своего сейма и войска, и превратилась въ русскую провинцію, управляемую сначала намѣстникомъ, а нынѣ генераль-губернаторомъ.

Общее число жителей царства Польскаго состоитъ изъ 4.840,466 человекъ обою пола. Главный городъ Царства-Польскаго, Варшава, основанъ въ XI столѣтіи. Онъ построенъ среди живописнаго мѣстоположенія на высокомъ берегу Вислы и раздѣляется на новый и старый городъ.